

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№3(61)
2024

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

**Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.**

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№3(61)
2024

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №3 (61) 2024:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2024. 128 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блахин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блументау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаже – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7** Артамошин С.В., Сагимбаев А.В. Федин А.В. ХЭЛФОРД МАККИНДЕР И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ В НАЧАЛЕ XX В.
- 13** Блументау С.Ф. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ О СОЛДАТСКИХ ВОЛНЕНИЯХ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
- 20** Власов Н.А. ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ПАНСЛАВИЗМА В ГЕРМАНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
- 29** Колесников П.А. ИСТОКИ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ
- 41** Кочергина М.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СССР (1928-1930-Е ГГ.): ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА И СОЗДАНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ КЛИНЦОВСКОГО ОКРУГА ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ)
- 52** Кудрявцев В.Ю. РОЛЬ СССР И ДРУГИХ СТРАН СЭВ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ (1976-1980 ГГ.)
- 65** Майоров А.А. МЬЧЕНСКАЯ ИСТОРИЯ С X В. ДО ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XV В.
- 74** Макаров Н. А. РОССИЯ И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА В КОНЦЕ 1810-НАЧАЛЕ 1811 ГГ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Б. КУРАКИНА
- 84** Прилуцкий В.В. ДЖЕЙМС СТЭНГ (1813–1856) И «МОРМОНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО» НА ВЕЛИКИХ ОЗЕРАХ В СЕРЕДИНЕ XIX В.
- 91** Самсаров А. И Ш.М. ТАЛЕЙРАН И МОДЕРНИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦИИ В 1789 – 1791 ГГ.

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мязгов Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сазимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

100 Хроленок Е.В.

СТАРОДУБСКИЕ КАЗАКИ В ИРРЕГУЛЯРНЫХ ЧАСТЯХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XVIII – XIX В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

110 Черноперов В.Л., Решетов Е.А.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ШВЕДСКИХ ВОЕННЫХ СВЯЗЕЙ В 1920-М – 1930-Е ГГ.

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 3(61) 2024: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2024. 128 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History,

Vol.3 – No.61
Scientific
peer-reviewed journal
SEPTEMBER
ISSN 2072-2087
ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Artamoshin S.V., Sagimbaev A.V., Fedin A.V.**
HALFORD MACKINDER AND THE GEOGRAPHICAL FORMATION OF POLITICS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY
- 13 Blumenau S.F.**
THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE SOLDIER UNREST IN THE FIRST PERIOD OF THE FRENCH REVOLUTION
- 20 Vlasov N.A.**
THE IMAGE OF RUSSIAN PAN-SLAVISM IN THE GERMAN PARLIAMENTARY DEBATES DURING THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY
- 29 Kolesnikov P.A.**
THE ORIGINS OF THE SEVEN YEARS' WAR IN NORTH AMERICA
- 41 Kochergina M.V.**
FEATURES OF INDUSTRIALIZATION IN THE USSR (1928-1930s): THE USE OF PRE-REVOLUTIONARY INDUSTRIAL POTENTIAL AND THE CREATION OF NEW SOCIALIST ENTERPRISES (ON THE EXAMPLE OF THE KLINTSOVSKY DISTRICT OF THE WESTERN REGION)
- 52 Kudryavtsev V.Yu.**
THE ROLE OF THE USSR AND OTHER COMECON COUNTRIES IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM (1976-1980)
- 65 Mayorov A.A.**
MTSENSK HISTORY FROM THE 10TH CENTURY TO THE FIRST DECADES OF THE 15TH CENTURY
- 74 Makarov N.A.**
RUSSIA AND THE CONTINENTAL SYSTEM IN THE END OF 1810 – EARLY 1811. THROUGH THE PRISM OF A.B. KURAKIN'S ACTIVITIES
- 84 Prilutskiy V.V.**
JAMES STRANG (1813–1856) AND THE «MORMON KINGDOM» ON THE GREAT LAKES IN THE MIDDLE OF THE XIX-TH CENTURY

Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

91 Samsarov A.I.

C.M. TALLEYRAND AND THE MODERNIZATION OF THE FRENCH FINANCIAL SYSTEM IN 1789 - 1791.

100 Khrolenok E.V.

STARODUB COSSACKS IN IRREGULAR UNITS OF THE RUSSIAN ARMY AT THE END OF THE 18th – 19th CENTURIES. TRANSFORMATION OF THE BORDER REGION

110 Chernoperov V.L., Reshetov E.A.

FROM THE HISTORY OF SOVIET-SWEDISH MILITARY RELATIONS IN THE 1920S - 1930S

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ХЭЛФОРД МАККИНДЕР И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье предпринимается попытка анализа процесса интеллектуального оформления геополитической мысли, которая в начале XX в., когда накануне Великой войны предпринималась попытка сформировать географическую определенность внешнеполитической стратегии. В основе исследования выступает изучение осмысления географической оси истории, осуществленный британским географом Х. Маккиндером, который оказался одним из основателей британской геополитики. Его подход предполагал выделение узловых географических регионов мира, которые влияли на векторы европейской политики в конце XIX – начале XX. На данном этапе исследуются осмысление Х. Маккиндером определения Хартленда как центра мировой политики европейских государств. Географический подход британского мыслителя к выявлению закономерностей политического развития внешней политики вписывался в стремление к формулированию законов внешней политики, которые предпринимались в начале XX в. и в последствие составили основу геополитической науки. В практической области в рамках выработки послевоенной модели мирового развития в 1919 г. в ходе проходившей Парижской мирной конференции концепция Хартленда получила свое выражение в заключенном в 1919 г. Версальском мирном договоре в виде создания буферной зоны препятствия между Германией и Советской Россией.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, Ф. Ратцель, Х. Маккиндер, внешняя политика.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-07-12

Введение. Давринистский поворот в естествознании привел к глубинной трансформации не только в области биологических наук, но и оказал воздействие на изменение в понимании общественных процессов. Во второй половине XIX в. это привело к тому, что тезис Ч. Дарвина о роли естественного отбора и борьбе за существование способствовал перенесению биологических моделей на социальные структуры в стремлении выработать концепцию, позволяющую объяснить общественные процессы. Это способствовало возникновению теорий социал-дарвинизма, которые приобретали все большую популярность к концу XIX в.[2] и воздействующую на восприятия мира как зоны борьбы за выживание или существование. В области географических наук стало формироваться течение мысли, которое ориентировалось на осмысление степени влияния географического фактора на историю и политику государств. Географический детерминизм, берущий свое начало с работ Ш.-Л. де Монтескье, который обращал внимание на влияние географии на историю государств и

народов, был перенесен на сферу внешнеполитической деятельности. Рассмотрение географического фактора политики привело к формированию геополитических теорий как моделей внешнеполитической мысли, направленных как на обоснование и определение внешнеполитической стратегии, так и на осмысление глобальных политических процессов. Наиболее наглядно это произошло в период Второй Тридцатилетней войны 1914-1945 гг., когда теоретические подходы геополитики были вписаны во внешнеполитические стратегии ряда европейских государств[1]. Формирующаяся геополитическая наука была ориентирована на учет комплекса факторов, влияющих на внешнеполитические представления государства с целью определения наиболее эффективной стратегии государства на основе учета политических, экономических и географических факторов.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является эволюция геополитической мысли рубежа XIX – XX в. Предметом исследования выступает теория

географической оси истории, сформулированная британским географом, преподавателем Оксфордского университета Хэлфордом Джоном Маккиндером. Исследование опирается на теории международных отношений, влияние географического фактора на определение внешнеполитической стратегии государства. Концепция Х.Д. Маккиндера представляет собой начальный этап оформления теории Хартленда, оказавшей воздействие на модели внешнеполитических отношений в первой половине XX в.

Результаты и их обсуждение. Формирование геополитики как науки о влиянии географического фактора на внешнюю политику государств приходится на первую треть XX в. Следует отметить, что в разных государствах это происходило с учетом собственных особенностей, но общей тенденцией было то, что геополитические мыслители опирались на опыт сторонников политической географии, которая может рассматриваться в качестве предшественницы геополитики. В большинстве своем это были преподаватели географии или военной истории, которые обратили внимание на важность учета при политическом или военном планировании роль географического компонента с тем, чтобы, используя или учитывая его, добиться наиболее эффективных результатов. Предметом нашего исследования является зарождение геополитической мысли в Великобритании на основе творчества британского географа Х. Маккиндера. Мы обращаем внимание на зарождение его подхода к определению пространства Европы, Азии и Африки в выработке наиболее оптимальной стратегии Великобритании в начале XX в.

С тем, чтобы понять особенность позиции Х. Маккиндера и его оригинальность, необходимо обратить внимание на то, каким был подход к определению роли географического фактора во внешней политике на момент чтения Х. Маккиндером в 1904 г. лекции «Географическая ось истории» в рамках заседания Британского королевского географического общества. Следует отметить, что на рубеже XIX – начала XX в. ряд мыслителей в основном входивших в группу университетских преподавателей стали обращать внимание на определенное политико-географическое стратегическое влияние внешней политики государств и

попытаться проанализировать, какие компоненты могут способствовать усилению или ослаблению внешнеполитического успеха. В контексте политических взглядов Х. Маккиндера уместно указать на влияние двух мыслителей – американца Альфреда Тейяра Мэхэна и немца Фридриха Рагцеля.

Преподаватель истории военно-морского флота А.Т. Мэхэн обратил внимание на роль флота в проведении империалистической политики государства, обратившись к изучению влияния морской силы в историческом контексте. В 1890 г. он опубликовал ставший классическим труд по военной стратегии – «Влияние морской силы на историю. 1660-1783.», в котором на многочисленных исторических примерах проводил мысль о важности развития военно-морских сил для успешного расширения морских территорий. А.Т. Мэхэн придавал значение усилению военно-морского флота как центрального фактора, который позволил бы США защитить свои внешнеполитические интересы. Аргументация этой идеи выводилась им из исторического материала XVII-XVIII вв. Морское могущество государства зависит от шести факторов: 1) географического расположения государства и наличия выхода к морю; 2) количество морских портов, которыми располагает государство, а также морских баз, обеспечивающих состояние защищенности; 3) протяженность береговой линии и географический характер гаваней, степень их пригодности для размещения флота; 4) численность населения, способного обеспечить развитие морской мощи; 5) проведение государством широкомасштабной торговли, для чего необходима система зависимых государств и колоний, что обеспечивает поддержание за границей морской мощи государства; 6) готовность государства создать необходимую инфраструктуру и мобилизовать общество на создание мощного военно-морского флота[4. С.22-68].

В представлениях А.Т. Мэхэна, создание мощного военно-морского флота является необходимым условием достижения мирового господства для страны, имеющей выход к мировому океану. Эти взгляды имели и практическую политическую ценность. К его представлениям о роли морской мощи с большим вниманием относился американский президент Теодор Рузвельт, чья программа

создания мощного военно-морского флота во многом отражала данные позиции.

Преподаватель географии в Лейпцигском университете Фридрих Ратцель был одним из первых, кто соединил теорию о пространстве с социал-дарвинистскими положениями, сделав тезис о борьбе за существование компонентом географически определяемого развития государства [6. Р.102]. Свои представления о необходимости расширения колониальных территорий государства привели его в ряды Пангерманского союза, а его сочинение «Политическая география», опубликованное в 1897 г., занимает рубежное место между политической географией и геополитикой. Ф. Ратцель считал, что государство следует рассматривать как «живой организм <...> произрастающий из почвы», что делает необходимым учитывать географический фактор в процессе определения внешнеполитической стратегии. На основе социал-дарвинистской парадигмы он придавал государству черты жизни человеческого организма, проходящего стадии рождения, формирования, роста и гибели. Особенность развития государства состоит в том, считал Ф. Ратцель, что оно представляет собой «пространственное явление, управляемое и оживляемое этим пространством» [7. S.7]. Вклад Ф. Ратцель в геополитическую теорию состоял в том, что он выделил понятие «пространство» (Raum), находящиеся во взаимосвязи с развитием государства, и это выражается в том, что пространство приобретает совершенное новое значение, превращаясь в «жизненное пространство» (Lebensraum). Он выделял прямую взаимосвязь между расширением границ государства и усилением ее политической мощи. Он отмечал, что «государство должно жить за счет земли» [7. S.4], поэтому «народ растет, увеличиваясь в численности, страна - увеличивая свою территорию» [7. S.129]. Первоначальная внутренняя колонизация по мере ее заполнения превращается во внешнюю колонизацию, направленную завоевания новых земель. Ф. Ратцель сформулировал 7 законов экспансии: 1) взаимозависимость расширения территории государства и ее культуры; 2) пространственный рост государства оказывает воздействие на политические и экономические сферы; 3) расширение территории государства происходит за счет поглощения

малых стран; 4) граница очерчивает периферию государства; 5) расширение государства нацелено на обладание стратегически важными территориями, такими как побережья, бассейны рек, долины, богатые сырьевыми ресурсами регионы; 6) экспансия государства нацелена на поглещение рядом расположенных территорий с низким уровнем развития культуры; 7) территориальная экспансия государства нацелена на поглощение и ассимиляцию малых наций [7. S.191-232].

Сформулированные Ф. Ратцелем законы экспансии государства во многом находились в зависимости от стратегии ближней экспансии, чем стратегически колониальной, хотя и не исключали ее. Немецкий географ проводил мысль о том, что государство должно проводить политическую пропаганду среди населения, нацеленную на воспитание в нем стремления к пространственному расширению. Он отмечал, что кризис государства наступает «при его отказе от концепции большого пространства» [7. S.262]. Таким образом, Ф. Ратцель ввел понятие «пространства» и «жизненного пространства», которые заняли ключевое место в понятийном аппарате геополитики.

Общий контекст географического мышления начала XX в. все сильнее оказывался под воздействием на ориентацию на внешнеполитическую стратегию государства, стремление подчеркнуть важность учета географического фактора при ее определении, который носит не только прагматический характер, но и направлен на осмысление исторических корней европейской и мировой экспансии. Это означает, что лекция Х. Маккиндера вписывалась в формируемый мейнстрим внешнеполитической мысли, все более и более рассуждающей в категориях географического фактора. Вместе с тем, по аудитории была нацелена на академическое сообщество, чем на политические элиты, которые были еще очень далеки от того, чтобы проектировать внешнюю политику на основе геополитического фактора.

Х. Маккиндер предложил историко-географическое размышление об основных тенденциях мировой экспансии с тем, чтобы ярче подчеркнуть взаимосвязь политики и географии. Он разделил человеческую эпоху на три этапа: доколумбовое время,

Колумбовую эпоху и постколумбовую эпоху. Первый этап представлял собой обладание человечеством ограниченным географическим знанием, который сохранял в себе неуверенность в том, что ему доступны завершённые географические представления. Второй этап характеризуется эпохой великих географических открытий и освоением европейскими странами ранее неизвестных территорий. Третий этап отличает от первых двух тем, что географическое знание человечества стало конечным, и мир превратился в замкнутую политическую систему, в которой больше нет неизвестных территорий, и встает вопрос лишь о перераспределении существующего пространства, что чревато возможными вооруженными столкновениями[3. С.44].

Х. Маккиндер подчеркивал важность географического фактора в развитии государства, отмечая, что «человек, а не природа, затекает действие, но именно природа в значительной степени управляет всеми действиями»[3. С.46]. В контексте европейской истории он отмечал, что формирование европейской цивилизации находилось под постоянным натиском и угрозой из Азии. Поворот Европы в сторону морской экспансии привел к тому, что ими был потерян интерес к развитию Восточной Европы. «Тюдоровское столетие, ставшее свидетелем утверждения Западной Европы в Мировом океане, было также временем, когда русские сила и власть двинулись из Москвы в сторону Сибири. Конное продвижение на восток через Азию оказалось событием, почти не уступающим по своим политическим последствиям прокладке морского пути вокруг мыса Доброй Надежды, пускай эти два события никак не связаны между собой»[3. С.61]. Изменение конфигурации мировой карты выражалось в том, что направленность внешней политики европейских стран находилось в определенной географической зависимости. Х. Маккиндер пока вскользь использует в докладе понятие Хартленд (hart-land) как базового осевого региона мира, определенного сердца земли. Он находится внутри Мирового острова, включающего в себя территории Евразии и Африки. Территория Хартленда, за рядом исключений, в начале XX в. представляла собой территорию Российской империи.

К нему примыкает внутренний полумесяц, в пространство которого входят Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай. В зоне внешнего полумесяца расположены Великобритания, Южная Африка, Австралия, США, Канада и Япония[3. С.65].

Политические представления Х. Маккиндера носили ярко выраженный антирусский характер, что во многом определяется как антирусской тенденцией британской политики, обостренной в ходе русско-японской войны, так и геополитическим фактором, основанным на исходящей для Великобритании опасности со стороны Хартленда. Он отмечал, что «Россия заменила собой Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай пришло на смену былым набегам кочевников-степняков. В мире как таковом она занимает стратегическое центральное положение, подобно Германии в Европе. Она может наносить удары во все стороны – и подвергаться нападению отовсюду, за исключением севера. Полагаю, что развитие современной железнодорожной сети на ее территории – лишь вопрос времени»[3. С.64]. Маккиндер Х. придавал большое значение роли железных дорог как современного средства коммуникации, носящей как экономический, так и военный характер. Прежняя неповоротливость России ныне делала ее мобильной, несмотря на то, что огромные пространства вносили свои сложности в систему железнодорожных коммуникаций, но в стратегическом прогнозе все эти сложности носили временный характер. Строительство железных дорог, особенно Транссибирской магистрали носили революционный характер. Им отмечалось, что «трансконтинентальные железные дороги ныне видоизменяют условия проецирования сухопутного могущества, и нигде они не имеют большего эффекта, как в замкнутом <сердце> <...> Железные дороги радикально преобразуют степь, поскольку они решительно вытесняют лошадей и верблюдов, и налицо переход в новую фазу развития, минуя промежуточную (строительство обычных дорог)»[3. С.63]. Обеспокоенность Х. Маккиндера влиянием России в материковой сердцевине предполагала необходимость постоянного учета русского фактора как фактора потенциальной опасности, который может быть дополнен присоединением к нему германского

фактора. В контексте проблем начала XX в. это касалось исключительно угрозы создания мощного морского флота, который сможет потенциально угрожать Великобритании, что может привести к оформлению мировой империи. Маккиндер Х. отмечал, что «это может произойти, если Германия заключит союз с Россией»[3. С.65]. В дальнейшем, после окончания Великой войны, обеспокоенность автора русско-германским союзом переросла в стремление убедить политические элиты в опасности этого с точки зрения геополитической перспективы противостояния морских и сухопутных сил. Конечно, наиболее аргументировано и последовательно это было изложено им в межвоенный период[5. С. 66-69], однако уже в докладе отчетливо прозвучало указание на необходимость политического изолирования возможного стремления к политическому союзу России (СССР) и Германии.

Заключение (выводы). Формирование геополитической науки в начале XX в. происходило на фоне роста колониальной напряженности и гонки вооружений, которые вылились в Великую войну 1914-1918 гг. Возникло стремление к анализу и моделированию международных отношений на основе учета географических факторов, что позволяло определять векторы внешней политики. Геополитические идеи Х. Маккиндера вырабатывались в контексте обсуждения влияния географии на политику государства. Его модель отличалась стремлением выработать систему безопасности для мировых империй и минимизирования угроз со стороны сухопутных стран в Европе. В практическом плане ряд его положений нашли отражение в Версальском мирном договоре 1919 г., создавшим новую систему порядка в Европе.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Идеи истоки национал-социализма. – Брянск, 2002. – 184 с.
2. Блум М. Метаистория западного знания в современную эпоху. Исследование развития четырех парадигм с 1648 года по наше время/ Пер. с англ. А. Саркисьянца. – Бостон/СПб., 2024. – 406 с.
3. Маккиндер Х. Географическая ось истории// Маккиндер Х. Географическая ось истории. – М., 2021. – С.41-82
4. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660-1783. / Пер. с англ. - М.-Л., 1941. – 462 с.
5. Сагимбаев А.В. Эволюция доктрины «либерального империализма» в творчестве Х. Дж. Маккиндера// Вестник Брянского государственного университета. 2016. №3. С.66-69.
6. Kelly A. The Descent of Darwin. The Popularization of Darwinism in Germany. 1860-1914. - Chapel Hill, 1981- 182 p.
7. Ratzel F. Politische Geographie. – München-Leipzig, 1897. – 748 S.

HALFORD MACKINDER AND THE GEOGRAPHICAL FORMATION OF POLITICS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The article attempts to analyze the process of intellectual design of geopolitical thought, which in the early twentieth century, when on the eve of the Great War an attempt was made to form a geographical certainty of foreign policy strategy. The study is based on the understanding of the geographical axis of history, carried out by the British geographer H. Mackinder, who was one of the founders of British geopolitics. His approach involved identifying key geographical regions of the world that influenced the vectors of European politics in the late 19th – early 20th centuries. At this stage, H. Mackinder's understanding of the definition of the Heartland as the center of world politics of European states is studied. The geographical approach of the British thinker to identifying patterns of political development of foreign policy fit into the desire to formulate laws of foreign policy, which were undertaken in the early twentieth century and subsequently formed the basis of geopolitical science. In the practical sphere, within the framework of the development of a post-war model of world development in 1919 during the Paris Peace Conference, the Heartland concept was expressed in the Versailles Peace Treaty concluded in 1919 in the form of the creation of a buffer zone between Germany and Soviet Russia.

Keywords: political geography, geopolitics, F. Ratzel, H. Mackinder, foreign policy.

References

1. Artamoshin S.V.(2002) Idejnye istoki nacional-socializma.[The ideological origins of National Socialism] – Bryansk, 2002.
2. Blum M. (2024)Metaistoriya zapadnogo znaniya v sovremennuyu epohu. Issledovanie razvitiya chetyrekh paradigm s 1648 goda po nashe vremya[The Metahistory of Western Knowledge in the Modern Era: A Study of the Development of Four Paradigms from 1648 to the Present]/ Per. s angl. A. Sarkis'yanca. – Boston/SPb., 2024.
3. Makkinder H. (2021)Geograficheskaya os' istorii[The geographical axis of history]// Makkinder H. Geograficheskaya os' istorii. – M., 2021.
4. Mekhen A.T. (1941)Vliyanie morskoy sily na istoriyu. 1660-1783.[The Influence of Sea Power on History. 1660-1783] / Per. s angl. - M.-L., 1941.
5. Sagimbaev A.V.(2016) Evolyuciya doktriny «liberal'nogo imperializma» v tvorchestve H. Dzh. Makkindera[The Evolution of the Doctrine of "Liberal Imperialism" in the Works of H.J. Makkinder]// Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. №3.
6. Kelly A.(1981) The Descent of Darwin. The Popularization of Darwinism in Germany. 1860-1914.[The Descent of Darwin. The Popularization of Darwinism in Germany. 1860-1914] - Chapel Hill, 1981.
7. Ratzel F. (1897)Politische Geographie. [Political Geography]– München-Leipzig, 1897.

Об авторах

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия); e-mail: artamoshinsv@mail.ru

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия); e-mail: sagimbaev@yandex.ru

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия); e-mail: avfedin@yandex.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); e-mail: artamoshinsv@mail.ru

Sagimbaev Alexey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); e-mail: sagimbaev@yandex.ru

Fedin Andrey Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); e-mail: avfedin@yandex.ru

УДК 944.04.1

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ О СОЛДАТСКИХ ВОЛНЕНИЯХ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тема недовольства рядового и унтер-офицерского состава французской армии в первый период революции и порожденные этим волнения 1789-1791 годов сравнительно редко обозначались в отечественной научной литературе после 1917 г. и до наших дней. Советская историография обращалась обычно к традиционным силам социального протеста во Франции XVIII века: к движениям наиболее массовой части тогдашнего общества - крестьянства и социально-политически активного городского плебейства. Армия, находившаяся под контролем, в основном, консервативного, а нередко и прямо реакционного генералитета и офицерства, виделась скорее агентом подавления народных выступлений, чем орудием борьбы с отжившими порядками. И все же вопрос о солдатских волнениях в указанный период и особенно о восстании гарнизона Нанси в 1790 г. не обходили у нас молчанием. Но вокруг этих событий возникло множество мифологем, не развеянных до сегодняшнего дня. Взгляд на отечественную историографию данной проблематики должен стать первым шагом к специальному и глубокому исследованию солдатских бунтов во Франции в начальный период революции.

Ключевые слова: Отечественная историография, первый период Французской революции, Учредительное собрание, солдатские волнения, восстание 1790 г. в Нанси, местный гарнизон, полк Шатовье, маркиз Буйе.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-13-19

Введение. В советской и современной отечественной историографии Французской революции вопрос о солдатских волнениях 1790 г. поднимался редко и освещался скупо. Развитие революции часто и справедливо увязывалось с мощными крестьянскими «жакериями», расшатавшими и во многом разбившими прежний общественно-политический строй. Селяне составляли огромное большинство французского населения и их восстания сильно сказались на ходе, результатах и последствиях революционного шторма. Не обходили наши историки молчанием и выступления городских низов, особенно, парижских. Уже в начале революции они сыграли высокую роль в смене властей в столице и на местах. В дальнейшем городские массы продолжили свое воздействие на те или иные повороты революционного действия. Одновременно широкие городские слои подталкивали к разрешению острых продовольственных кризисов и ставили в порядок дня глубокие социальные и политические преобразования.

В свете таких грандиозных событий и перемен недовольство солдат положением дел в армии, их противостояние офицерству, сословные и классовые противоречия оставались в научной литературе на заднем плане.

Но, когда уже достигнуты впечатляющие успехи в изучении крестьянского и санкюлотского движений, в том числе, и благодаря усилиям отечественных ученых, мириться с не разработанностью проблематики солдатских выступлений 1790 г. становится все труднее. Вместе с тем, в наши дни российские историки уже способны разглядеть в волнениях народных низов не только лицевую, но и оборотную сторону: бесчинства толп, бессудные расправы. Это дает возможность показать и солдатские волнения во всей сложности и драматичности.

Невнимание к внутренним проблемам армии объяснялось еще и тем, что солдаты и унтер-офицеры рассматривались не столько как элемент угнетенного третьего сословия, сколько как орудие подавления народного возмущения. Впрочем, еще до восстания 12-14 июля 1789 г. в Париже часть военных, а именно солдаты французской гвардии обнаружили близость к народу и даже были брошены на короткое время в тюрьму. А в ходе штурма Бастилии они, в частности, помогли восставшим с пушками, существенно облегчив взятие крепости и победу.

Объект и методы исследования. Объектом исследования явились историография Французской революции и, прежде всего,

народное движение этой драматической эпохи. Его методологической основой стали принципы историзма, объективности и научности. Автором широко использовались специально-исторические методы, такие, как историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический и другие. Все это в совокупности позволило провести комплексное изучение поставленной в статье проблемы.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе существования советской историографии Французской революции в работах разного жанра появлялись соображения и рассуждения о сохранившемся в армии 1789-1791гг. беспорядки «нижних чинов» и вызванных этим волнениях. В биографическом очерке о Робеспьере, впервые вышедшем в 1919г., один из лидеров отечественных историков-марксистов Н.М. Лукин подчеркивал, что новые уложения, касавшиеся армии и флота, мало изменили жизнь солдат и матросов. Рядовой состав должен был, как и прежде, слепо повиноваться офицерам. Отсюда - восстание состоявшего из трех полков гарнизона Нанси [7, с.46].

При его кратком описании автор сочетал неверные характеристики с упрощениями и серьезными преувеличениями. Провокационную роль в борьбе с восстанием автор отвел генералу маркизу Буйе - известному и блистательному военачальнику-командующему армией в Лотарингии, Эльзасе, Франш-Конте и Шампани, на которого исполнительная власть возложила задачу умиротворения восставших. По результатам этого умиротворения ученый с подачи радикально левой парижской печати той поры «насчитал» 3 тыс. убитых, что на порядок выше цифр, предложенных в труде, специально исследовавшем события в городе в указанный период [19, р.170]. При этом крупный советский историк обошел молчанием и декреты Учредительного собрания, идущие навстречу недовольным солдатам, и многочисленные попытки упомянутого генерала договориться с инсургентами и вообще не вводить войска в взбунтовавшийся город.

В 1924г. в вышедшем в северной столице под редакцией Е.В. Тарле и Ф.И.Успенского издания «Анналы» появилась любопытная статья М.А. Буковецкой о развале королевской армии в первые годы Французской

революции [2]. Исследовательница обнаружила, что уже в ту пору общественность предлагала серьезные реформы, дабы вывести вооруженные силы страны из глубокого кризиса. В частности, Мирабо выступил 20 августа 1790г. в Собрании, требуя распустить армию и набрать только тех солдат и офицеров, которые выразят согласие с новым воинским уставом и присягнут ему. Будущий жироидист Карра в «Патриотических Анналах» высказался за выборность офицерского состава и участие в данном процессе унтер-офицеров и солдат.

М.А. Буковецкая подчеркивала, что накануне солдатского мятежа в Нанси, и общественное мнение, и недовольство нижних чинов подталкивали Ассамблею к демократизации армии. Конституанта проявляла нерешительность, медлительность в реформировании линейных войск. И все же такая характеристика представляется чересчур придирчивой. Ведь перед Учредительным собранием стояли тяжелейшие задачи: принять первую Конституцию в истории Франции, провести грандиозные преобразования буквально во всех сферах жизни и ответить на повседневные вызовы со стороны широких слоев населения. В данных условиях мудро было не допустить каких-либо задержек. Августовские декреты по армейским делам свидетельствовали о готовности к реформам, но одновременно и об естественных колебаниях между нововведениями, с одной стороны, и необходимостью поддержания воинской дисциплины, с другой.

В 1933г. появилась любопытная научно-популярная книга Софьи Андреевны Лотте [6], яркой и энергичной молодой женщины, революционерки по духу и поведению, еще с юности присоединившейся к социалистическому движению. Окончив в 1929г. Герценовский пединститут в Ленинграде, она немедленно включилась в деятельность научного сообщества. Если большинство отечественных историков-марксистов, отталкиваясь от представлений о буржуазном характере Французской революции, демонстрировали широкий комплекс позитивных реформ новой власти, то С.А. Лотте при рассмотрении событий 1790-1791гг. делала акцент на другом - на выступлениях рабоче-ремесленной массы, как в провинциальных

городах, так и в Париже, и их жестком подавлении со стороны государства [6, с.107-111]. Это приводило к смещению внимания от преобразовательной активности депутатского корпуса к ограничению прав пролетариев и мелких производителей в экономике посредством закона Ле Шапелье, а в политике - путем их превращения в «пассивных» граждан. Отсюда - весьма спорное мнение о том, что «1790 и 1791 были годами хозяйственного подъема и политической реакции» [6, с.104].

Одним из проявлений последней явилось поведение военного начальства: «когда в августе 1790г. солдаты в г. Нанси потребовали от офицеров отчета о зарплате», то те «жестоко расправились с ними». Само действие было организовано, по словам автора, Национальным собранием при молчаливом попустительстве Робеспьера, зато «парижские массы 2 и 3 сентября демонстрировали свое сочувствие» восставшим [6, с.106].

Что же касается дальнейшей ученой карьеры С.А. Лотте, то она оказалась беспощадно прерванной сталинскими репрессиями в апреле 1937г. В науку исследовательница смогла вернуться только спустя 18 лет, успев все же зарекомендовать себя до преждевременной кончины в 1962г. как знаток истории французского предпролетариата XVIII века.

Более обстоятельная характеристика армии на первом этапе Французской революции представлена в известном коллективном труде под редакцией академиков В.П. Волгина и Е.В. Тарле, вышедшем в 1941г. [15]. О состоянии армии в 1789-1791гг. здесь писала уже упоминавшаяся М.А. Буковецкая. Немолодая исследовательница, принадлежавшая к знаменитой «русской школе», теперь отталкивалась от марксистско-ленинского видения революционной истории.

Автору удалось показать особенности старой армии, со свойственным ей безраздельным господством дворянства. М.А. Буковецкая права, подчеркивая, что по своей организации, армия больше, чем другие элементы государственного строя, носила черты отжившего порядка [15, с.92].

Непосредственное обращение исследовательницы к солдатским волнениям оказалось менее удачным. Оно, к сожалению, лишено должной конкретики. Историк не перечислила места, где эти выступления происходили.

Специальное внимание в виде отдельного пункта закономерно уделено восстанию в Нанси. Но расстановка противоборствующих сил, описание событий и последствий свершившегося даны, увы, ошибочно. Автор сообщала о четырех полках, участвовавших в восстании. На деле же их было три, причем два из них исследовательница так и не назвала: Королевский пехотный полк из 4тыс. солдат и кавалерийский полк, в котором служило 500 рядовых и унтер-офицеров. Те, кто подавлял восстание, и вовсе сводились к некой гвардейской части под руководством Буйе. Но командующим использовались значительные силы, принадлежавшие к множеству пехотных и кавалерийских полков, а также национальная гвардия. В рядах его армии находились, в частности, и батальоны, принадлежавшие к двум швейцарским полкам: Вижье и Каstellла. Именно военный совет верных правительству швейцарцев и судил своих восставших соплеменников из полка Шатовье. Не соответствуют действительности и некоторые цифры, приведенные автором и касающиеся наказания мятежников. По словам историка, к казни приговорили каждого седьмого из солдат Шатовье [15, с.94]. Но, по известным данным, число повешенных достигло 22, а самый активный деятель восстания был колесован. Это, конечно, никак не соответствовало провозглашенным революционным ценностям, но все же не составляло 1/7 часть рядового состава, ведь в указанном полку служило не 150, а 1400 солдат.

Меньше всего мне хотелось задеть своими замечаниями светлую память о М.А. Буковецкой - подвижнице, прожившей нелегкую жизнь. Она испытывала явное недоверие со стороны новых большевистских властей. Ее отрешили от преподавания, и с начала 1930-х гг. она работала в Государственной Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Попытки вернуться из ссылки Е. В. Тарле добиться для Марии Аркадьевны присвоения звания доцента без защиты диссертации, что было тогда нередкой практикой, не увенчались успехом. В феврале 1941г. Буковецкая смогла защитить кандидатскую диссертацию по теме: «Очерки по истории французской армии во время Великой Французской

революции (1789-1793)». После этого она немедленно приступила к докторской диссертации о французской армии в эпоху Директории, Консульства и Империи. Но тяготы военного времени дали о себе знать. В 1946г. М.А. Буковецкая скончалась. Судьба Марии Аркадьевны, мало приспособленной к повседневным хлопотам о выживании в эвакуации, трогательно, с любовью передана известной петербургской исследовательницей Людмилой Борисовной Вольфцун [20].

Позднее, начиная с периода «оттепели», вернулись, пусть и в ограниченном формате, научные связи с дальним зарубежьем. Результаты не замедлили сказаться на отечественном франковедении, в том числе, на изучении событий конца 18-го столетия: видоизменилось общее видение Французской революции, обретали новое, более глубокое толкование значимые сюжеты революционной истории. Привлекла к себе внимание и тема солдатских волнений. Советский историк Г.Ш. Кигурадзе защитил в 1967г. в Тбилиси докторскую диссертацию «Проблема армии в период Великой французской буржуазной революции (1789-1794гг.)» [3].

Определенное место в ней уделялось теме недовольства солдат и унтер-офицеров, их выступлениям в различных городах страны в 1789-1791годах. Но наибольший интерес диссертант проявлял к политике депутатского корпуса по отношению к возникшим трудностям в данной сфере, что нашло отражение в третьей главе его работы, названной «Проблема армии в деятельности Учредительного собрания». В диссертации обнаружилось несоответствие характеристики автором Конституанты и ее курса с рассмотрением им же конкретных военных реформ означенного времени. По словам историка, выходило, что «большинство Национального собрания»- составляли «консервативная буржуазия и либеральное дворянство» [3, с.49]. Невольно и парадоксально получалось, что гегемон буржуазной революции (по Марксу) становился ее тормозом. Но, к чести Кигурадзе, должно заметить, что, обратившись к конкретике, он дал впечатляющий перечень либеральных перемен, осуществленных законодателями, включавший: повышение жалованья, увеличение рациона питания, улучшение бытовых условий в

казармах, упразднение палочного режима, упорядочение пенсий, отмену унижительной системы «волчьих билетов» - позорного увольнения из армии [3, с.59].

Путь научных изысканий Кигурадзе к читателю был не прост. Часть его докторской диссертации - «Французская армия на первом этапе Великой революции (1789-1792) опубликовали в Тбилиси в 1982г. уже после смерти автора на грузинском языке [12]. Фрагмент этой работы появился на русском языке благодаря переводу и под редакцией К.Г.Бочоришвили во «Французском ежегоднике1984»[4]. В этой статье показано коренное противоречие внутри армии, вызвавшее волнения: офицеры в подавляющем большинстве относились к дворянству, а солдаты и унтер-офицеры имели плебейские корни, что закрывало для них доступ к офицерским должностям. Г.Ш. Кигурадзе писал: «Солдат и офицеров разделяла социальная стена» [4, с.135]. По нашему мнению, взрывоопасной ситуацию делало то, что крестьяне и горожане- разночинцы освободились от сословного неравноправия уже в августе 1789г., тогда как армейские низы - лишь с законом от 28 сентября1791г. получили первую и пока еще слабую возможность обрести офицерское звание.

Исследовательская работа над социально- политическими вопросами армейской жизни Франции во время революции конца XVIII в. принесла Кигурадзе понимание причин солдатских выступлений, но не гарантировало от просчетов и недооценок. Историк категорично предполагал, что непосредственной предпосылкой этих волнений, включая восстание в Нанси, являлась «огромная задолженность в выплате солдатского жалованья»[4, с.130]. Но в реальности все было гораздо сложнее.

Так, в декрете от 6 августа 1790г., направленном на предотвращение беспорядков в армии, говорилось не только о присылке военных инспекторов и о создании в полках комиссий по проверке их счетов и погашении долгов перед солдатами. Речь шла и об отмене всех приказов, касавшихся увольнения из армии рядового состава по позорящим статьям с 1 мая 1789г., и о строгом соблюдении правил в этом отношении в будущем [18, р.642-643]. Таким образом,

обозначался еще один конкретный и значимый источник солдатского недовольства.

Наконец, автор как-то опускал важнейший политический компонент, подталкивавший солдат и унтер-офицеров к восстанию. Его истоком было принципиально разное видение ими и большинством офицерского корпуса развернувшейся революции. Первые принимали революционный взрыв, вторые его отвергали. Начался и продолжился отток реакционно настроенных офицеров из страны. Эмиграция вызвала кризис доверия солдатской массы к командирам. В информационных условиях того времени рождались и закреплялись самые причудливые слухи. Так, присланному в Нанси военному инспектору генералу Мальсеню предписывались коварные и нелепые планы: продать полки гарнизона предполагаемому врагу- австрийцам. При этом даже называлась баснословная сумма сделки [19, р. 75-76].

Работы грузинского историка не «подхлестнули» интерес к феномену солдатских выступлений во Франции в первый период революции конца XVIII в. Показательно, что, хотя А.З. Манфред направил в ВАК положительный отзыв на докторскую диссертацию Г.Ш. Кигурадзе [11], он не оставил никаких упоминаний о солдатском движении 1789-1791гг. в своих трудах о Франции революционной поры [8,9,10].

Оппонент лидера советских франковедов времен «оттепели» и «застоя» ленинградский ученый, профессор В.Г. Ревуненков в собственной обобщающей работе по истории Революции посвятил солдатской проблеме 1790г. полторы страницы текста. Здесь не только не содержались какие-либо новые трактовки солдатских выступлений, но, напротив, воспроизводились отдельные фактические ошибки предшественников. Отрывок автора об интересующем нас сюжете свидетельствовал о выраженной идеологической направленности книги. Историк категорично заявлял, что «Учредительное собрание целиком стало на сторону реакционного офицерства против бунтующих солдат» [13, с.29]. От себя заметим, что в 6-ой статье уже упоминавшегося историком декрета от 6 августа подчеркивалось, что офицеры должны справедливо относиться к

солдатам [18, р.642-643].

Пожалуй, последней в отечественной историографии уже на излете советской эры краткой характеристике волнений солдат и их восстания в августе 1790г. во Франции мы обязаны крупному исследователю П.П. Черкасову. Ученый сделал это в связи с изучением им политической биографии командующего национальной гвардией маркиза Лафайета [16;17]. В отличие от прежних трактовок политической активности маркиза в нашей науке автор давал в целом позитивное толкование его деятельности. П.П. Черкасов развивал и более взвешенный взгляд на армейскую политику Учредительного собрания, в частности, на известный декрет от 6 августа. Особенно значимо то, что ученый точно избежал недооценки волнений в Лотарингии. «Восстание в Нанси было первым тревожным симптомом разгоравшейся гражданской войны» [17, с.177]. Правда, касаясь печальных итогов произошедшего, историк привел сильно завышенные цифры погибших инсургентов, ссылаясь на сочинение П.А. Кропоткина [5, с.178].

Заключение (выводы). Таким образом, несмотря на отдельные всплески интереса к социальным проблемам французской армии во время Революции, к солдатскому недовольству и волнениям на этой почве, указанный ряд вопросов был слабо разработан в отечественной науке в советскую эпоху. С ее окончанием он и вовсе пропал. Ведь с поражением марксистско- ленинского канона, увязывавшего движение истории с социально- политическими революциями, существенно ослабло внимание к последним. Тревога по этому поводу высказывалась российскими франковедами в центральной научной печати [1, с.30; 14, с.128]. Что же касается проблематики данной статьи, то она и вовсе исчезла из исследовательской, научно- популярной и учебной литературы. И все же надежда не умирает. Научная активность последнего времени в нашей стране вокруг изучения Французской революции вселяет некоторый оптимизм. Хочется верить в возвращение к мало разработанной проблематике, в том числе, к солдатским выступлениям 1789- 1791гг.

Список литературы

1. Блуменау С.Ф. Раздумья над книгой А.В. Гордона об историках «железного века» // Новая и новейшая история, 2019, №6. С. 19- 31.
2. Буковецкая М.А.Развал королевской армии в первые годы Французской революции // Анналы. 1924.№4. С. 93-117.
3. Кигурадзе Г.Ш. Проблема армии в период Великой французской буржуазной революции(1789-1794гг.): автореф.дис.д-ра ист. наук. Тбилиси,1967. 97с.
4. Кигурадзе Г.Ш. Пробуждение армии // Французский ежегодник. 1984. М..1986. С.125-138.
5. Кропоткин П.А.Великая Французская революция.1789-1793.М: Наука.,1979. 575 с.
- 6.Лотте С.А. Великая французская революция. М.-Л.: Огиз.1933.307 с.
7. Лукин Н.М.Максимилиан Робеспьер //Лукин Н.М. Избранные труды. Т.1 М.: Издательство Академии наук СССР.1960. С.15-156.
8. Манфред А.З. Великая французская революция // История Франции в 3томах. Т.2. М.: Наука.1973. С.5-70.
9. Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука.1983.431 с.
10. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. Изд.4. М.: Мысль.1987. 734с.
11. Манфред А.З.Отзыв о диссертации Г.Ш. Кигурадзе «Проблема армии в период Великой французской буржуазной революции (1789-1794)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук // Погосян В. А. Историки Французской революции. М.,2019. С.355-357.
12. Погосян В.А. Историки Французской революции. М.: Политическая энциклопедия. 2019. 407с.
13. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции .1789-1799. Л.: Издательство Ленинградского университета.1989. 536 с.
14. Таньшина Н.П. К 150- летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой русской школы»// Новая и новейшая история, 2018,№6. С.118 -136.
15. Французская буржуазная революция1789-1794. М.,1941. 850с.
16. Черкасов П. П. Генерал Лафайет. Исторический портрет. М: Наука. 1987. 176с.
17. Черкасов П. П. Лафайет: Политическая биография. М: Мысль. 1991. 376с.
18. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T.XVII. P., 1884. 777р.
19. Maire X. Histoire de l'Affaire de Nancy. 1790. Épisode de la Révolution. Nancy, 1861. 220р.
20. <https://www.academia.edu/43821551/> М.А.Буковецкая- историк Французской революции

THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE SOLDIER UNREST IN THE FIRST PERIOD OF THE FRENCH REVOLUTION

The issue of discontent among the rank and file and non-commissioned officers of the French Army in the first period of the Revolution and the unrest caused by it in 1789-1791 has been relatively rarely mentioned in historical works since 1917. Soviet historiography usually turned to the traditional forces of social protest in 18th century France: to the movements of the most massive part of the society - the peasantry – and to the socio-politically active urban plebeians. The army, which was under the control of mainly conservative and often downright reactionary generals and officers, was seen more as an agent of suppressing popular uprisings than as a weapon in the fight against outdated orders. Yet, the question of soldier unrest during this period and especially the Nancy Mutiny in 1790 was explored in the Soviet period. Nevertheless, around these events many mythologies arose and they have not been dispelled to this day. A glance at the Soviet historiography of this issue should be the first step towards a special and in-depth study of the soldier riots in France in the initial period of the Revolution.

Keywords: Soviet historiography, the first period of the French Revolution, Constituent Assembly, soldier unrest, Nancy Mutiny in 1790, local garrison, Châteaueux regiment, marquis de Bouillé

References

1. Blumenau S.F.(2019) Razdum'ya nad knigoi A.V. Gordona ob istorikakh « zheleznogo veka».[Thoughts on reading the book by A.V. Gordon about the historians studying the Iron Age] // Novaya i noveishaya istoriya, 2019, №6. S. 19-31.
2. Bukovetskaya M.A.(1924) Razval korolevskoi armii v pervye gody Frantsuzskoi revolyutsii [The collapse of the royal army in the early years of the French Revolution] // Annaly. 1924.№4. S. 93-117.

3. Kiguradze G.Sh. (1967) Problema armii v period Velikoi frantsuzskoi burzhuaznoi revolyutsii(1789-1794gg.): avtoref.dis.d-ra ist. nauk.[The problem of the army during the Great French Bourgeois Revolution (1789-1794)].Tbilisi,1967. 97s.
4. Kiguradze G.Sh. (1986) Probuzhdenie armii [Awakening of the Army] // Frantsuzskii ezhegodnik. 1984. M..1986.S.125-138.
5. Kropotkin P.A.(1979) Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya.1789-1793. [The Great French Revolution.1789-1793]. M.: Nauka.,1979.575 s.
- 6.Lotte S.A. (1933) Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. [The Great French Revolution].M.-L.:Ogiz.1933.307 s.
7. Lukin N.M.(1960) Maksimilian Robesp'er [Maximilien Robespierre] // N.M.Lukin Izbrannye trudy. T.1 M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.1960. S.15-156.
- 8 Manfred A.Z. (1973) Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya.[The Great French Revolution.] // Istoriya Frantsii v 3tomakh. T.2. M.: Nauka.1973. S.5-70.
- 9.Manfred A.Z.(1983) Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. [The Great French Revolution].M.: Nauka.1983.431 s.
- 10.Manfred A.Z.(1987) Napoleon Bonapart. Izd.4. [Napoleon Bonaparte]. M.: Mysl.1987. 734s.
- 11.Manfred A.Z.(2019).Otzyv o dissertatsii G.Sh. Kiguradze «Problema armii v period Velikoi frantsuzskoi burzhuaznoi revolyutsii (1789-1794)», predstavlennoi na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. [Review of the dissertation by G.Sh. Kiguradze “The problem of the army during the Great French bourgeois revolution (1789-1794)”, submitted for the degree of Doctor of History]. // Pogosyan V. A. Istoriki Frantsuzskoi revolyutsii. M.,2019. S.355-357.
- 12.Pogosyan V.A.(2019) Istoriki Frantsuzskoi revolyutsii. [Historians of the French Revolution.].M.: Politicheskaya entsiklopediya. 2019. 407s.
- 13.Revunenkov V.G.(1989) Ocherki po istorii Velikoi frantsuzskoi revolyutsii .1789-1799. [Essays on the History of the Great French Revolution. 1789-1799]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.1989. 536 s.
- 14.Tan'shina N.P. (2018) K 150- letiyu izucheniya Frantsuzskoi revolyutsii v Rossii: ot Ger'e do «novoï russkoi shkoly» [To the 150th anniversary of the study of the French Revolution in Russia: from Guerrier to the “new Russian school”] // Novaya i noveishaya istoriya, 2018, №6. S.118 -136.
- 15 Frantsuzskaya burzhuaznaya revolyutsiya1789-1794.(1941) [The French bourgeois revolution1789-1794]. M.,1941. 850s.
- 16.Cherkasov P. P.(1987) General Lafaiet. Istoricheskii portret. [General Lafayette. A historical portrait].M: Nauka. 1987. 176s.
- 17.Cherkasov P. P.(1991) Lafaiet: Politicheskaya biografiya. [.Lafayette: A political biography].M: Mysl. 1991. 376s.
18. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T.XVII. P., 1884. 777p.
- 19.Maire X. Histoire de l'Affaire de Nancy. 1790. Épisode de la Révolution. Nancy, 1861. 220p.
- 20.<https://www.academia.edu/43821551/> . Bukovetskaya M.A.- istorik Frantsuzskoi revolyutsii [M.A. Bukovetskaya– historian of the French Revolution]

Об авторе

Блуменау Семен Федорович –доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: blumenausf@mail.ru

УДК 94(430).082

Власов Н.А., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ПАНСЛАВИЗМА В ГЕРМАНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Представленное исследование посвящено образу российского панславизма в выступлениях депутатов германского рейхстага в 1871–1895 гг. Данный период являлся временем кардинального ухудшения российско-германских отношений. Значительную роль в этом процессе играло немецкое общественное мнение, в формировании которого активно участвовали политические партии и парламентские институты. Изучение парламентского дискурса, таким образом, дает возможность лучше понять политические решения в сфере международных отношений. Источниковую базу исследования образуют протоколы заседаний рейхстага, в качестве метода использовался качественный контент-анализ. Основной вывод заключается в том, что на протяжении рассматриваемого периода существовал общий для всех германских политических сил негативный образ российского панславизма. Этот образ присутствует в выступлениях депутатов рейхстага со второй половины 1870-х гг. Российский панславизм воспринимался представителями всех партий – от социал-демократов до консерваторов – как могущественная, враждебная Германии сила, способная влиять на принятие политических решений в Российской империи и спровоцировать войну между двумя странами. В рамках такой трактовки ухудшение двусторонних отношений воспринималось как естественное следствие деятельности российских панславистов.

Ключевые слова: панславизм, рейхстаг, российско-германские отношения, образ России, парламентские дебаты, политические партии.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-20-28

Введение. Последняя треть XIX в. стала временем важных изменений в российско-германских отношениях. Если в начале этого периода отношения двух стран характеризовались – пусть и с известными оговорками – как союзнические, то к рубежу веков Российская и Германская империи оказались в составе двух противостоящих друг другу военно-политических альянсов. Впоследствии это привело к кровавому столкновению их армий на полях Первой мировой войны. Именно в свете последующих событий актуальным является вопрос о том, каковы были причины этого развития и имелись ли у него альтернативы.

Политическая сторона российско-германских отношений и их экономическая составляющая на данный момент изучены достаточно хорошо [2; 9; 12; 14], чего нельзя сказать об общественном мнении двух стран. Так, существует лишь небольшое количество исследований, посвященных образу России в германском обществе последней трети XIX в. Среди них следует особо упомянуть работу М. Ламмих, изучавшей образ Восточной Европы в немецком обществе в период основания Германской империи [10], а также

четвертый том фундаментального труда «Русские и Россия глазами немцев», посвященный последней трети XIX и началу XX в. [13]. В целом же тема представлений немцев о России последней трети XIX в. раскрыта в историографии далеко не полностью.

В частности, по сегодняшний день предметом самостоятельного анализа не стали существовавшие в Германии представления о российском панславизме. Между тем, панславизм (часто отождествлявшийся здесь со славянофильством) вызывал живой интерес в немецком обществе и военно-политической элите и являлся одной из ключевых составляющих образа России. Его часто представляли себе в виде мощного движения, оказывающего доминирующее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Российской империи. Широко была распространена точка зрения, согласно которой именно под давлением панславистов Александр II против своей воли вступил в войну с Османской империей [16, S. 91]. Это повышенное внимание к российскому панславизму не могло не оказать влияния и на парламентские дискуссии.

Германский парламент – рейхстаг – не имел формальных полномочий в сфере

внешней политики. В связи с этим большинство исследований германской дипломатии 1870–80-х гг. сфокусированы исключительно на деятельности имперского канцлера О. фон Бисмарка, который, по словам К. Каниса, «почти неограниченно господствовал» в данной сфере [6, S. 55]. Тем не менее, парламент обладал определенными рычагами воздействия на правительство, включая бюджетное право и участие в законодательном процессе. В результате, к примеру, при рассмотрении расходов на внешнеполитическое ведомство или военных законопроектов вопросы международных отношений и международной безопасности оказывались на повестке дня рейхстага. Обсуждение подобного рода сюжетов могло происходить и по инициативе самих депутатов при помощи интерпелляций.

Была и еще одна причина, по которой Бисмарк был вынужден считаться с парламентом. Рейхстаг достаточно быстро смог приобрести большое влияние на немецкую общественность, интерес которой к политике неуклонно рос. Поскольку в последней трети XIX в. правительство уже не могло игнорировать общественное мнение, это увеличивало возможности парламента. Последний, по словам немецкого исследователя А. Бифанга, стал «важнейшим представителем или, если угодно, важнейшим символом политической нации», способным «привлечь к себе внимание регионально, политически, конфессионально и социально расколотого общества» [3, S. 41]. Связующим звеном между парламентом и обществом являлась пресса, публиковавшая подробные отчеты обо всех заседаниях рейхстага. В свою очередь, материалы политической периодики внимательно изучались и часто цитировались депутатами в своих речах. Рейхстаг, таким образом, одновременно отражал общественное мнение и формировал его.

Это позволяло парламенту занять более сильную позицию в системе институтов Второго рейха, чем формально предписывала конституция. Далеко не случайно уже в начале 1880-х гг. Бисмарк пытался ослабить рейхстаг созданием параллельных структур, а введение всеобщего избирательного права называл своей ошибкой [8, S. 412]. Тем не менее, обратного пути уже не было: с парламентом приходилось считаться как в силу его

участием в законодательной деятельности, так и благодаря его влиянию на общество.

Именно последний фактор является основанием для того, чтобы при изучении образа российского панславизма в глазах немцев обратить особое внимание на парламентские дебаты. Выступления депутатов отражали существовавшие в различных сегментах германского общества взгляды на проблему и одновременно формировали политический дискурс. Целью представленной статьи, таким образом, является реконструкция образа российского панславизма в выступлениях депутатов германского рейхстага в последней трети XIX в. При этом были поставлены следующие исследовательские вопросы: насколько часто немецкие парламентарии обращались к данной проблеме? Существовал ли единый образ российского панславизма, характерный для германской партийно-политической элиты в целом, или отношение к данному явлению зависело от политических взглядов депутата? В какие периоды и в каком контексте эта проблема упоминалась наиболее часто?

Объекты и методы исследования. В качестве методологии исследования был выбран качественный контент-анализ. В отличие от количественного («базового»), качественный контент-анализ подразумевает не просто подсчет слов, фраз или сюжетов, присутствующих в тексте, а их интерпретация и подробное рассмотрение контекста их упоминания [7, pp. 81-120]. По словам отечественной исследовательницы К.П. Боришполец, «качественный контент-анализ нацелен на углубленное содержательное изучение текстового материала, в том числе, с точки зрения контекста, в котором представлены выделенные категории» [1, с. 59]. Используемая в настоящем исследовании методика проведения качественного контент-анализа разработана германской исследовательницей М. Шрайер [15]. Она включает в себя создание корпуса текстов (источниковая база), выбор единиц кодирования, заполнение данными кодировочной таблицы, анализ и интерпретацию полученных результатов.

В качестве корпуса текстов в данном случае были использованы протоколы заседаний рейхстага за период с 1871 по 1895 гг. В качестве начальной точки выбран год

провозглашения единой Германской империи; конечная точка – год, следовавший за заключением франко-русского союза и подписанием русско-германского торгового договора. Таким образом, данный отрезок времени охватывает период упомянутой выше трансформации отношений между Россией и Германией.

В качестве единицы анализа были выбраны слова с корнем «панславизм» – как существительные, так и прилагательные («панслависты», «панславистский» и т.п.). Кроме того, учитывались возможные синонимы – к примеру, «общеславянский» или просто «славянский» (в значении «панславистский»). В кодировочной таблице отмечались дата выступления, фамилия и партийная принадлежность оратора, контекст употребления термина.

Результаты и их обсуждение. В общей сложности в процессе исследования удалось обнаружить 36 выступлений, в которых упоминается российский панславизм, а также один доклад парламентской комиссии. Оценивая эти цифры, необходимо помнить о том, что внешняя политика не являлась сферой полномочий рейхстага и поэтому оказывалась на повестке дня относительно редко. Хронологически можно выделить три периода повышенного внимания к российскому панславизму, на которые приходится подавляющее большинство высказываний: с осени 1876 г. до весны 1880 г. (Восточный кризис и его ближайшие последствия), с конца 1885 г. до конца 1887 г. (Болгарский кризис и «военная тревога»), 1893–1894 гг. (подготовка и заключение торгового договора с Российской империей). Упоминание панславизма, как и можно было предположить, в основном происходило в рамках обсуждения вопросов, имевших прямое отношение к внешней политике или политике безопасности: военное законодательство (12 текстов), бюджетные расходы (10 текстов), таможенная политика (7 текстов).

Что касается партийной принадлежности ораторов, то можно констатировать, что к теме российского панславизма обращались представители практически всех политических лагерей Германской империи. Так, чаще других этот сюжет упоминали представители трех партий, принадлежавших к совершенно различным течениям: левые либералы (6

депутатов, 8 текстов), католическая партия Центра (4 депутата, 7 текстов) и проправительственная Имперская партия (2 депутата, 7 текстов). Членом последней из них являлся В. фон Кардорфф – парламентарий, чаще других упоминавший российский панславизм в своих выступлениях. При этом выступления достаточно равномерно распределены по всему рассматриваемому периоду. К теме панславизма обращались также консерваторы (3 депутата, 3 текста), социал-демократы (2 депутата, 3 текста), представители польской фракции (3 депутата, 3 текста) и национал-либералы (2 депутата, 2 текста). Таким образом, можно сделать вывод о том, что тема российского панславизма не являлась характерной исключительно для какой-либо одной партии или направления.

Первое упоминание данного сюжета относилось к 1871 г. и носило скорее эпизодический характер. Польский депутат В. фон Тачановски во время обсуждения вопроса присоединения к Германии Эльзас-Лотарингии заявил о том, что в Российской империи популярна идея войны с Германией ради собирания всех славян под властью Петербурга [17, S. 919]. В ответном слове представитель Национал-либеральной партии Ю. фон Хенниг высмеял эти опасения как не имеющие реальной основы – даже если российский император захочет собрать под своим скипетром всех славян, это будет технически непросто сделать [17, S. 932]. На тот момент проблема панславизма не вызывала серьезного беспокойства в немецком обществе, тем более что политические отношения между Берлином и Петербургом выглядели весьма позитивно.

Бисмарк официально позиционировал Российскую империю как дружественную Германии державу, поэтому тезисы об опасности панславизма звучали до определенного момента в основном со стороны партий, критиковавших правительственную политику. Так, при обсуждении бюджета в ноябре 1876 г. представитель Центра Й. Йорг заявил, что Россия желает расчленив Османскую империю и Австро-Венгрию и создать на их обломках «колоссальную славянскую мировую державу», которая будет представлять смертельную опасность для Германии [18, S. 39]. При этом в роли движущей силы выступали славянские комитеты, влияние коих якобы

настолько велико, что даже российский император будет вынужден ему подчиниться [18, S. 41]. Месяц спустя при обсуждении интерpellации, касавшейся российской таможенной политики, депутаты Центра вновь завели речь об актуальной международной повестке. Лидер партии Л. Виндтхорст подчеркнул, что образование сообщества славянских государств под властью России не в интересах Германской империи [18, S. 590].

В защиту правительственной политики выступил один из лидеров Имперской партии граф Э.Г. фон Бетузи-Юк. Его основной тезис был прост: «Изоляция России, к которой может привести охлаждение с нашей стороны, с неизбежностью завершится тем, что она окажется вынуждена заключить союз с Францией или выступить в нежеланной ей самой роли вождя панславистского движения» [18, S. 589–590]. Любопытно, что в данном случае обе стороны, во-первых, одинаково негативно относились к панславизму, во-вторых, отделяли его от российского государства, рассматривая как некую самостоятельную политическую силу.

После начала русско-турецкой войны, однако, официальная российская политика стала в возрастающей степени отождествляться с панславистской идеологией. В конце апреля 1877 г. при обсуждении бюджета представители партии Центра вновь заявили, что российский панславизм представляет угрозу для немцев, а российским правительственным заверениям нельзя верить [19, S. 780]. В феврале следующего года на повестке дня рейхстага оказалась интерpellация национал-либералов, касавшаяся Восточного вопроса. В данном случае депутаты достаточно далеко вторгли в сферу полномочий канцлера и внешнеполитического ведомства. На этот раз не только представители Центра, но и депутат Прогрессивной партии А. Хенель фактически отождествил «русские интересы» и «панславистское течение» и указал на необходимость принимать во внимание австрийские пожелания [20, S. 100–101].

Эта тенденция нашла свое продолжение после того, как в 1878–79 гг. российско-германские отношения серьезно ухудшились. Германская официозная пресса начала транслировать негативный образ России, осенью 1879 г. был заключен оборонительный союз с

Австро-Венгрией. Бисмарк горько жаловался на неблагодарность Петербурга, якобы не оценившего его «добрые услуги» в ходе Берлинского конгресса [11, S. 177]. В этой ситуации не только оппозиционные, но и абсолютно лояльные правительству парламентарии стали в своих выступлениях уделять больше внимания российскому панславизму.

В начале 1880 г. у депутатов имелось целых два повода обсудить международную обстановку: принятие очередного бюджета и новый военный законопроект. На сей раз представители целого ряда партий в своих речах упоминали российский панславизм как серьезную, постоянно растущую угрозу. В. фон Кардорфф (Имперская партия) заявил, что хотя российский император и народ настроены миролюбиво, но «дикие панслависты и нигилисты», начертавшие на своих знаменах лозунг «Константинополь следует завоевать в Берлине», достигли такого могущества, что вполне могут развязать войну против Германии [21, S. 37]. Лидер национал-либералов Р. фон Беннигсен подчеркивал, что в России растет ненависть ко всему немецкому, а «панславистское движение, требования которого ставят под вопрос всю систему государств на востоке Европы, за последние годы – до и после Восточной войны – увеличилось в масштабах и расширило свое влияние, распространившееся на те круги, куда ранее не проникало, (...) из чего может возникнуть большая опасность для остальной Европы и для нас в частности» [21, S. 190]. Российское правительство может однажды оказаться не в состоянии противостоять панславистскому движению, требующему войны с немцами. Развернутую характеристику российскому панславизму дал, наконец, польский депутат Т. Магжински. Он призвал не отождествлять славянство с панславизмом – реакционным, деспотичным, родственным нигилизму и коммунизму. По его словам, панславизм представляет смертельную угрозу германскому миру, и преградой на его пути может стать лишь независимая Польша. Магжински в своем выступлении уже не проводил различия между российской правительственной политикой и панславизмом, который называл «инструментом московитской алчности» [21, S. 691]. Одним из самых любопытных элементов этих выступлений является

отождествление – или, по крайней мере, упоминание как близких родственных течений – панславизма и нигилизма. В Германии рубежа 1870-80-х гг. была широко распространена точка зрения, согласно которой панславизм является по сути своей революционной силой, ориентированной на серьезные внутренние перемены в России.

С несколько иной точкой зрения выступил лидер германской социал-демократии А. Бебель, заявивший, что российский панславизм, хотя и существует, но не обладает решающим влиянием на политику страны; угроза с этой стороны сильно преувеличена [21, S. 44]. Впрочем, это совершенно не означало, что социал-демократы придерживались принципиально иного мнения относительно панславизма как такового. Несколько лет спустя другой социал-демократический лидер, В. Либкнехт, заявил, что «царская, панславистская Россия» «была и остается нашим врагом» и «пытается натравить на нас другие славянские нации». При этом он критиковал политику Бисмарка как слишком дружественную по отношению к России [22, S. 48].

В первой половине 1880-х гг. проблема российского панславизма исчезла из протоколов парламентских дебатов, чтобы вновь появиться там после начала Болгарского кризиса. В 1886–1887 гг. на фоне ухудшения российско-германских отношений представители различных политических партий – от консерваторов до левых либералов – не раз обращались к этой теме. Характерной чертой этого периода являлось большое внимание к российской прессе и частое упоминание имени российского публициста М.Н. Каткова. Так, депутат Немецкой свободомышлящей партии Ю. Мёллер охарактеризовал Каткова как «возможно, самого влиятельного человека во всей России», чья газета «уже много лет самыми резкими словами обрушивается на немцев» [22, S. 545]. В. фон Кардорфф в своем выступлении использовал аналогичный образ, однако возлагал часть ответственности на германскую оппозиционную прессу, которая, по его мнению, косвенно способствует разжиганию в России враждебности к немцам [23, S. 418]. Ему возразил левый либерал Л. Бамбергер, заявивший, что «ненависть к Германии в России даже старше панславизма», дополнительно разжигающего

эту ненависть вне зависимости от того, что пишут немецкие газеты [23, S. 420].

Достаточно любопытно сравнить эти тезисы с тем, что одновременно говорил и писал Бисмарк. Официально заявляя о необходимости и возможности хороших отношений с восточным соседом, выражая доверие российскому императору, канцлер в служебной переписке в конце 1886 г. заявлял, что не знает, кто в России на самом деле «обладает императорским влиянием – Александр III или Катков» [5, S. 427]. «Опасаясь, что мое мнение по поводу излечимости болезни являлось ошибочным, и все наши попытки добиться от России благодарности и взаимности в ответ на наши шаги ей навстречу не имеют шансов на успех», - писал он в феврале 1887 г. германскому послу в Петербурге Г.Л. фон Швейницу [4, S. 381]. «Нам следует считаться с возможностью разрыва дружбы с Россией в результате революционного давления или восстания», - утверждал канцлер в другом документе [4, S. 403]. Получается, что в реальности по вопросу об опасности со стороны российского панславизма между Бисмарком и его парламентскими оппонентами не имелось существенных расхождений; в своих рассуждениях они руководствовались одними и теми же образами и представлениями.

Хотя острая фаза кризиса в российско-германских отношениях завершилась в 1888 г., тема российского панславизма продолжала обсуждаться в рейхстаге. Судя по всему, к этому моменту образ приобрел законченные черты: панславизм воспринимался как могучая сила, по сути своей враждебная Германии, неподконтрольная российскому императору и, более того, способная в любой момент вынудить последнего принять далеко идущие внешнеполитические решения. «Именно панславистская партия всегда подталкивает к войне», - заявил Кардорфф при обсуждении очередного военного законопроекта [24, S. 105]. В начале следующего года этот же депутат во время рассмотрения бюджета заявил, что, хотя российский император не хочет конфликта с Германией, «мы не должны забывать, что в России есть такие партии, как панслависты, нигилисты, которые никак нельзя отнести к миролюбивым, о которых мы совершенно точно знаем, что они

подталкивают к войне» [25, S. 1174]. Граф В.Ф. фон унд цу Хёнсбрех, представлявший партию Центра, и вовсе объявил панславизм угрозой не только для Германии, но и для всей Европы. На этом основании он возражал против любых соглашений с Россией, которые, по его словам, будут лишь способствовать ползучему распространению панславистской опасности [26, S. 1084].

Не была обойдена тема российского панславизма и при обсуждении торгового договора с Российской империей в февралемарте 1894 г. Канцлер Л. фон Каприви представил официальную точку зрения, согласно которой «если мы отвергнем руку, которую нам протянула Россия, то она полностью окажется под властью панславизма» [27, S. 1451]. Главе правительства возразил один из лидеров Немецкой консервативной партии барон В. фон Хаммерштейн, заявив, что торговый договор никак не изменит внешнюю политику России, которая «на протяжении веков направлена к одной цели» [27, S. 1903]. Партия Центра, напротив, поддержала Каприви устами своего депутата Ф. Либера: «Кто хоть немного знает ситуацию в России, будет вынужден признать, что в настоящий момент, когда панславизм, национализм носит если не официальный, то официозный характер, там нет ничего популярнее, чем полное отрицание каких-либо общих с Европой экономических интересов. Если германской торговой политике удастся включить эту Россию в европейское экономическое сообщество, то окажется достигнут один из величайших возможных успехов, в том числе с чисто экономической точки зрения» [27, S. 1911]. При этом оратор подчеркивал, что панславизм является экзистенциальной угрозой: «В тот момент, когда русские водрузят православный крест на куполе Святой Софии, настанет смертный час германской Европы» [27, S. 1911].

Важно подчеркнуть, что в парламентских дискуссиях первой половины 1890-х гг. панславизм все чаще отождествлялся не с нигилизмом, а с русским национализмом – или, говоря словами Каприви, «панруссизмом» [27, S. 1451]. Это можно сопоставить с мнением Швейница, писавшего в это же время,

что в России панславизм «отступает под натиском великорусской партии» [16, S. 422].

Заключение. Подводя итог, можно отметить, что образ панславизма в речах депутатов в значительной степени зависел от конкретной цели их выступления: критика или поддержка правительственной политики, лоббирование принятия определенных решений и т.д. Тем не менее, ключевые характеристики этого образа оставались неизменными вне зависимости от конкретной ситуации или той политической силы, которую представлял парламентарий. Таким образом, мы можем говорить о существовании у германской партийно-политической элиты последней трети XIX в. единого образа российского панславизма.

Этот образ являлся резко негативным. Начиная со второй половины 1870-х гг. российский панславизм представлялся немецким политикам как могущественная враждебная сила, доминирующая в российском обществе и оказывающая сильное давление на государственное руководство. Именно панславизм, по словам парламентариев, делал Россию опасным соседом, который в любой момент мог напасть на Германию. Причем если в 1870–80-е гг. панславизм часто отождествляли с нигилизмом, подразумевая его революционный характер, направленный против существующих структур на национальном и международном уровне, то в 1890-е гг. он начал все чаще упоминаться как форма национализма, продолжение традиционной российской политики. Соответственно, главными панславистскими акторами становились уже не общество и пресса, а само государство.

Представления о российском панславизме являлись в последней трети XIX в. одной из ключевых составляющих негативного образа России, распространявшегося в германском обществе. Соответственно, и ухудшение российско-германских отношений рассматривалось немецкими партийными политиками и общественным мнением как естественный и логичный процесс, а принимаемые в Берлине политические решения – как вынужденная реакция на внешнюю угрозу.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

Список литературы

1. Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2010. 230 с.
2. Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М.: Институт российской истории РАН, 1996. 271 с.
3. Biefang A. Der Reichstag als Symbol politischer Nation. Parlament und Öffentlichkeit 1867–1890 / Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. S. 23–42.
4. Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III. Bd. 7. Schriften 1886-1887. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2018. 681 S.
5. Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 7. 1883-1890. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 807 S.
6. Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870–1890. Aufstieg und Gefährdung. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 449 S.
7. Drisko J.W., Maschi T. Content Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2016. 191 p.
8. Klemm M. Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. L bis Z. Berlin: August Scherl GmbH, 1924. 459 S.
9. Kumpf-Korfes S. Bismarcks „Draht nach Rußland“. Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 219 S.
10. Lammich M. Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung. Boppard am Rhein: Harald Boldt, 1978. 298 S.
11. Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1920. 589 S.
12. Müller-Link H. Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1977. 506 S.
13. Rußland und Russen aus deutscher Sicht. Bd. 4. 19./20. Jahrhundert: von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Wilhelm Fink Verlag, 2000. 1160 S.
14. Schneider I. Die deutsche Rußlandpolitik 1890–1900. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. 329 S.
15. Schreier M. Qualitative Content Analysis in Practice. London: SAGE Publications Ltd., 2012. 272 p.
16. Schweinitz H.L.v. Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. 2. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1927. 479 S.
17. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 1. Legislatur-Periode. I. Session 1871. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1871. 1340 S.
18. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 2. Legislatur-Periode. IV. Session 1876. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1876. 602 S.
19. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 3. Legislatur-Periode. I. Session 1877. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1877. 1183 S.
20. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 3. Legislatur-Periode. II. Session 1878. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1878. 781 S.
21. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 4. Legislatur-Periode. III. Session 1880. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1880. 686 S.
22. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VI. Legislatur-Periode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1886. 678 S.
23. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VI. Legislatur-Periode. IV. Session 1886/87. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen

Allgemeinen Zeitung, 1887. 446 S.

24. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1890. 766 S.

25. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1891. 1450 S.

26. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VIII. Legislatur-Periode. II. Session 1892/93. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1893. 1490 S.

27. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. IX. Legislatur-Periode. II. Session 1893/94. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1894. 1616 S.

THE IMAGE OF RUSSIAN PAN-SLAVISM IN THE GERMAN PARLIAMENTARY DEBATES DURING THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY

The main topic of this research is the image of Russian pan-Slavism in German parliamentary discourse. The last third of the 19th century was the time of dramatic change in Russian-German relations – from an alliance to the membership in opposing military blocs. The driving forces of this deterioration were not only international politics and economy. Public opinion, especially in Germany, also played an important part in this process. Not entitled to take part in foreign policy decision making immediately, German political parties were able to influence public opinion on international issues. Therefore, the study of parliamentary debates makes it possible to understand the cooling of Russian-German relations. The sources of this research are minutes of parliament meetings from 1871 to 1895. Qualitative content analysis was chosen as the most appropriate method for this research. Main finding of this research is the existence of a single image of Russian pan-Slavism in German political parties from Conservatives to Left Liberals and Social Democrats. The use of this image was determined by the particular topic and corresponding interests of the party, but its key features remained the same. Pan-Slavism was perceived and presented as a powerful force in Russian society that was able even to overrule the emperor and to dictate political decision. This force was invariably hostile to Germany and constantly warmongering. Within the framework of this interpretation, the deterioration of bilateral relations was perceived by German society as a natural consequence of the activities of Russian pan-Slavists.

Keywords: pan-Slavism, Reichstag, Russian-German relations, the image of Russia, parliamentary debates, political parties.

References

1. Borishpolets K.P. (2010) *Metody politicheskikh issledovaniy* [Methods of political studies]. Moscow: Aspect Press.
2. Subbotin Yu.F. (1996) *Rossiya i Germaniya: partnery i protivniki (torgovye otnosheniya v kontse XIX v. – 1914 g.)* [Russia and Germany: partners and adversaries (trade relations from the end of 19th century to 1914)]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN.
3. Biefang A. (2003) *Der Reichstag als Symbol politischer Nation. Parlament und Öffentlichkeit 1867–1890*, in: *Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
4. Bismarck O.v. (2018) *Gesammelte Werke. Abteilung III. Bd. 7. Schriften 1886-1887*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
5. Bismarck O.v. (2001) *Werke in Auswahl. Bd. 7. 1883-1890*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
6. Canis K. (2008) *Bismarcks Außenpolitik 1870–1890. Aufstieg und Gefährdung*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
7. Drisko J.W., Maschi T. (2016) *Content Analysis*. Oxford: Oxford University Press.
8. Klemm M. (1924) *Was sagt Bismarck dazu?* Bd. 2. L bis Z. Berlin: August Scherl GmbH.
9. Kumpf-Korfes S. (1968) *Bismarcks „Draht nach Rußland“: Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891*. Berlin: Akademie-Verlag.
10. Lammich M. (1978) *Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung*. Boppard am Rhein: Harald Boldt.

11. Lucius von Ballhausen R. (1920) Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger.
12. Müller-Link H. (1977) Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht.
13. Rußland und Russen aus deutscher Sicht. (2000) Bd. 4. 19./20. Jahrhundert: von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Wilhelm Fink Verlag.
14. Schneider I. (2003) Die deutsche Rußlandpolitik 1890–1900. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
15. Schreier M. (2012) Qualitative Content Analysis in Practice. London: SAGE Publications Ltd.
16. Schweinitz H.L.v. (1927) Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. 2. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing.
17. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1871) 1. Legislatur-Periode. I. Session 1871. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
18. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1876) 2. Legislatur-Periode. IV. Session 1876. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
19. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1877) 3. Legislatur-Periode. I. Session 1877. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
20. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1878) 3. Legislatur-Periode. II. Session 1878. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
21. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1880) 4. Legislatur-Periode. III. Session 1880. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
22. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1886) VI. Legislatur-Periode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
23. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1887) VI. Legislatur-Periode. IV. Session 1886/87. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
24. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1890) VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
25. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1891) VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
26. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1893) VIII. Legislatur-Periode. II. Session 1892/93. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.
27. Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1894) IX. Legislatur-Periode. II. Session 1893/94. Bd. 2. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung.

Об авторе

Власов Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), E-mail: n.vlasov@spbu.ru

Vlasov Nikolay Anatol'evich – Candidate of History, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, E-mail: n.vlasov@spbu.ru

Колесников П.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИСТОКИ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Колониальные конфликты в Северной Америке стали предвестниками Семилетней войны, одного из самых значимых военных конфликтов XVIII века. Освоение территории европейскими колонизаторами, в основном французами и англичанами, и борьба за контроль над территориями и ресурсами привели к серьезным напряженным столкновениям. Англо-французская конкуренция за торговые связи с местными племенами индейцев и угроза захвата стратегически важных территорий способствовали расширению влияния на богатые земли. Данная статья представляет собой новое видение некоторых аспектов, способствующих началу военных действий Семилетней войны на Североамериканском континенте. Исследования охватывает хронологические рамки военных кампаний по захвату крепости Дюкен, Ниагары и операции Краун-Поинт и представляет собой новый взгляд на роль личности в исторических событиях на северо-востоке Северной Америки. Анализируются тактические неудачи в единой стратегии взаимодействия англичан и стратегические успехи по укреплению отношений с ирокезскими племенами, а также преимущества индейской политики французов. Таким образом, Семилетняя война в Америке рассматривается не только как борьба за колонии, но и как столкновение культур и интересов, что в конечном итоге предопределило развитие американской политической карты на многие годы вперед.

Ключевые слова: ирокезы, Брэддок, Ширли, Джонсон, Семилетняя война.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-29-40

Введение. Вооруженные конфликты, а также различные явления и процессы в колониях Северной Америки, неоднократно становились темой исследований истории Семилетней Войны. Социальный, политический и экономический уклад местного населения, а также присутствие колониальных администраций англичан и французов, в значительной степени влияло на коренные народы путем их идеологического формирования и становления жизненного опыта. В рамках изучаемой темы использовались труды и работы известных исследователей, которые занимались изучением событий, связанных с военными действиями на североамериканского континенте, а также воспоминания и записки современников рассматриваемого периода. Основным источником исследования по данной тематике являются *Документы Уильяма Джонсона*. Данный источник отражает свидетельства и воспоминания относительно военной истории Северной Америки в период колониальных войн и соперничества между Англией и Францией.

Сэр Уильям Джонсон, 1-й баронет (1715 - 11 июля 1774), был выдающимся офицером британской армии и колониальным администратором из Ирландии, прославившимся своими военными и управленческими

достижениями в колониальной Америке. В силу невозможности продвижения по карьерной лестнице в Англии Джонсон перебрался в провинцию Нью-Йорк, где взял на себя управление поместьем, приобретённым его дядей, офицером Королевского военно-морского флота Питером Уорреном. Эта земля находилась на территории мохоков, одного из народов шести наций Лиги ирокезов.

Изучив язык и обычаи мохоков, Джонсон стал британским агентом среди них и остальных племен Лиги. Он командовал силами ирокезов и колониального ополчения в борьбе против французов и их союзников во время франко-индейской войны (1754-1763). Его блестящее руководство в битве при Лейк-Джордже в 1755 г. принесло ему титул баронета Нью-Йорка, а успешное завоевание форта Ниагара в 1759 г. добавило ему славы.

На протяжении своей карьеры Джонсон мастерски сочетал личные интересы с официальной дипломатией, приобретая десятки тысяч акров земли и накапливая значительное богатство. [1, с. 29-32]

Особый интерес для исследования представляют переписки У. Джонсона с представителями разных слоев общества от руководства до местного населения в военные и межвоенные периоды середины XVIII века.

Также в источнике присутствуют протоколы, счета различного характера, военные отчеты, охватывающие его деятельность от событий Войны короля Георга до битвы у озера Джордж. Данный источник является ключевым в понимании условных правил ведения индейских дел исследуемого периода.

Возникавшие конфликты и столкновения между Англией и Францией и их индейскими союзниками, провоцировали войну в колониях Северной Америки. Современные исследователи обозначили эти явления и процессы как «франко-индейская война». [2, с.126]

В первой половине XVIII в. англичане и французы имели территориальные претензии друг к другу и, несмотря на «Второй Ахенский мир», в результате которого завершилась Война короля Георга (1744-1748 гг.), противостояние продолжилось на дипломатическо-экономическом уровне. Обе державы вели активную информационную борьбу за привлечение на свою сторону индейцев, тем самым пытаясь мирным путем, подкупами и запугиваниями выиграть для себя более выгодные позиции и подготовиться к неизбежной войне. Серия разрастающихся частных столкновений между разными сторонами конфликта на почве торговых и территориальных претензий стала постепенно приобретать постоянный характер, что вызывало опасения возобновления прямого военного столкновения.

До начала Семилетней войны конфликт напрямую был связан с территориальными претензиями в долине р. Огайо. Этот регион изначально был политически нестабильным и спорным. В частности, эта ситуация послужила триггером военного противостояния в сфере влияния на данную территорию. Англо-французский конфликт более правильно обозначить как серию локальных конфликтов между англичанами, французами и их сторонниками из индейских племен. Исследуемый период 1754-1755 гг. является стартовым в этом конфликте. Например, в это время произошли события связанные с поражением британской армии у форта Несессити¹ и вторжение французов на территорию долины

р. Огайо. Ряд военных неудач 1754 г. побудил британское руководство предпринять меры по обеспечению защиты колоний и своих союзников. Для усиления колоний на североамериканском континенте Англия отправила два батальона под командованием Эдварда Брэдока [2, р.1061-1063], входившие в состав регулярных войск Великобритании. Брэдок был назначен главнокомандующим английскими войсками в Северной Америке. Штатная численность батальона достигала практически 500 человек, по плану подразумевалось, что полная численность каждого может быть доведена до 700 человек из числа наемников-колонистов. Также предполагалось подготовить и привлечь два дополнительных батальона в качестве резервного из числа местных жителей колоний. [7, р.663-664] Одним из первых кто стал активно поддерживать британские военные устремления был губернатор Вирджинии - Роберт Динвидди. С 1754-1755 гг. он организовывал людей для предстоящей военной операции, а также их тыловую поддержку (провиант, порох). Своим указом Динвидди сформировал отряды для строительства логистических маршрутов и создание перевалочно-тыловых путей, в частности строительство форта в Уиллс-Крике, который был назван Камберленд. [7, р.661-662]

В феврале 1755 г. Э. Брэдок прибыл в Вильямсбург (Вирджиния). По прибытию он создал необходимые условия для активизации подготовительных работ и проработку сценариев к предстоящей военной кампании. Чтобы встретиться с командующим британскими войсками, в г. Александрия прибыли лидеры местных жителей, а также британские подданные с целью обозначить планы наступательной операции, выработать общую стратегию и скоординировать действия. План Брэдока рассматривал три направления действия и ответственных лиц: Краун-Пойнт (У. Джонсон), Ниагара (У. Ширли) и форт Дюкен (Э. Брэдок). Из присутствующих приказом командующего британскими войсками свои поручения получили Губернатор Массачусетса Уильям Ширли и британский военный,

¹ Битва за форт Несессити - 3 июля 1754 г. произошло сражение между англичанами и французами в результате, чего англичане потерпели поражение, что спровоцировало войну на Североамериканском континенте.

торговец - Уильям Джонсон. [8, р.140]

Уильяму Джонсону, по ходатайству Брэдока, было присвоено звание генерала, а также не без его помощи в апреле 1755 г. он был назначен руководством Англии на должность по делам индейцев (суперинтендантом) в Колониях Северной Америки. Таким образом он смог полноценно возглавлять часть британского колониального отряда с привлечением для этого индейцев. [12, р.140]

Военные экспедиции англичан. Согласно военному замыслу Джонсону было поручено выступить против французов в Краун-Пойнт. Ему по возможности требовалось привлечь как можно больше индейцев «Шести Наций» для проведения военной кампании на озеро Шамплейн. Объединив колониальные войска с частью британских регулярных войск, он должен был построить укрепления на возвышенностях рядом с Краун-Пойнт и в случае, если французы окажут им какое-либо сопротивление при его строительстве, Джонсону необходимо было атаковать. Если со стороны французов и их союзников не будет предпринято каких-либо попыток остановить возведение фортификационных сооружений, следовало дожидаться артиллерии и выставить ее в боевые порядки, тем самым выдвинув ультиматум французам о сдаче бастиона. [12, р. 469-470]

Губернатору Массачусетса У. Ширли было поручено наступать с отрядом военных из числа местных наемников в сторону озера Онтарио и напасть на укрепление Ниагара. По замыслу Брэдока, главное третье направление, реализовать должен был он сам, где основными силами являлись регулярные войска Англии, построенные из двух батальонов и дополненные местными колониальными войсками. Этим направлением стал форт Дюкен. План предусматривал молниеносное нападение на форт с его последующим взятием у французов, и в случае реализации данного плана Брэдок намеривался освободить часть сил и отправить их на помощь Ширли к Ниагаре.

План Брэдока не учитывал ожесточенного сопротивления французов [8, р. 142], а также участие франко-канадского населения, которое активно занималось разведкой и передавало французской стороне информацию о передвижении английских войск, что, в

свою очередь, способствовало готовности французов принять английское наступление на том или ином направлении. [2, с. 127]

Джонсон оказался в затруднительной ситуации. Он не располагал условиями для привлечения ирокезов из «Шести наций». Необходимо было обеспечить провизией, оружием, одеждой и порохом не только их самих, но и их семьи, а также требовались гарантии защиты жилищ индейцев. [12, р. 501-502] Джонсон указывал на то, что отсутствие должной поддержки британского правительства может вызвать фатальный исход событий и подорвет усилия по привлечению индейцев на свою сторону. Джонсон предложил губернаторам создать фонд, который бы субсидировал развитие отношений с индейцами в интересах британских колоний. [12, р. 521]

На предложения Джонсона откликнулся Губернатор Массачусетса У. Ширли. Будучи главным участником и организатором военной экспедиции, он первый оказал финансовую помощь своему коллеге. Губернатор заверил Джонсона, что колония возьмет на себя часть его расходов и часть средств выделит авансом на ведение дел по обеспечению индейцев. Кроме всего прочего Ширли дал обещание, что, используя свое положение и влияние среди других представителей колоний, постарается убедить их внести в бюджет статью расходов по вербовке и содержанию индейцев, которых курировал Джонсон. [12, р. 522-23]

В мае 1755 г. У. Джонсон в своем имении Маунт Джонсон, провел встречу с представителями одной из «Шести наций» мохоками. Подчеркивая военную доблесть англичан и приверженность военным усилиям, Джонсон сообщил ирокезам приятную новость о своем назначении на должность суперинтенданта по делам индейцев и союзников на территории Северной Америки. [12, р. 627] Также уверил мохоков в том, что им на помощь Король Англии направил прекрасного воина генерала Брэдока с большим количеством вооруженных солдат для защиты своих союзников. [12, р. 625] Положительный отклик сахемов не заставил себя долго ждать, они заверили Джонсона, что теперь отношения между британцами и Лигой шести наций значительно улучшатся. Сахемы не будут вступать в какие-либо диалоги с французами в надежде на то,

что они со своей стороны предложат гарантии безопасности и выгодные торговые условия. [12, р. 630] Данная встреча с ирокезами, позволила Джонсону возобновить с ними сотрудничество. [12, р. 632]

Однако подготовка к военной кампании велась не так гладко, как изначально рассчитывалось. Стремление англичан добиться быстрого результата и отчитаться перед правительством в обмен на статус и преференции, всегда было элементом конкуренции, поэтому возникающие трения и разногласия внесли свои коррективы. Ширли и Брэдок не спешили реализовать данные ими обещания: обеспечение оружием, провизией и гарантиями безопасности. Однако, пытались оказать давление на У. Джонсона, побуждая его активнее использовать свои навыки вербовки индейцев в их корпуса. На этом фоне Джонсон упрекнул Ширли в том, что так и не было предоставлено финансовой помощи от руководства колонии и британского правительства, а все расходы по обеспечению и набору индейцев по-прежнему осуществлял он сам. [12, р. 617] На фоне возникающих разногласий в подходах к привлечению и организации индейских племен в качестве союзников, взгляды Джонсона, Ширли и Брэдока на военную операцию разнились.

Не желая прислушиваться к суперинтенданту, Ширли поступал необдуманно. Его желание оперативно выдвинуться к Ниагаре, было нереализуемо, без достаточного привлечения индейцев, которых должен был предоставить Джонсон. В начале июня 1755 г. Джонсон еще только занимался организацией и привлечением ирокезов на сторону британцев, Ширли уже настоятельно требовал предоставить ему тысячу человек для своей Ниагарской экспедиции, но получил отказ. [10, р. 201] Джонсон пытался убедить Ширли повременить с военной кампанией до момента пока силы будут набраны и укомплектованы. Губернатор Массачусетса не согласился с мнением суперинтенданта и решил в обход Джонсона перейти к вербовке индейцев. [12, р. 735] Агент Ширли, выбранный для общения с ирокезами, был весьма знакомой личностью для ирокезов – полковник Джозеф Лидиус. Лидиус стал проводить вербовку индейцев в Ниагарскую экспедицию, а также настраивать их против

Джонсона. Узнав об этом, Джонсон попросил немедленно прекратить подрывную деятельность и перестать вмешиваться в англо-ирокезские отношения. [9, р. 473] К тому же Лидиус был замешан в махинациях с землями ирокезов. Отношения между Ширли и Джонсоном стали резко ухудшаться, переходя в конкурирующую плоскость. На фоне возникших разногласий двух командиров координация войск в условиях подготовки к военной экспедиции, становилась чрезвычайно сложной. В этой связи Джонсону приходилось действовать исходя из реальной обстановки на местах, а именно направить все усилия на ускорение вербовки ирокезов в собственный лагерь для предстоящей экспедиции, за которую он отвечал – Краун-Пойнт. [9, р. 475]

Продолжая исполнять свои обещания по вербовке индейцев в экспедиции Ширли и Брэдока, Джонсон старался избежать прямой конфронтации с командующим войском. На фоне разразившегося конфликта он решил прибегнуть к помощи своего представителя – Джорджа Крогана, который являлся его заместителем и помощником. Д. Кроган, имея опыт общения с индейцами, обладая не меньшим влиянием среди ирокезов, был уполномочен провести переговоры с представителями индейцев Пенсильвании и Огайо. Крогану было поручено убедить Скарруади, нового сахема ирокезов, чтобы они выступили на стороне Брэдока и поддержали его в наступлении на форт Дюкен в обмен на финансовую поддержку. [12, р. 475-476] 2 мая 1755 г. Кроган отправился с группой ирокезов к Брэдоку в Камберленд. Одновременно с этим он пытался привлечь племена делаваров, шауни, виандот и майами. Все племена, кроме делаваров, согласились принять участие и выступить на стороне британцев. Также индейцам, проживавшим в районе реки Саскуэханна, было предложено прибыть в британский форт Уиллс-Крик. 20 мая Кроган и Скарруади прибыли в армию Брэдока, вместе с 50 индейцами и еще 20 индейцев, проживавших в районе реки Саскуэханне, прибыли позже. [9, р. 374-375]

Спустя несколько дней отряд индейцев Скарруади, а также те, которые прибыли вместе с Кроганом в Камберленд, решили покинуть лагерь Брэдока. Плохое обращение и пренебрежения командующего войсками к

ирокезским племенам, вынудило их отказаться от экспедиции. Ирокезы желали перейти в лагерь Уильяма Джонсона, присоединившись к экспедиции на Краун-Пойнт. Получив об этом известие, Джонсон сделал вывод, что у Брэдока отсутствовало всякое понимание в «управлении индейцами». [9, р. 397]

Британские военные, которые сопровождали силы Брэдока, стали обострять и без того накалившуюся обстановку, пристававшая к женам индейских воинов Скарруади. Генерал Брэдок, недооценивший присоединившиеся племена ирокезов, отдал приказ об отправке семей индейцев в их поселения. Выполняя приказ генерала, воины которых так долго собирал Кроган, были вынуждены покинуть место дислокации лагеря Брэдока и отправиться вместе со своими семьями обратно. На службе у него осталось восемь воинов Скарруади. [15, р. 89-90]

В такой непростой обстановке генерал Брэдок был уверен, что индейцы, покинувшие его, нарушали дисциплину и не позволяли его армии сосредоточиться на важном – наступлении на Дюкен. 7 июня 1755 г. армия в 2500 тысяч человек, совместно с двумя британскими батальонами, выдвинулись из Камберленда в направлении крепости Дюкен. Пройдя чуть больше 20 миль, индейцы, осуществляющие разведку, вместе со Скарруади были захвачены в плен отрядом во главе с французским офицером. Однако ему, как сахему, сохранили жизнь, привязав его к дереву. Французы были осведомлены о присутствии англичан и направлениях движения британской экспедиции. Они организовывали мелкие столкновения с экспедицией Брэдока, чтобы замедлить темпы продвижения и хорошо подготовиться к основному сражению. Брэдок ожидал, что на его экспедицию будет совершено нападение возле Грейт-Медоуз, но так и не встретил никакого сопротивления. Британские войска отправили двух индейцев на разведку в район форта Дюкен. Одновременно с этим, продолжая экспедицию, войска Брэдока были атакованы небольшими группами индейцев оттава. В результате одной из перестрелок погиб сын Скарруади, по нелепой случайности застреленный британским военным. [6, р. 25-26]

Отсутствие достаточного количества индейцев в экспедиции Брэдока лишило его

адекватной разведки. Брэдок, осуществляя переход через лесные массивы Мононгахела, 9 июля был атакован французами. Один из лучших отрядов в составе 450 человек под командованием полковника Гейджа Томаса, был встречен французскими войсками из 290 человек и более 600 индейцами. Гейдж был застигнут врасплох. Он приказал отступить, ошибочно приняв силы Брэдока за французские в составе 800 человек, которые он направил для усиления его отряда. Однако затем, отдав приказ сгруппировать войска, они стали отличной целью для французо-индейских войск, открывших огонь из укрытия. Бой продолжался три часа, из 1450 британских солдат, 1000 человек было убито. В этом бою генерал Брэдок получило смертельное ранение и скончался через три дня, 13 июля 1755 г. Полковник Данбар принял на себя командование войсками. Он отдал приказ об отступлении на 50 миль от Дюкен и был вынужден отказаться от контратак. Быстро выдвигаясь в Камберленд с остатками британских солдат, Данбар принял решение отказаться от идеи захвата крепости Дюкен. [6, р. 50-52]

Провал экспедиции Брэдока носил фатальный характер. Желание быстро и молниеносно военным путем без должной подготовки и организованности, решить вопрос французского доминирования в колониях Северной Америки, не принес желаемого результата. Также отсутствие поддержки со стороны индейских союзников привело экспедицию Брэдока к его гибели и поражению войск.

Так, сахем ирокезов Скарруади, встречаясь с губернатором Пенсильвании в августе 1755 г., выразил свою позицию по поводу поражения Брэдока на Мононгахеле: «Его гордость и невежество погубило его...», «потому что, он смотрел на нас как на собак и не слышал ничего из того, что мы ему говорили, часто пытаясь дать ему совет и предупредить об опасности, он отвергал; он нами никогда не был доволен, что послужило поводом для наших воинов покинуть его лагерь и не оказаться под его командованием». [15, р. 94]

Джордж Кроган также возлагал вину на британских офицеров, которые делали упор на собственные силы регулярных войск без поддержки крупного количества индейцев. Так один из британских офицеров полковник Иннес советовал Брэдоку не использовать

большие отряды индейцев «так как они будут очень неприятны в экспедиции и следует брать не более 10 человек». Кроган счел данное решение Брэдока ошибочным: «Если бы у него было не менее 50 индейцев, то могли бы должным образом провести разведку и предотвратить внезапные набеги и отслеживание французских войск, что не привело бы к поражению». [15, р. 96]

Поражение Брэдока оказало значительное влияние на интересы Британии. В 1755 г. по сообщениям из Шипенсбурга (Пенсильвания) группы индейцев, которые ранее были пробритански настроены, перешли на сторону французов. Также племена делаваров и шауни, стали совершать нападения на границы английских колоний вместе с французами. Ирокезы стремительно примыкали к сильнейшим. [14, р. 100-101]

Сообщение о гибели Брэдока и провале его экспедиции могло кардинально повлиять на задачи по привлечению индейцев на сторону британцев. Это значительно беспокоило Джонсона. [12, р. 773-774] Одновременно с этим, когда все ждали подтверждения информации о гибели Брэдока, Ширли 24 июля отдал приказ о начале военной экспедиции на Ниагару. Новость о смерти Брэдока застала экспедицию врасплох. Ширли становился на его место. [10, р. 208-209]

Джонсон, получив известие о гибели Брэдока, был вынужден сообщить Ширли о том, что не сможет на фоне полученных новостей предоставить достаточное количество индейцев для Ниагарской экспедиции. Проводить агитацию и привлекать индейцев на сторону британцев стало достаточно проблематично. Известие о поражении Брэдока заставило индейцев сомневаться в способности британцев защитить своих союзников. Также Джонсон выражал опасения, что многие примкнувшие индейцы покинут британские войска: «Трагические события лишают нас возможности убедить индейцев присоединиться к нам», - сообщал Джонсон вице-губернатору Нью-Йорка. [12, р. 773-774] Осуществляя подготовку к предстоящей кампании суперинтендант продолжал выполнять возложенные на него обязанности по набору воинов, он, двигаясь на север от Олбани к озеру Джордж, сумел собрать лишь около 50-60 ирокезов для сопровождения долгого марша Ширли на

Ниагару. Осознавая и учитывая опыт Брэдока, который игнорировал и парировал предложения ирокезов, Ширли также решил ускорить процесс привлечения индейских племен в экспедицию против Ниагары. Он посетил поселения неподалеку от Осуиго и провел переговоры с сахемом в результате чего ему удалось нанять в свою экспедицию около 60 индейских разведчиков, дабы обезопасить себя от внезапного нападения со стороны французской армии и союзных племен. [10, р. 210-211]

За экспедицией Ширли вели разведку отряды индейцев, которых курировали французские офицеры. По прибытию в Осуиго он убедился в отсутствии его полноценной защиты. Также разведка ему доложила, что в 50 милях от него французы расположили около 1200 солдат, способных в любую минуту нанести удар по его войскам. Ширли решил возвести фортификационное сооружение, способное противостоять атаке противника. Данная крепость по его замыслу должна была послужить базой для ударов по французам на западе и дальнейшего продвижения к Ниагаре.

Расположившись в Осуиго, Ширли ожидал прибытия воинских формирований. Плохие погодные условия вносили коррективы в планы Ширли. Болезни среди солдат, а также дезертирство, значительно сократили численность его войск до 1000 солдат, этого было недостаточно, чтобы наступать. Некоторые ирокезы из племени Онейда, которых он нанял на британскую службу, также покинули его военный лагерь. [11, р. 249-251] Летний сезон подходил к концу, возникшие сложности заставили Ширли, переосмыслить ситуацию. Он пришел к выводу о том, чтобы вытеснить французов из Ниагары, ему необходимо тщательное как следует подготовиться к предстоящей кампании. Для этого нужно было перенести ее на следующий год.

Недостаточное снабжение, отсутствие солдат для формирования резервов, а также поздняя осень не позволили экспедиции Ширли осуществить задуманное. Командующим было принято решение усилить подготовку к предстоящей весенней кампании 1756 г. и подготовить к защите Осуиго как перевалочной базы для снабжения войск. Ширли отдал приказ о расквартировании основных войск в Скенектади и Олбани, а часть оставил в Осуиго в качестве гарнизона для

защиты крепости. [10, р. 213-215]

Результаты Британской военной экспедиции под командованием Ширли в 1755 г. были неоднозначны. Хотя и не удалось достичь всех поставленных целей, но было принято решение о более ответственной подготовке своих позиций, приложив усилия по укреплению Осууго и его окрестностей. Также Ширли как командующий войсками переосмыслил стратегию ведения военной кампании. Командующий британскими войсками стал прислушиваться к своим офицерам, индейцам и лично к У. Джонсону, что позволило ему более ответственно подготовиться к грядущему сражению и заручиться поддержкой на предстоящий год. На фоне несостоявшегося сражения и одного поражения, Ширли требовал от Джонсона по возможности осуществлять набор ирокезов из Шести Наций, поскольку только они были более склонны к союзу с британцами, с возможностью перехода из одной экспедиции в другую. Прекрасно понимая, что Джонсону, также необходимо было обеспечивать свой экспедиционный корпус и осуществлять подготовку для проведения наступательной операции на Краун-Пойнт. [10, р. 217]

Уильям Джонсон практически все лето прибывал в Олбани, анализируя опыт своих коллег, продолжал работать над формированием своей экспедиции. Он проложил логистический маршрут от Гудзона до озера Джордж, для этого он выделил небольшой отряд ополченцев. Занимаясь координацией войск, Джонсон продолжал пополнять припасы, приобретая транспортировочные средства и инвентарь для осуществления наступательной экспедиции. Одновременно с этим развернул часть своих сил вокруг Олбани и создал оборонительную линию вокруг города.

Учитывая неудачи и гибель Брэдока, Джонсон в своем письме к вице-губернатору Нью-Йорка Де Лэнси рекомендовал отложить его экспедицию, заявляя: «...было бы безумием пытаться осуществить экспедицию без поддержки индейских племен», а также призывал «...отложить экспедицию, до момента пока не использует все свои аргументы и все свое влияние, чтобы не потерять индейских связей». [12, р. 796]

Первоначально, анализируя последствия поражения при захвате крепости Дюкен,

Джонсон был крайне пессимистичен. Однако три лидера Шести наций по-прежнему благожелательно относились к британцам и выражали свое доверие, зная о поражении экспедиции Брэдока. Джонсон возобновил свою агитационную кампанию по привлечению индейцев в экспедицию на Краун-Пойнт. [12, р. 797]

В конце августа Джонсон проинформировал губернаторов колоний о состоянии дел в его войсках. В частности, сообщалось о том, что в экспедиционном корпусе достигнуто численное преимущество над французами. Однако возникали естественные проблемы, которые нельзя было не учитывать – это родственные связи ирокезов между про-британскими мохоками, которые находились в его войсках и конавага, переселившиеся в Краун-Пойнт, обратившиеся в католицизм и находившиеся под влиянием французов. Риск «быть убитым или убить родственника был весьма высок». Поэтому военный совет рекомендовал Джонсону обратиться с просьбой к губернаторам о дополнительном выделении сил подкрепления для экспедиции на Краун-Пойнт. [12, р. 880-881]

26 августа Джонсон отдал приказ о начале походного марша. Отряд из 1500 солдат и мохоков, осуществляющих разведку, направился в сторону Карринг-Плейс, где находились французские владения. Джонсон оставил в своем лагере несколько офицеров и сахемов для того, чтобы те дождались еще 200 индейцев, а затем отправились к нему для воссоединения с его армией. Джонсон торопился, прекрасно зная природно-климатические условия региона. Начало осеннего сезона могло замедлить наступление. [12, р. 887-888] Не имея возможности оставаться на месте, он выдвинулся к озеру Джордж, прибыв туда 28 августа, к этому моменту присоединились те 200 индейцев мохоки во главе с Хендриком, которых он давно ожидал. Джонсон начал подготовку территории для развертывания военного лагеря на южном берегу озера Джордж. Дислоцировав свою армию, Джонсон планировал выдвинуться на север по воде и занять узкий канал между озером Джордж и Шамплейн на скалистой местности. Ожидая припасы из Олбани, ирокезы из лагеря Джонсона пытались установить неформальные отношения с профранцузскими ирокезами конавага. Джонсон возлагал

надежды на то, что им удастся достичь договорённостей и они займут нейтральные позиции/ [12, р. 891-893] В своем письме Джонсон сообщал Ширли о значимости переговоров ирокезов мохоков и конавага. [12, р. 894]

Пессимистично оценивая свои шансы, Джонсон не верил в успех предстоящей кампании. Отсутствие уверенности в поддержке ирокезов, постоянные нарушения дисциплины и неподчинение офицеров, проблемы с выплатами заработной платы – все это угрожало сорвать военную кампанию. [12, р. 7] В своей переписке с вице-губернатором Нью-Джерси, Джонсон сообщал, что «не возлагает больших успехов на свою экспедицию». [12, р. 9] Он был обеспокоен нехваткой должного обеспечения со стороны колоний, что сказывалось на моральном духе его армии и его уверенности в успешном исходе событий. Однако форт на месте дислоцирующегося военного лагеря у южного берега озера Джордж был им возведен. Он строился с целью обеспечения укрытия его войск на случай отступления, а также выполнял функций перевалочной базы. [12, р. 15-16]

Приступив к строительству крепости, Джонсон получил донесение от разведчиков Хендрика о том, что 7 сентября французские войска находились на достаточно близком расстоянии. Это была армия барона Дискау,двигающаяся в направлении форта Эдвард. Джонсон, узнав об этом, немедленно направил посыльных в Эдвард с тем, чтобы предупредить находившийся там гарнизон о приближении французской армии и подготовиться к защите форта, приказав удвоить количество караульных. [13, р. 16-17]

Армия барона Дискау насчитывала к 1 сентября 3099 человек, включая 660 индейцев конавага. Начиная свое наступление, французская армия направила свой отряд в количестве 1500 человек к форту Эдвард для того, чтобы уничтожить недостаточно укомплектованный британский гарнизон. Одновременно с этим, когда войска француз продвигались к форту Эдвард, разведчики донесли барону Дискау о присутствии британцев на южном берегу озера Джордж. Получив информацию разведки о расположении войск Джонсона, Дискау отказался от планов по взятию форта Эдвард и вместо этого принял решение нанести внезапный удар по

уязвимым местам британских войск. Дискау рассчитывал на то, что экспедиционный корпус Джонсона из-за отсутствия боевого опыта не окажет его войскам столь серьезного сопротивления. [13, р. 18]

Фактор внезапности пытались использовать с обеих сторон. Организуя совет с сахемами ирокезов, Джонсон решил направить 1000 британских солдат и 200 ирокезов в тыл армии французов. Джонсон ошибочно полагал, что Дискау уже осуществил атаку форта Эдвард и возвращается обратно, рассчитывая встретить его уставшие войска с тем, чтобы добить ее остатки. Отряд из 1200 человек под командованием полковника Эфраима Уильямса и Хендрика 8 сентября выдвинулся из военного лагеря на озере Джордж в тыл французских войск. Командование французскими войсками, зная о месте нахождения главных войск Джонсона, повернуло в его направлении. Дискау отдал приказ устроить засаду у озера Джордж и разместить солдат и индейцев по двум сторонам дороги, где должен был наступать Уильямс. [5, р. 106] Командующий полковник Уильямс предполагал, что застигнет французов врасплох. Отсутствие должной разведки и вера в собственные силы завели 1200 человек в ловушку. Британский корпус под командованием полковника Уильямса, войдя в район засады, был встречен внезапным огнем французов и их союзников индейцев. Все произошло настолько быстро, что британский корпус не успел привести свои ряды в боевой порядок и провести контратаку. Находившийся в первых рядах Уильямс и Хендрик пали первыми, но к счастью для английского корпуса, засада сработала преждевременно и часть корпуса удалось спасти. Было много убитых ирокезов и англичан, а выжившие выбрались из засады направились обратно к озеру Джордж. Дискау, чтобы успеть добить остатки британского корпуса, начал их преследование для того, чтобы они не успели соединиться с основными силами. [3, р. 147]

Так как все происходило относительно недалеко, Джонсон слышал, как начался бой и по мере приближения стрельбы, отдал приказ своим войскам быть наготове. Джонсон понимал, что его отряд отступает к лагерю у озера Джордж, и отправил отряд из 300 человек для их прикрытия под командованием

подполковника Коула. Когда все началось Джонсон еще не успел возвести оборонительные укрепления, и чтобы подготовиться к встрече с французами на быструю руку соорудил из подручных средств и бревен полукруглое укрепление для своей защиты. Часть преследуемых британских солдат и ирокезов вернулись в лагерь.

Столкнувшись с классической проблемой лобовой атаки подготовленных позиций, Дискау приказал свои регулярные войска расположить напротив центра лагеря Джонсона, а французским ополченцам и индейцам расположиться напротив флангов лагеря. Отдав приказ о начале наступления, французская армия продвигалась вперед, стреляя по лагерю Джонсона. Британские солдаты и индейские союзники, заняв импровизированные укрепления, дождались, когда французы приблизиться на выгодные для британцев позиции. Джонсон приказал открыть огонь из пушек. Артиллерия начала уничтожать солдат французов и опустошать их ряды. Индейские союзники французов конавага, видя преимущество британцев на поле боя, отказались от участия в атаках и вышли из сражения. После безуспешного двухчасового боя в центре лагеря Джонсона, Дискау отдал приказ атаковать правый фланг. Артиллерия сыграла одну из решающих ролей, с ее помощью удалось сократить армию французов и остановить атаку, дезорганизовав солдат. Ближе к вечеру британские войска перешли в наступление и начали преследовать отступающих французов. Многих французов взяли в плен, среди пленных оказался сам барон Дискау, командующего французской армией доставили в палату к Джонсону. Позже после заключения мира 1763 г., Дискау был отправлен во Францию. [12, р. 40-41]

Успехи британцев на этом не заканчивались. Отступающие остатки французских войск отошли от лагеря Джонсона, как внезапно столкнулись с отрядом 200 британских ополченцев, направлявшихся из форта Эдвард к лагерю Джонсона под командованием капитана Макгинниса. Результат был предопределен - остатки французских войск были разбиты и лишь единицы успели уйти с поля боя. [5, р. 108]

Сражение у озера Джордж оказало воодушевляющий эффект на индейцев, победа

над французскими силами усилила веру в британскую корону и способность защитить своих союзников. Джонсон отлично понимал, что проигранное французами сражение не означало полной победы над ними. У французов оставалось достаточное количество сил в этом районе и думать о наступлении на Краун-Пойнт было преждевременно. 14 сентября у озера Джордж состоялся военный совет, на котором Джонсон и военные офицеры обсуждали вопрос строительства крепости и оборонительных сооружений, а также продвижение на север. На военном совете было решено усилить защиту лагеря путем строительства форта на берегу озера Джордж. Данное решение было принято под влиянием опасения безопасности британских позиций на переправе между Гудзоном и озером Джордж.

Строительство началось немедленно, часть войск была расщеплена, чтобы охранять пути снабжения. Так как начинался сезон осенних дождей и время наступательных действий становилось неподходящим, на военном совете вместе с Джонсоном было решено повременить с повторной экспедицией в Краун-Пойнт. [5, р. 24-40]

Племена ирокезов Шести наций поддерживали Джонсона в стремлении укрепить лагерь, в котором располагался военный гарнизон. Войска занялись строительством фортификационных сооружений. Индейцам было поручено проводить разведку и наблюдать за французами. [5, р. 19]

Обустроив местность и укрепив ее опорными пунктами, военный лагерь у подножья горы озера Джордж смело можно было называть главным оборонительным фортом британцев в этом регионе. В письме капитану Роберту Орму, который находился в Осуиго, Джонсон делился мнением о том, что «ирокезы Шести наций никогда не были такими благосклонными к его Величеству, чем когда-либо за последнее 40 лет..., гибель ирокезов из племени мохоки, в результате сражений с французами нанесло сильнейший ущерб по французским интересам, оказывающее огромное влияние на остальные племена Шести наций», - рассуждал Джонсон. Также участие родственных конавага в убийствах ирокезов мохоки, серьезно подорвало отношения и доверие Шести наций. «Мохоки

настоятельно требовали, чтобы конавага запретила торговлю в Олбани и Осуиго, поскольку теперь считали, что они смогут использовать эти связи в военных целях для ведения разведывательной деятельности» – сообщил Джонсон. Демонстрация военного успеха являлась главным фактором определяющим лояльность и приверженность индейцев британским интересам. [5, p. 52-54]

Заключение (выводы). Подводя итог происходившим событиям 1754-1755 гг., можно сделать ряд выводов. Борьба за господство над северными территориями, которые контролировали французы выражалась экономическими мерами, но милитаристская политика французов оказывала свой эффект. Неоднозначные итоги экспедиции англичан ставили под сомнение лояльность ирокезов к англичанам. Неудача в форте Несесити, а также поражение Брэддока сильно тревожило индейцев и подрывало престиж британской военной мощи.

Однако к счастью для англичан были и положительные аспекты происходивших событий. Действия командующих экспедиций Ширли и Джонсона частично компенсировали те военные неудачи, которые из-за излишней самоуверенности совершил генерал Брэддок. Его поражение демонстрировало сложность сражения в незнакомой местности без поддержки индейцев. Экспедиционная кампания командующего Ширли хоть и не достигла поставленных целей по захвату крепости Ниагара, но зато сосредоточилась на укреплении стратегического поста в Осуиго. В действиях Ширли было продемонстрировано способность британцев противопоставить мощную военную силу на центральном и западном

фланге Нью-Йорка. Политический момент способствовал улучшению отношений с индейцами, которые знали Джонсона как чуткого и понимающего их проблемы. Также успех Джонсона в битве у озера Джордж продемонстрировал способность англичан одержать победу над французами и вызвать доверие у индейцев готовых исполнять союзнические обязательства. Однако, как и в ситуации с Ширли, когда не удалось достигнуть желаемого результата, войска Джонсона вместо захвата Краун-Пойнт, сосредоточились на постройке форта Уильям Генри возле озера Джордж. Войска хоть и одержали победу, но понесли практически такие же потери, как и французы. Нуждаясь в восполнении ресурсов, Джонсон переориентировал свои войска на укрепление северо-восточных рубежей английских колоний.

Смерть Хендрика лидера одного из групп пробританских ирокезов 1755 г. и ранение сахема Скарруади лишила британцев двух ценных сторонников лояльных британским интересам.

Экспедиция Джонсона стала успешным примером того, как нужно выстраивать англо-ирокезское военное сотрудничество и то, как оно повлияли на исход военных событий. Был заложен фундамент британского успеха после ряда неудач 1754-1755 гг. Следует отметить тот факт, что французские войска также активно использовали индейцев в своих рядах, это являлось важным свидетельством того, насколько важны были индейские союзники. Результатом военных экспедиций англичан стало, понимание важности и значимость организации сотрудничества с ирокезскими племенами, прежде всего, с мохоками.

Список литературы

1. Колесников П.А. Роль Уильяма Джонсона в укреплении англо-ирокезского союза в середине XVIII века // История. Общество. Политика. – 2023. - № 1(25). – С. 28-34.
2. Макаров Е.П. Битва на Авраамовых полях и битва при Сен-Фо в восприятии изменений североамериканского театра боевых действий Семилетней войны в 1759-1760 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. -2022.- № 80. – С. 125-132.
3. Anderson F. Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America, 1754-1766. - New York, Alfred A. Knopf, 2000.
4. Dictionary of national biography. Vol. II. – London: Smith, Elder, and CO, 1908. – 1441 p.
5. Fowler W.M. Empires at war: The French and Indian War and the struggle for North America, 1754-1763. - New York. Walker and Company, 2005. –332 p.
6. Hamilton C. Braddock's Defeat. The Journal of Captain Robert Cholmeyer's Batman. The Journal of a British Officer. - Norman: University of Oklahoma press, 1959. –134 p.

7. Morton R. L. Colonial Virginia. Vol. II. - Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1960. – 883 p.
8. Peckham H.H. The Colonial wars: 1689-1762. - Chicago: Chicago History of American Civilization, University of Chicago Press, Daniel Boorstin, editor, 1964. – 239 p.
9. Pennsylvania Colonial Records. Minutes of the Provincials council of Pennsylvania Vol. VI. – Harrisburg, 1851. –784 p.
10. Schutz J.A. William Shirley: King's Governor of Massachusetts. - Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1961. –292 p.
11. Shirley W. Correspondence of William Shirley Vol. II. - New York: Macmillan, edited by Charles H. Lincoln, 1912. –621 p.
12. The Papers of Sir William Johnson. Vol. I. - Albany : University of the State of New York, 1922. – 864 p.
13. Turnbull, J.R. «Baron de Dieskau» // Dictionary of Canadian Biography. vol. 3, University of Toronto/Université Laval, 1974 // URL: http://www.biographi.ca/en/bio/dieskau_jean_armand_3E.html. (Дата обращения: 14.02.2024)
14. Volwiler A.T. George Croghan and the Westward Movement 1741-1782. – Cleveland: The Arthur H. Clark Company, 1926. –370 p.
15. Wainwright N.B. George Croghan: Wilderness Diplomat. – The University of North Carolina Press, 1959 - 352 p.

THE ORIGINS OF THE SEVEN YEARS' WAR IN NORTH AMERICA

The colonial conflicts in North America became the harbingers of the Seven Years' War, one of the most significant military conflicts of the XVIII century. The development of the territory by European colonialists, mainly the French and British, and the struggle for control over territories and resources led to serious tense clashes. The huge competition for trade relations with local Indian tribes and the threat of seizing strategically important territories contributed to the expansion of influence on rich lands. This article presents a new vision of some aspects contributing to the outbreak of hostilities of the Seven Years' War on the North American continent. The research covers the chronological framework of the military campaigns to capture Duquesne Fortress, Niagara and Operation Crown Point and presents a new look at the role of personality in historical events in northeastern North America. The article analyzes the tactical failures in the unified strategy of interaction between the British and strategic successes in strengthening relations with the Iroquois tribes, as well as the advantages of the French Indian policy. Thus, the Seven Years' War is seen not only as a struggle for the colonies, but also as a clash of cultures and interests, which ultimately predetermined the development of the American political map for many years to come.

Keywords: Iroquois, Braddock, Shirley, Johnson, The Seven Years' War.

References

1. Kolesnikov P.A. (2023) Rol' Uil'yama Dzhonsona v ukrepleni anglo-irokezhskogo soyuza v seredine XVIII veka [William Johnson's role in strengthening the Anglo-Iroquoian alliance in the mid-eighteenth century] // Istoriya. Obshchestvo. Politika. - № 1(25). – S. 28-34.
2. Makarov E.P. (2022) Bitva na Avraamovyh polyah i bitva pri Sen-Fo v vospriyatii izmenenij severoamerikanskogo teatra boevykh dejstvij Semiletnej vojny v 1759-1760 gg. [The Battle of the Fields of Abraham and the Battle of Saint-Foe in the perception of changes in the North American theater of operations of the Seven Years' War in 1759-1760] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. -№80 - S. 125-132.
3. Anderson F. (2000) Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America, 1754-1766. - New York, Alfred A. Knopf.
4. Dictionary of national biography. Vol. II. (1908) – London: Smith, Elder, and CO. 1441 p.
5. Fowler W.M. (2005) Empires at war: The French and Indian War and the struggle for North America, 1754-1763. - New York. Walker and Company. 332 p.
6. Hamilton C. (1959) Braddock's Defeat. The Journal of Captain Robert Cholmley's Batman. The Journal of a British Officer. - Norman: University of Oklahoma press. 134 p.
7. Morton R. L. (1960) Colonial Virginia. Vol. II. - Chapel Hill: University of North Carolina Press. 883 p.
8. Peckham H.H. (1964) The Colonial wars: 1689-1762. - Chicago: Chicago History of

American Civilization, University of Chicago Press, Daniel Boorstin, editor. 239 p.

9. Pennsylvania Colonial Records. Minutes of the Provincials council of Pennsylvania Vol. VI. (1851) – Harrisburg. 784 p.

10. Schutz J.A. (1961) William Shirley: King's Governor of Massachusetts. - Chapel Hill: University of North Carolina Press. 292 p.

11. Shirley W. (1912) Correspondence of William Shirley Vol. II. - New York: Macmillan, edited by Charles H. Lincoln. 621 p.

12. The Papers of Sir William Johnson. Vol. I. (1922) - Albany : University of the State of New York. – 864 p.

13. Turnbull, J.R. (1974) «Baron de Dieskau» // Dictionary of Canadian Biography. vol. 3, University of Toronto/Université Laval // URL: http://www.biographi.ca/en/bio/dieskau_jean_armand_3E.html. (Дата обращения: 14.02.2024)

14. Volwiler A.T. (1926) George Croghan and the Westward Movement 1741-1782. – Cleveland: The Arthur H. Clark Company. 370 p.

15. Wainwright N.B. (1959) George Croghan: Wilderness Diplomat. – The University of North Carolina Press. 352 p.

Об авторе

Колесников Павел Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия), E-mail: pasha1994god@yandex.ru.

Kolesnikov Pavel Alexandrovich – Postgraduate student of the Department of General History and International Relations, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: pasha1994god@yandex.ru.

УДК 281.93

Кочергина М.В., кандидат исторических наук, ЧОУ ВО «Брянский институт управления и бизнеса» (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СССР (1928-1930-Е ГГ.): ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА И СОЗДАНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ КЛИНЦОВСКОГО ОКРУГА ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ)

В статье раскрывается возможность использования дореволюционного промышленного потенциала для восстановления, реконструкции, и введения в строй бывших предприятий суконной и спичечной промышленности Западной области, созданных старообрядцами и единоверцами в XIX-начале XX века в Российской империи, относившихся тогда к территории северных уездов Черниговской губернии. В советский период (конец 1920-1930 гг.) в связи с изменением административно-территориального деления они вошли в состав Западной области РСФСР. Курс на индустриализацию, взятый XIV съездом ВКП (б), предполагал создание в Стране Советов сильного, мощного индустриального государства, не уступающего по своему потенциалу западным странам. С этой целью происходило изменение административно-территориального деления внутри страны, создание округов, объединяющих несколько областей в единый промышленный район. Таким стал Клинцовский округ Западной области, предполагавший не только создание новых промышленных предприятий, но и восстановление, реконструкцию прежних. Опора на внутренние резервы, займы у населения, подготовка собственных кадров должно были способствовать превращению отсталой Западной области в аграрно-индустриальную. В послевоенный период фабрики, построенные старообрядцами и единоверцами стали новыми промышленными социалистическими предприятиями, основой промышленного потенциала юго-западных районов Брянской области в 1930-1980 гг.

Ключевые слова: старообрядцы, суконные и спичечные предприятия, индустриализация, Западная область, реконструкция, восстановление.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-41-51

Введение. В настоящее время усилился интерес исследователей к эпохе индустриализации в СССР, оценки значения социалистической индустриализации, роли иностранного капитала и заимствования западных технологий в связи с проведением в сжатые сроки новой модернизации экономики страны. Так исследователь Б.М. Шпотов отмечает, что «теоретически сталинская индустриализация, как промышленный переворот... означала выдающийся экономический рост и прогресс, а не регресс и политический застой» [10, с.148].

Действительно, Советский Союз в конце 1920-1930 гг. остро нуждался модернизации своей экономики, в финансировании этого процесса, привлечении новых технологий и иностранных специалистов. «На первых порах шла закупка станков и технологий за рубежом, а затем был осуществлен переход к собственному выпуску средств производства. Тоже происходило в конце XIX в. в ходе реализации программы индустриализации С.Ю. Витте. Тогда подъем промышленного производства помогли обеспечить станки

британского и немецкого происхождения, которые составили соответственно 60% и 25% всего российского оборудования. Но социалистическая индустриализация была идеологизирована, носила планомерный и форсированный характер [8, с. 80]. На построенных за первые две пятилетки шести тысячах заводов 66% всего оборудования имело иностранное происхождение. По поставкам оборудования 1-е место занимала Германия, 2 – США, 3-е – Великобритания» [1, с. 111].

Современные исследователи уделяют большое внимание изучению этого процесса в российских регионах [9]. Однако процесс индустриализации Западной области пока не достаточно изучен и работ, посвященных Клинцовскому округу – крупному промышленному центру Западной области в довоенный период – нет. Анализ историографической ситуации определил тему нашего исследования. Мы попытаемся дать ответы на следующие вопросы. Как происходил процесс индустриализации на фабриках суконной и спичечной промышленности в Клинцовском округе Западной области, имело ли здесь

место использование иностранных инвестиций, западного оборудования или шел процесс восстановления и реконструкции тех предприятий, которые были созданы на рубеже XIX- начала XX века старообрядцами и единоверцами? В чем были особенности проведения этого процесса и каковы его отличительные черты?

Объект исследования – процесс индустриализации промышленности в Западной области

Предмет исследования – развитие ранее созданных предприятий старообрядцами и единоверцами в условиях сталинской индустриализации конца 1920-х - 1930 гг.

Результаты исследования. На территории Западной области в гг. Клинцы и Новозыбков – центрах суконной и спичечной промышленности в исследуемый период уже был промышленный потенциал, созданный старообрядцами и единоверцами во второй половине XIX- начала XX в. Следовательно, он мог стать основой для развития индустриализации региона. Прежде всего, специалистам предстояло тщательно изучить все имеющиеся ресурсы – наличие производственных зданий и сооружений, запасы сырья и полезных ископаемых, электро- и паросиловых возможностей, кадрового персонала рабочих и служащих. По их мнению все это могло удешевить процесс модернизации экономики, снижения затрат на ее проведение тем более, что основные финансовые средства в период первых пятилеток шли на создание тяжелой промышленности. Попытаемся доказать это на основе использования архивных документов и опубликованных источников [3]. В 1972 г. были изданы документы и материалы по истории индустриализации Западного района (1926-1937 гг.). Это был большой, значительный труд сотрудников государственных и партийных архивов Брянской, Смоленской, Калужской, Калининской и Псковской областей под руководством Главного архивного управления при Совете Министров СССР. До настоящего времени опубликованные документы и материалы не утратили своего значения, как и фотографии восстановленных и реконструированных предприятий в период индустриализации. Они являются важными источниками при изучении этой темы.

В дореволюционный период в соответствии с административно-территориальным делением Российской империи на территории Западной области размещались северные уезды Черниговской губернии – центры крупной суконной и спичечной промышленности, созданные в период промышленного переворота в России старообрядцами (Степунин, Кубаревы, Сапожковы, Волков) и единоверцами (Исаев, Барышниковы, Осиповы) из посада Клинцы и уездного города Новозыбкова. Предприятия использовали паровое и электрическое оборудование, квалифицированные инженерные и рабочие кадры, выпускали качественную продукцию. Она демонстрировалась на промышленных выставках, и получала медали. Накануне Первой мировой войны для русской армии клинцовские предприятия выпускали «патриотическое сукно» вплоть до «генеральского», т.е. различные сорта сукон для рядового и высшего командного состава русской армии. Перед Первой мировой войной машинное оборудование клинцовских фабрик возросло вдвое, по сравнению с концом XIX в. По уровню оборудования они не уступали первоклассным фабрикам Московского района. Иностранцы мастера и директора предприятий находились в постоянных технических связях с германскими заводами» [2, с. 54]. Спички новозыбковских фабрик расходились как по территории России, так и отправлялись на экспорт – в Персию и Китай [5, с. 118.].

С целью подготовки специалистов для суконных предприятий в 1895-1903 гг. функционировало ремесленное училище в посаде Клинцы, с 1903 г. училище стало называться семиклассным техническим. Оно готовило слесарей, токарей, кузнецов, механиков, столяров. Следовательно, продукция старообрядческих и единоверческих владельцев предприятий имела широкий сбыт и была востребована. В посаде была налажена подготовка собственных специалистов для работы на производстве.

Однако события Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны и военной интервенции привели к кризисным процессам в экономике страны в целом, и этого региона в частности. Прежние владельцы либо покинули родные места и ушли с интервентами – австро-венгерскими войсками –

(Барышниковы), либо вынуждены были остаться и быть лишенцами в новых условиях советской действительности (Фома Вдовин) [5, с. 357,359].

В этот период клинцовские фабрики практически остановились. В декабре 1918 г. советская власть была восстановлена в Клинцах. 4 февраля 1919 г. все предприятия посада Клинцы были национализированы по постановлению Черниговского губернского

комитета. Они получили новые названия. Так, Стодольская фабрика Барышниковых стала имени Ленина, Глуховская имени Григория Зиновьева (позже имени Коминтерна), Троицкая имени Октябрьской революции. В этом же году изменилось административно-территориальное деление страны, и территории Стародубского, Клинцовского и Новозыбковского уездов вошли в состав Гомельской губернии (1919-1926).

Таблица 1

**Национализация предприятий спичечной промышленности
г. Новозыбков и посада Злынка в 1919 г.**

№ п/п	Название предприятия до 1917 г.	Собственник, местонахождение	Религиозная принадлежность собственника	Год национализации	Новое название
1	Торговый дом М. Волков и С-я	г. Новозыбков М.М. Волков	Старообрядец	1919	«Волна революции», «Гремучка»
2	Фабрика Е.Ф. Осипова	Е.Ф. Осипов, посад Злынка	Единоверец	-//-	«Заря социализма»
3	Торговый дом А.Ф. Родионов и С-я	А.Ф. Родионов, посад Злынка	Старообрядец	-//-	«Ипуть»
4	Г.Ф. Осипов	Г.Ф. Осипов, Хутор Софиевка	Единоверец	-//-	Нет сведений
5	Торговый дом «Ф.И. Вдовин и С-я»	Ф.И. Вдовин Станция Злынка	Старообрядец	-//-	«Энергия»
6	Тов-во Ля-Люмьер	г. Новозыбков, хутор Людков	Нет сведений	-//-	Нет сведений
7	«Бывшее Тов.-во Ф.Г. и М.М. Воронина», позже «А.Ф. Родионова и С-я»	А.Ф. Родионов, посад Злынка	Старообрядец	-//-	«Коммуна»

Как видно из представленной таблицы в северных уездах Черниговской губернии существовал мощный промышленный потенциал, созданный за счет конфессионального предпринимательства. Однако условия труда для рабочих были достаточно тяжелыми, так как продолжительность рабочего дня составляла в среднем 11 часов, применялся женский и детский труд, существовали всевозможные штрафы, низкая заработная плата, отсутствовали должные условия техники безопасности, наблюдался производственный травматизм.

В 1921-1922 гг. фабрики по территориальному признаку объединялись в тресты, входили во Всероссийский спичечный синдикат. Они постепенно укрупнялись, малорентабельные ликвидировались. В период НЭПа национализированные предприятия были переведены на хозрасчет, и был

образован Клинцовский сукно-трест. Ручной труд на этих фабриках исчез. Несколько мелких фабрик, располагавшихся поблизости друг от друга, были объединены. Но и при этом предприятия имели значительную изношенность паросилового хозяйства и машин. Только к 1924-1925 гг. удалось восстановить производство. Оно нуждалось в более высоком уровне подготовки кадров. Если в Клинцах в 1921 г. бывшее техническое училище стало индустриальным техникумом с двухгодичным образованием и готовило больше квалифицированных специалистов для суконного производства, в том числе техников-механиков и теплотехников, то в г. Новозыбкове и п. Злынка подготовка специалистов осуществлялась прямо на производстве.

В 1926-1928 гг. эти территории вошли в состав Брянской губернии РСФСР. К концу

восстановительного периода довоенный уровень производства еще не был достигнут. Основные капитальные вложения были связаны с восстановлением и реконструкцией производства, однако которых было недостаточно.

Спичечные фабрики г. Новозыбкова были также национализированы после освобождения территории от интервентов и гайдамаков и восстановления советской власти. 11 февраля 1919 г. Постановлением Высшего Совета народного хозяйства РСФСР были национализированы спичечные предприятия г. Новозыбкова и посада Злынка [6, с. 223]. На предприятиях был установлен 8-часовой рабочий день, и в 1918 г. установлен рабочий контроль. Они получили новые наименования. Бывшая фабрика Максима Волкова стала называться «Волна революции», фабрика Афанасия Родионова – «Революционный путь (Ревпуть)», Фабрика Е. Осипова получила название «Заря социализма», Торговый дом А. Ф. Родионова и С-й стал фабрикой «Ипуть». Вместе с Новобелицкой фабрикой «Везувий» (бывшая фабрика Виттенберга в Могилевской губернии) и Речицкой фабрикой «Днепр» они были объединены в Полесский (Западный) спичечный трест, который обслуживал Гомельскую, Воронежскую, Курскую губернии России и часть губерний Украины. Существовавшая до Октября 1917 г. фабрика «Малютка» считалась спичечной фабрикой Новозыбковской городской управы, но она появляется в документах и на спичечных этикетках только в 1929 г. как существующая при фабрике «Волна революции». «Малютка» была ориентирована на выпуск экспортной продукции и отличалась меньшими размерами спичечных коробок.

Частая смена административно-территориального деления вносила трудности в организацию социально-экономической деятельности этих территорий. В связи с взятым XIV съездом ВКП (б) курсом на индустриализацию в промышленности создавались крупные промышленные районы как флагманы новой модернизации страны. Согласно постановлению ВЦИК от 14 января 1929 г. «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» была создана Западная область, которая включила в себя Брянскую, Смоленскую губернии, юго-западную часть Калужской губернии,

Ржевский, Осташковский и часть Новоторжского уездов Тверской области, Великолукский уезд Ленинградской области, часть Можайского уезда Московской области, Гладненский и часть Орловского округа Центральной Черноземной области [4, с. 44].

Какие же причины повлияли на создание этой области, ведь она просуществовала лишь в 1929-1937 гг.? Западная область создавалась неслучайно. Нельзя не согласиться с мнением исследователя Е.Г. Карелина: «Уровнем и формой социалистической модернизации 30-х гг. была форма районирования. Реформа районирования позволила отказаться от губернского-уездного деления и преобразовать административно-территориальное устройство в соответствии с выделенными экономико-географическими регионами. Районирование связало пространственную организацию СССР с прогнозируемым развитием хозяйственной специализации области» [4, с.42]. Региональная организация власти была поставлена в зависимость от экономических районов страны. Однако ее составные части в экономическом отношении были развиты неравномерно. Ведущая роль в этой области принадлежала бывшей Брянской губернии. В общем доходе народного хозяйства ей принадлежало 50%, а Калужской и Смоленской вместе всего лишь 16%. К тому же, Западный район располагал большими возможностями для развития промышленности за счет использования лесной и сельскохозяйственной зоны, полезных ископаемых, торфяных топливных ресурсов. Имеющийся дореволюционный промышленный потенциал позволял расширить и реконструировать производственные площади без значительного вложения финансовых средств, использовать не иностранные, а местные сложившиеся кадры инженерно-технического состава и рабочих, освоить новые виды продукции, улучшить электросиловое хозяйство.

Промышленное развитие за восстановительный период в значительной степени подготовило переход к социалистической индустриализации страны. В «Резолюции II Западной областной конференции ВКП (б) от 5-12 июня 1930 г. "Об итогах работы промышленности за первый год существования области"» отмечалось, что законченное в июле 1929 г. формирование Западной области из

разрозненных административно-хозяйственных единиц оправдало себя еще в первый год существования. Доказательством этому служили достигнутое усиление темпов хозяйственного и культурного строительства, успешное выполнение хозяйственных заданий, созданная новым районированием возможность наметить перспективы дальнейшего хозяйственного и культурного развития области как однородного хозяйственного организма. Так, рост промышленной продукции по сравнению с 1926-1927 гг. увеличился на 22, 5%, капиталовложения в промышленность составили в 1928-1929 гг. 25, 9 млн руб. При этом рост тяжелой промышленности шел быстрее, чем легкой. Число промышленных рабочих в 1929-1930 гг. возросло на 6,9% по сравнению с предшествующим годом. С учетом вышесказанного, все это способствовало быстрым темпам роста суконной и спичечной промышленности Западной области [3, с. 318]. В «Докладной записке Западного спичечного треста Областному Совету народного хозяйства» от 4 сентября 1929 г. отмечалось, что развертывание спичечной промышленности области протекало особенно бурно. Выпуск продукции в 1928/29 гг. на 74% был больше, чем за предшествующий 1926/27 г. Увеличение выпуска продукции было достигнуто за счет урегулирования работы полностью механизированной фабрики «Ревпуть», максимального использования производственного оборудования полумеханизированной фабрики «Волна революции» и перевода этих фабрик на 2-х и 3-сменную работу. Для руководства национализированными фабриками был создан особый комитет (Главспичка), преобразованный затем в Главное управление спичечной промышленности. Ручной труд на этих фабриках полностью исчез. К периоду проведения индустриализации они были механизированы и полумеханизированы. Трудовые коллективы

участвовали в 1, 2, 3 заимках индустриализации страны.

Стодольская фабрика В.Д. Барышникова С-й (фабрика имени Ленина) строилась по немецкому типовому проекту. До революции на ней работали иностранные специалисты. Администрация предприятия поддерживала связи с фабриками Германии. Глуховская фабрика (имени Коминтерна), купленная у Рыжковых новым владельцем Георгием Сапожковым была переоборудована, были построены новые цеха со стеклянными крышами, с вентиляцией, с электрическим освещением в ночное и зимнее время. Однако после нескольких лет разрухи, вызванной Гражданской войной, фабрики постепенно восстанавливали свое производство. В период индустриализации эти предприятия получали дополнительные возможности выпуска продукции за счет механизации и перевода предприятий на непрерывный характер производственного процесса (7 часовая рабочий день, 2-х и 3-сменная работа). В суконной промышленности в первый период восстановления хозяйства (1921-1923 гг.) клинцовские предприятия вырабатывали согласно старой системе измерений 931175 аршин сукна или 662251,66 м. К 1923 г. фабрики уже давали 1315936 аршин или 935893, 68 м. С 1924 г. СССР переходил на новую систему измерений. В последующие годы выпуск количества продукции суконных предприятий измерялся в метрах. В Клинцовский сукно-трест вошли фабрики Стодольская (имени В.И. Ленина), Глуховская (имени Григория Зиновьева), Троицкая (имени Октябрьской революции), кожевенный завод «Красный гигант», Зубовская пенько-прядельная, шпагатная фабрика (имени Льва Троцкого), чугунолитейный механический завод имени М.И. Калинина, кирпичный завод, торфоразработки «Скачок», «Обалешево», лесопильный завод с мельницей.

Таблица 2

Оборудование клинцовских суконных фабрик (1932 г.)

№ п/п	Названия фабрик	Количество аппаратов	Количество веретен	Количество ткацких станков
1	Фабрика им. Ленина	19	8640	217
2	Фабрика имени Коминтерна	12	6065	153
3	Фабрика имени Ногина	7	2940	94
4	Фабрика имени Октябрьской революции	5	3140	68

Как видно из представленной таблицы, фабрика имени Ленина была более оснащенной в техническом отношении. Она имела до революции самый высокий уровень паросилового и электрического оснащения, превосходила все по количеству аппаратов, веретен и ткацких станков. Другие фабрики имели более низкие цифры показателей. В связи с тяжелыми условиями в предшествующий период, все фабрики нуждались в дальнейшей реконструкции и переводе на новый, более современный уровень производства. Реконструкция клинцовских предприятий, перевод их на непрерывный (2, 3-х сменный) характер работы способствовал увеличению производственных показателей. Однако производственные мощности полностью не использовались. В связи с изменениями потребностей населения страны, фабрикам предлагалось использовать более трудоемкий, но пользующийся популярностью шерстяной ассортимент изделий.

Пути развития шерстяной промышленности Западной области во второй пятилетке определялись двумя направлениями: работой на отечественном сырье и оборудованием предприятий отечественными машинами. В связи с этим, с 1926 г. Клинцовский индустриальный техникум расширил подготовку специалистов по прядению шерсти и ткачеству. Позже, в 1930 г. Клинцовский техникум стал называться шерстяным и готовил шерстяников, теплотехников, плановиков и экономистов, лубяницников и сетевязальщиков для пенько-джутовой промышленности. Перечень курсов, преподаваемых в текстильном техникуме, был значительно расширен: появились ткацкая, химическая, аппретурная, плановая, аппаратно-прядильная специализация.

В 1926 г. суконные фабрики выработали 2812300 метров сукна, причем в это время (1926 - 1927 гг.) производство Стодольской фабрики имени Ленина составляло почти половину всей суконной продукции Клинцовского текстильного треста. Фабрика по своему оборудованию и размерам производства среди тонкосуконных фабрик СССР занимала второе место (после Ленинградской фабрики «Ткач»). В 1926 г. оборудование фабрики состояло из 19 чесальных аппаратов, 24 селфакторов, 184 ткацких станков и другого оборудования, приводимого в движение двумя

паровыми машинами и двумя дизелями общей мощностью 800 лошадиных сил.

Фабрика до сентября 1931 г. входила в состав Клинцовского текстильного треста, который в 1926 г. в связи с присоединением Клинцовского уезда к Брянской губернии был переведен в подчинение Брянского губсовнархоза. Приказом Всесоюзного объединения шерстяной и валяльно-войлочной промышленности от 23 сентября 1931 г. Клинцовский текстильный трест был упразднен и Клинцовская тонкосуконная фабрика имени В.И. Ленина, как и остальные предприятия треста, была передана в непосредственное подчинение объединения «Союзшерсть». В 1926-1936 гг. производство увеличилось вдвое и достигло 5 077 000 метров ткани, вырос ассортимент продукции. Предприятия вырабатывали «трико», драп, «шевиот» разных сортов и расцветок [10, с.8-9].

К 1937 г. суконные предприятия выпускали 20% продукции тонкосуконной промышленности Советского Союза. [10, с. 10]. Большую роль в увеличении выпуска продукции сыграла организация социалистического соревнования. «В период развития стахановского движения в 1935 г. первыми стахановцами были в прядении Мария Чумакова, Мария Евдокимова, Евдокия Лошкарева...Включаясь в стахановское движение ткачихи переходили с обслуживания двух суконных станков на 3 и 4 станка, а драповых – с одного на два и даже на 3 драповых станка. В 1938 г. комсомолка ткачиха Антонина Краснопольская перешла на обслуживание пяти сложных драповых станков, побив рекорд в суконной промышленности» [10, с.15-16]. На предприятиях г. Клинцы в 1937 г. работало 11747 человек. Клинцовские предприятия располагали значительными резервами квалифицированной рабочей силы, которые готовил текстильный техникум.

Западный спичечный трест требовал в 1929-1930 гг. увеличения выпуска продукции на 25%. Для этого была необходима дальнейшая реконструкция трех предприятий треста («Волна революции», «Зарница», «Метеор»), перевод двух из них на 3-сменный характер работы. СНК СССР провел специальную комиссию для изучения работы спичечных фабрик, в том числе и фабрики «Волна революции», и принял постановление, в котором

отмечалось, что предприятия спичечной промышленности, несмотря на непрерывный рост технической вооружённости и полную обеспеченность в 1933 г. сырьём, систематически срывали выполнение плана производства спичек и нарушали директивы правительства по улучшению качества продукции. Качество спичек оставалось крайне низким с чрезмерно высоким процентом брака, происходил рост себестоимости продукции. По мнению СНК СССР, такая работа спичечной промышленности являлась результатом неудовлетворительного руководства ею со стороны Народного комиссариата лёгкой промышленности СССР и Народного комиссариата лёгкой промышленности РСФСР, неправильной системы оплаты труда, в основе которой лежала уравниловка. СНК СССР требовал в краткие сроки (3 месяца) решительно перестроить систему заработной платы, провести мероприятия по закреплению рабочих и улучшению технического и организационно-хозяйственного руководства предприятиями и улучшению качества продукции. Постановление было подписано заместителем Председателя комиссии исполнения при СНК СССР Яковом Рудзутаком 16 сентября 1933 г.

В годы первой пятилетки (1928 - 1932 гг.) было налажено отечественное производство всех необходимых химикатов, и спичечная промышленность не только удовлетворяла потребности страны в спичках, но и являлась экспортёром на мировые рынки. В 1934 г. все спичечные предприятия стали подчиняться единому центру - Главспичпрому Наркомлеса СССР. Была создана научно-исследовательская и конструкторская база. В годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) производство спичек увеличивается на 28, 6% и достигает к концу 1937 г. 7, 5 млн. ящиков.

Реконструкция и восстановление суконных и спичечных предприятий в гг. Клинцы и Новозыбков в годы первых пятилеток изменили традиционный облик старообрядческих поселений, они становились не только крупными промышленными, но и культурно-образовательными центрами: здесь строились новые общественные здания и сооружения, жилищные комплексы [7, с. 34]. Западная область, насчитывающая 7 млн человек, 165000 кв. километров, 45 городов представляла большие трудности в ее

эффективном управлении. В 1937 г. она была упразднена. Бывший Клинцовский округ с городами Клинцы, Новозыбков вошел в состав Орловской области РСФСР.

Выводы. Социалистическая индустриализация в СССР – это выдающийся экономический рост и прогресс в истории нашей страны. СССР вошел в число индустриально развитых государств мира.

Индустриализация в Клинцовском округе Западной области происходила за счет восстановления и реконструкции промышленного потенциала созданных до Октябрьской революции 1917 г. суконных и спичечных предприятий. Новых предприятий в суконной и спичечной промышленности построено не было.

Индустриализация в Клинцовском округе осуществлялась за счет внутренних резервов. Трудовые коллективы участвовали в 1, 2, 3 замах индустриализации страны. Иностраный капитал и иностранные специалисты не привлекались к процессу индустриализации в Клинцовском округе.

Руководство предприятий использовало различные формы внеэкономического характера – соревнования передовиков производства, стахановское движение для получения дополнительных средств финансирования этого процесса.

К концу второй пятилетки суконные предприятия Клинцов выпускали 20% продукции тонкосуконной промышленности Советского Союза.

К середине 1930-х гг. спичечная промышленность СССР не только удовлетворяла потребности страны в спичках, но и поставляла спички на экспорт.

Реконструкция и восстановление суконных и спичечных предприятий в гг. Клинцы и Новозыбков в годы первых пятилеток изменили традиционный облик старообрядческих поселений, они становились не только крупными промышленными, но и культурно-образовательными центрами. Здесь строились новые общественные здания и сооружения.

В послевоенный период фабрики, построенные старообрядцами и единоверцами, восстановленные и реконструированные в 1920-1940 гг., стали новыми промышленными социалистическими предприятиями, основой

промышленного потенциала юго-западных территорий, населением, производственными районами Брянской области 1930-1980 гг. комплексами была очень сложной в управлении, что привело к ее разукрупнению в 1937 г.

Западная область с ее значительной

Список литературы

- 1 Душкова Н.А. Неоиндустриализация России и научно-техническое западное партнерство: исторический опыт // Наше Отечество. Страницы истории: Сборник научных трудов. Выпуск тринадцатый / Под общей ред. В.С. Порохни. – ППП «Типография «Наука», 2017. – 304 с. С.107-122
- 2 Евгеньев Ф. Сто лет Клиновской шерстяной промышленности. Клины, 1926 . – 126 с.; с.54
- 3 История индустриализации Западного района. (1927-1937 гг.) Документы и материалы [Текст] / Под ред. В. А. Смирнова [и др.]. - Брянск: [Приок. кн. изд-во. Брян. отд-ние], 1972. - 615 с.
- 4 Карелин Е.Г. Создание и функционирование регионального механизма власти в районированной Западной области России в 1929-1937 гг. // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. №1 (6). С.42-49.
- 5 Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760-1920гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Монография – Брянск: Издательство ООО «Ладомир», 2011. – 451 с: ил.
- 6 Кочергина М.В. Особняки и мемориальные комплексы спичечных фабрикантов Осиповых в гг. Новозыбков и Злынка // Дворянские усадьбы Брянского края [Текст]: из истории культурного наследия Брянщины: [коллективная монография: в двух томах] / [В. С. Бобылев, В. Ф. Вебер, С. В. Глотов и др.; главный редактор А. В. Городков]. - Брянск: Клуб любителей истории родного края: Буквица, 2018. Т.2. – 296 с. С.217-223.
- 7 Кочергина М.В. Эпоха индустриализации в СССР: разрушение традиционного облика старообрядческих поселений Стародубья и Ветки и создание социалистических городов с типовой застройкой в 1930 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2019. №3. С.27-35.
- 8 Муравьева Л.А. Социалистическая индустриализация: особенности, источники, методы // Финансы и кредит. 2003. № 8 (122), С.77-84.
- 9 Семенов С., Марголин М., Сахаров И. Город текстилей (Клины). Орел: Изд-во обкома ВКП (б), 1938 [1], ил., портр.
- 10 Фролов А.Ю. Индустриализация промышленности Ульяновского округа в конце 1920-х-1930 гг.// Электронный Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №12 (114).
- 11 Шпотов Б. М. Шаг назад и два шага вперед: Западная техническая помощь и «индустриальные ловушки» советской индустриализации (1930-е гг.) // Вестник института мировой экономики Российской академии наук. 2014. №1. С.140-151.

FEATURES OF INDUSTRIALIZATION IN THE USSR (1928-1930s): THE USE OF PRE-REVOLUTIONARY INDUSTRIAL POTENTIAL AND THE CREATION OF NEW SOCIALIST ENTERPRISES (ON THE EXAMPLE OF THE KLINTSOVSKY DISTRICT OF THE WESTERN REGION)

The article reveals the possibility of using the pre-revolutionary industrial potential for the restoration, reconstruction, and commissioning of former enterprises of the cloth and match industry in the Western region, created by Old Believers and co-religionists in the XIX-early XX century in the Russian Empire, then belonging to the territory of the northern counties of Chernihiv province. In the Soviet period (late 1920-1930), due to the change in the administrative and territorial division, they became part of the Western Region of the RSFSR. The course towards industrialization, taken by the XIV Congress of the CPSU (b), assumed the creation of a strong, powerful industrial state in the Country of the Soviets, not inferior in its potential to Western countries. To this end, there was a change in the administrative and territorial division within the country, the creation of districts uniting several regions into a single industrial area. This was the Klintsovsky district of the Western region, which assumed not only the creation of new industrial enterprises, but also in the restoration and reconstruction of the former ones. Reliance on internal reserves, loans from the population, and the training of their own personnel should have contributed to the transformation of the backward Western region into an agrarian-industrial one. In the post-war period, factories built by Old Believers and co-religionists became new industrial socialist enterprises, the basis of the industrial potential of the southwestern districts of the Bryansk region in 1930-1980.

Keywords: Old Believers, cloth and matchmaking enterprises, industrialization, Western region, reconstruction, restoration.

References

- 1 Dushkova N.A. (2017). Neoundustrializaciya Rossii i nauchno-tehnicheskoe zapadnoe partnerstvo: istoricheskij opyt [Dushkova N.A. Neoundustrialization of Russia and scientific and technical Western partnership: historical experience // *Nashe Otechestvo. Stranicy istorii* [Our Fatherland. Pages of history. Editor V.C. Porohnya. Moscow. 2017. 13, 304 p. pp.107-122.
- 2 Evgeniev F. (1926). Sto let Klincovskoj sherstyanoj promyshlennosti [One hundred years of the Klintsov wool industry] *Klintsy*, 1926. 126 p.
- 3 Istoriya industrializacii Zapadnogo regiona (1927-1937 gg.). Dokumenty i materialy Pod red. V.S. Smirnov [The history of industrialization of the Western region. (1927-1937). Documents and materials [Text]. Edited by V. A. Smirnov [et al.]. Bryansk, 1972.615 p.
- 4 Karelin E.G. (2008). Sozдание i funkcionirovanie regional'nogo mekhanizma vlasti v rajonirovannoj Zapadnoj oblasti Rossii v 1929-1937. [Karelin E.G. The creation and functioning of the regional mechanism of power in the zoned Western region of Russia in 1929-1937// *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences.].2008. №1 (6). pp. 42-49.
- 5 Kochergina M.V. (2011) Starodub'e i Vetka v istorii russkogo staroobryadchestva (1760-1920'gg.): demograficheskoe razvitie staroobryadcheskih obshchin, predprinimatel'stvo, duhovnaya zhizn', kul'tura. [Starodubye and Vetka in the history of Russian Old Believers (1760-1920): demographic development of Old Believer communities, entrepreneurship, spiritual life, culture]. Bryansk, 2011.451 p.: ill.
- 6 Kochergina M.V. (2018). Osobnyaki i memorial'nye komplekсы spichechnyh fabrikantov Osipovyh v g.g. Novozybkov i Zlynka // *Dvoryanskie usad'by Bryanskogo kraja iz istorii kul'turnogo naslediya Bryanshchiny*: [kollektivnaya monografiya: v dvuh tomah. [Kochergina M.V. Mansions and memorial complexes of match manufacturers Osipov in Novozybkov and Zlinka .Noble estates of the Bryansk [Text]: from the history of the cultural heritage of the Bryansk region: [collective monograph: in two volumes] / [V. S. Bobylev, V. F. Weber, S. V. Glotov, etc.; editor-in-chief A.V. Gorodkov]. Bryansk, 2018. Vol.2. 296 p. p. 217-223.
- 7 Kochergina M.V. (2019). Epoha industrializacii v SSSR: razrushenie tradicionnogo oblika staroobryadcheskih poselenij Starodub'ya i Vetki i sozдание socialisticheskikh gorodov s tipovoj zastrojkoj v 1930 gg [Kochergina M.V. The era of industrialization in the USSR: the destruction of the traditional appearance of the Old Believer settlements of Starodubye and Vetka and the creation of socialist cities with typical buildings in 1930 // *Bulletin of the Bryansk State University*, 2019. 3. pp.27-35.
- 8 Muravyeva L.A. (2003) Socialisticheskaya industrializaciya: osobennosti, istochniki, metody [Muravyeva L.A. Socialist industrialization: features, sources, methods].*Finance and credit*. 2003.8(122), pp.77-84.
- 9 Semenov S., Margolin M., Saharov (1938). Gorod tekstilej (Klincy). [Semenov S., Margolin M., Saharov The city of textiles (Klintsy)]. Orel, 1938. [1], ill., port.
- 10 Frolov A.Yu. (2021) Industrializaciya promyshlennosti Ul'yanovskogo okruga v konce 1920-h 1930 gg. [Frolov A.Yu. Industrialization of the Ulyanovsk region industry in the late 1920s-1930s.// *Electronic International Scientific Research Journal*. 2021. 12 (114).
- 11 Shpotov B. M. (2014).Shag nazad i dva shaga vpered: Zapadnaya tekhnicheskaya pomoshch' i «industrial'nye lovushki» sovetskoj industrializacii (1930-e gg.) [Shpotov B. M. One step back and two steps forward: Western Technical Assistance and the "Industrial traps" of Soviet Industrialization (1930s) // *Bulletin of the Institute of World Economy of the Russian Academy of Sciences*.2014. 1. pp. 140-151.

Об авторе

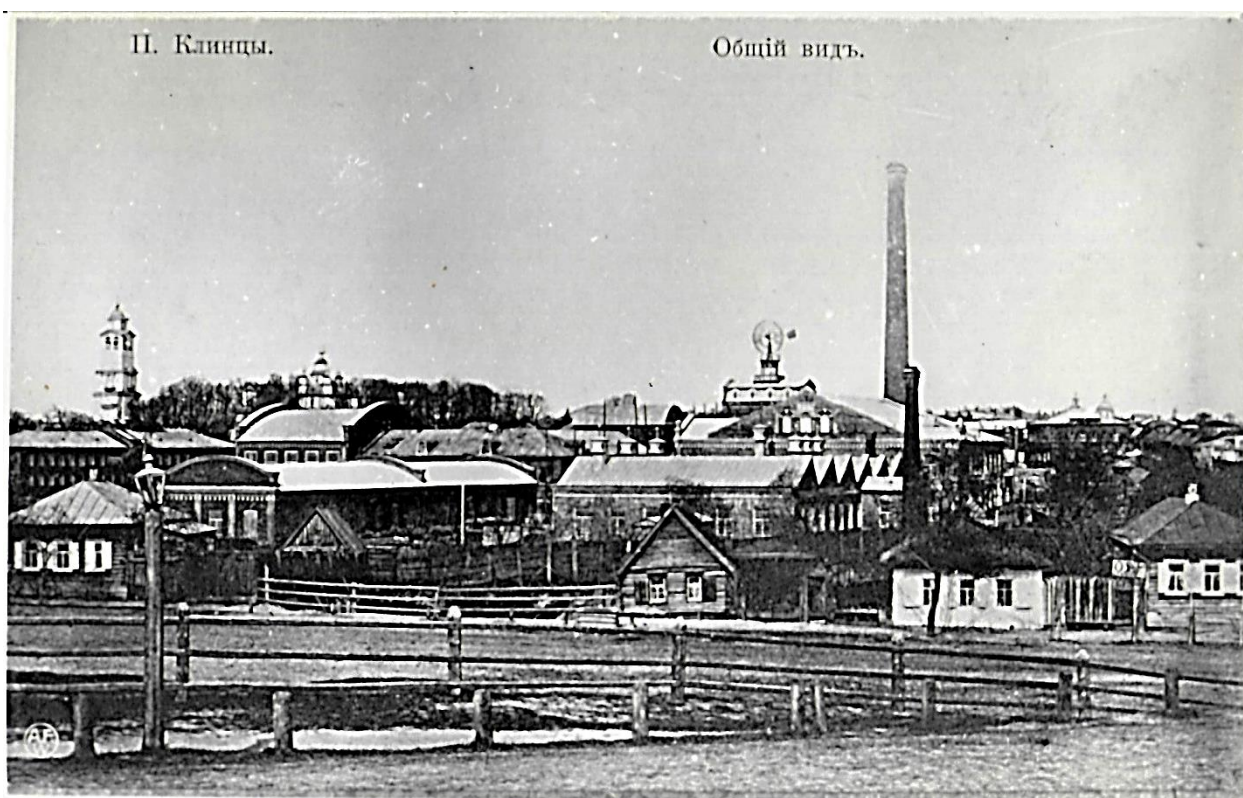
Кочергина Марина Викторовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин ЧОУ ВО «Брянский институт управления и бизнеса» (Россия). E-mail: kochergina_mv@mail.ru

Kochergina Marina Victorovna – Candidate of Historical Sciences, Bryansk Institute of Management and Business (Russia). E-mail: kochergina_mv@mail.ru

Иллюстрации к статье М.В. Кочергиной
Фотографии из открытых источников

Г. Новозыбков. Завод М.М. Волкова Начало XX в.

Посад Клины. Общий вид. Начало XX в.

Дом Советов. Клинцы. 1930-е гг.

Этикетка спичечной фабрики «Ревпутъ». 1920 –гг.

УДК 338.244(597):94(47+57)''1976/1980''

Кудрявцев В.Ю., аспирант кафедры истории России, Курский государственный университет (Россия)

РОЛЬ СССР И ДРУГИХ СТРАН СЭВ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ (1976-1980 ГГ.)

В статье представлена сравнительная характеристика помощи СССР и других стран Совета Экономической Взаимопомощи в развитии народного хозяйства Социалистической Республики Вьетнам в 1976-1980 гг. Проанализированы основные направления экономической помощи Вьетнаму со стороны членов СЭВ, выделены факторы, оказавшие влияние на динамику и результативность взаимодействия сторон. В результате изучения ранее неопубликованных архивных документов, а также работ отечественных и зарубежных исследователей автор приходит к выводу о решающем значении СССР в структуре экономической помощи СЭВ Вьетнаму. Выявлено, что СССР являлся единственным членом СЭВ, который на постоянной основе осуществлял значительные денежные вливания в экономику СРВ, несмотря на провал второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Вьетнама. Отмечено, что СССР был вовлечен в строительство наибольшего, в сравнении с другими странами СЭВ, числа крупных объектов народного хозяйства на территории СРВ, что обусловило доминирующие позиции советской стороны в структуре обеспечения вьетнамской экономики необходимыми ресурсами. Установлено, что в отличие от других стран СЭВ Советский Союз помогал СРВ в строительстве предприятий добывающей и энергетической промышленности, имевших стратегическое значение для функционирования народного хозяйства страны. Вместе с тем, в работе приведены факты, доказывающие важную роль остальных стран СЭВ в развитии экономики СРВ. В частности, подчеркнуто, что помощь СССР в подготовке вьетнамских рабочих была равнозначной в сравнении с общим вкладом в данный процесс со стороны ГДР, Чехословакии и Болгарии.

Ключевые слова: СССР, СЭВ, Вьетнам, социалистические страны, ГДР, Чехословакия, экономическая помощь, международные организации.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-52-64

Введение. События последних лет демонстрируют, что геополитическая модель, основанная на доминировании одной страны над другими, является нежизнеспособным пережитком времен «холодной войны». Невооруженным глазом видны тектонические сдвиги, ведущие к укреплению многополярного мироустройства, для которого характерно существование нескольких центров силы. В условиях растущей роли государств Востока и Глобального Юга одним из условий долгосрочного экономического благополучия России является ее последовательная интеграция в региональные объединения и международные организации, демонстрирующие готовность учитывать интересы всех заинтересованных сторон. В ходе саммита Шанхайской организации сотрудничества, прошедшего в июле 2024 г., РФ присоединилась к инициативе "О мировом единстве за справедливый мир, согласие и развитие". Лидеры стран-участников ШОС выступили против «протекционистских действий, односторонних санкций и торговых ограничений», выразив поддержку дальнейшему совершенствованию и реформированию

архитектуры глобального экономического управления [16].

Одним из важных показателей целесообразности пребывания России в том или ином международном объединении является возможность получения равноценной отдачи от вложенных в совместные проекты финансовых и материальных ресурсов. Необходимо исключить ситуации, в которых РФ будет нести необоснованные расходы, идущие вразрез с реальными интересами страны. Возникает необходимость обратиться к историческому опыту участия России в международных экономических организациях, что позволит учесть потенциальные риски, связанные с высокими тратами государства в сложной геополитической ситуации. Значительный опыт подобного рода был накоплен во второй половине XX в. Наибольший, по нашему мнению, научный интерес представляет экономическое взаимодействие СССР с социалистическими странами, входившими в Совет Экономической Взаимопомощи.

23 декабря 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «об экономических

отношениях между СССР и странами народной демократии», предполагавшее организацию закрытого совещания в Москве с участием делегаций Советского Союза, Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии и Болгарии [30, с. 67]. По итогу совещания 18 января 1949 г. представители указанных стран подписали протокол о создании СЭВ. Целью организации провозглашалось объединение и координация усилий ее участников для развития народного хозяйства, ускорения экономического и технического прогресса, подъема благосостояния населения, повышения уровня индустриализации, увеличения производительности труда в странах, входивших в Совет [12, с. 62]. В 1950 г. в СЭВ вступила ГДР, в 1962 г. – Монголия, десятилетием позже – Куба. Между членами Совета установились тесные торгово-экономические отношения, был накоплен опыт сотрудничества в различных сферах. С 1 января 1964 г. в многосторонних расчетах внутри СЭВ стала использоваться коллективная валюта – переводной рубль [13, с. 93].

Последней страной, присоединившейся к СЭВ в июне 1978 г., стала Социалистическая Республика Вьетнам [44]. После завершения Второй индокитайской войны и последовавшего за этим объединения Вьетнама в единое социалистическое государство в 1976 г. страна остро нуждалась во внешней экономической помощи. Падение Сайгона и окончательная победа коммунистических сил поставили крест на потенциальном получении необходимого уровня содействия со стороны капиталистических стран. В условиях советско-китайского раскола и ставки руководства КНР на поддержку враждебного к СРВ режима Пол Пота в Кампучии, китайско-вьетнамские отношения также находились в стадии деградации. Единственным возможным вариантом для СРВ оставалось получение экономической помощи из социалистических стран, входивших в СЭВ. СССР и другие члены СЭВ были заинтересованы в быстром развитии народного хозяйства СРВ и полноценной интеграции страны в экономические структуры социалистического лагеря. Успехи Вьетнама должны были продемонстрировать высокую привлекательность социалистического пути развития для внеблоковых государств.

В настоящий момент в работах отечественных исследователей содержатся отрывочные данные об экономических связях СРВ и членов Совета. Например, Л.Б. Вардомский отмечает, что после вступления в СЭВ у Вьетнама появилась «возможность направлять своих граждан на работу в СССР, ГДР и Чехословакию» [1, с. 185]. Общие сведения об участии стран СЭВ в процессе развития народного хозяйства СРВ имеются в коллективной монографии «Российско-вьетнамские отношения в современном мире», изданной Институтом экономики РАН [26, с. 23, 92].

Информация о экономическом взаимодействии СРВ и стран СЭВ нашла отражение в работах вьетнамских исследователей, написанных на русском языке. В статье Нгуен Тхи Кам Лана подчеркивается, что на долю СЭВ «приходилось свыше 70% всего объема торгово-экономического сотрудничества СРВ» [19, с. 92]. Некоторые данные о научно-техническом сотрудничестве Вьетнама и стран Совета имеются в исследовании Нгуен Куок Хунга [18, с. 75-76]. В статье Нгуен Ан Ха приведены сведения о численности граждан СРВ, направленных на обучение и работу в СССР, ГДР, Чехословакию и Болгарию. Автор приходит к дискуссионному выводу о том, что «экспорт рабочей силы» из СРВ не приносил значимую экономическую выгоду странам, вовлеченным в данный процесс [17, с. 225].

Значимый объем информации об экономическом взаимодействии Вьетнама с отдельными государствами СЭВ сосредоточен в трудах исследователей из стран Запада. Наибольший интерес авторов привлекает проблематика, связанная с обучением и последующей трудовой деятельностью граждан СРВ в ГДР и Чехословакии [31, 32, 33, 34, 39, 45, 46]. В работах приведены данные о численности вьетнамских рабочих на территории стран СЭВ, дана информация о нормативно-правовой базе и результативности взаимодействия сторон в данной области. Внимания заслуживают исследования профессора Калифорнийского университета К. Швенкель, в которых проанализированы различные аспекты немецко-вьетнамского экономического взаимодействия, в том числе в рамках реконструкции городов в СРВ [40, 41, 42]. Значимый интерес также представляет ряд работ, в которых дана сравнительная

характеристика основных показателей развития народного хозяйства Вьетнама на фоне СССР и других стран СЭВ [36, 37]. Следует отметить, что отдельные выводы западных авторов носят спорный характер. Так, немецкий историк Б. Шефер считает, что в отличии от Советского Союза, ГДР могла предложить Вьетнаму возможности для взаимовыгодного сотрудничества [38, р. 95].

Таким образом, на сегодняшний день в отечественной и зарубежной историографии нет комплексных исследований, посвященных анализу экономической помощи стран СЭВ в развитии народного хозяйства СРВ. В работах отсутствует информация об основных направлениях взаимодействия сторон, не выявлен уровень вовлеченности членов Совета во внутриэкономические процессы СРВ, не проанализирована результативность экономической помощи. При текущем уровне разработанности проблематики не представляется возможным сравнить вклад СССР и других государств СЭВ в развитие экономики Вьетнама. Предлагаемая статья призвана, в определенной степени, восполнить данные пробелы.

Цель статьи – выявить значение советской помощи в развитии экономики СРВ в 1976-1980 гг. в сравнении с содействием, оказываемым Вьетнаму другими странами СЭВ.

Хронологические рамки исследования охватывают временной отрезок с момента официального провозглашения СРВ в 1976 г. и вплоть до завершения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Вьетнама в 1980 г. Рассматриваемый исторический период представляет значительный научный интерес, что обусловлено расширением связей Вьетнама с государствами СЭВ на фоне попытки обеспечения форсированного развития народного хозяйства СРВ путем проведения комплекса социалистических реформ, увеличением зависимости экономики Вьетнама от внешних источников помощи по мере нарастания кризисных явлений внутри страны.

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются отношения между Вьетнамом и странами СЭВ во второй половине 1970-х гг. В работе был применен ретроспективный метод, что позволило воссоздать целостную картину международной

ситуации после объединения Вьетнама в 1976 г. В процессе выявления основных направлений помощи СССР и других стран СЭВ в развитии экономики Вьетнама были использованы общенаучные методы – анализ и синтез. Применение указанных методов позволило учесть совокупность внешних факторов, оказывавших влияние на структуру экономического взаимодействия сторон.

Участие государств СЭВ в финансировании второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Вьетнама. Еще до момента официального провозглашения СРВ руководство Вьетнама начало разрабатывать пятилетний план развития народного хозяйства объединенной страны на 1976-1980 гг. На тот момент у государства уже был опыт директивного планирования экономического развития, воплотившийся в проведении первой пятилетки (1961-1965 гг.) на территории Демократической Республики Вьетнам [14, с. 134].

В первую очередь, следует отметить, что задачи второй пятилетки были определены под влиянием общенационального энтузиазма после завершения многолетней Второй индокитайской войны и победы в ней коммунистических сил. В плане были прописаны нереалистичные целевые показатели развития народного хозяйства, существенно превышавшие реальные возможности страны. Предполагалось обеспечить быстрый рост национального дохода, провести одновременную индустриализацию и комплекс социалистических преобразований в сельском хозяйстве, достичь механизации обработки 50% от общей площади эксплуатируемых посевных площадей [23, л. 78]. Предполагаемый объем финансовых средств, необходимых для достижения указанных задач, составлял 7,5 млрд долларов [43, р. 308], что равнялось примерно 5,68 млрд руб. по официальному курсу Государственного банка СССР на начало 1976 г. [15].

Общий объем финансовой помощи государств СЭВ, предоставленной Вьетнаму на начальном этапе реализации второй пятилетки составил 5,083 млрд руб. Доля СССР была более 47,5%, а сумма выделенных советской стороной денежных средств превышала аналогичные показатели любого другого члена СЭВ (см. рис. 1). Важно упомянуть, что в указанную сумму включены как деньги,

выделенные СРВ на безвозмездной основе, так и кредитные средства, составившие 82% от общего объема финансовой помощи. Это объясняется тем, что большинство кредитов имели символическую процентную ставку либо же вовсе были беспроцентными. В течение 1970-1980-х гг. имелись неоднократные

прецеденты переноса сроков выплаты и прощения имевшихся у Вьетнама долгов. Немецкая сторона отмечала, что выделенные кредиты «являлись практически безвозмездной помощью, но об этом не говорилось по тактическим соображениям» [20, л. 12, 44].

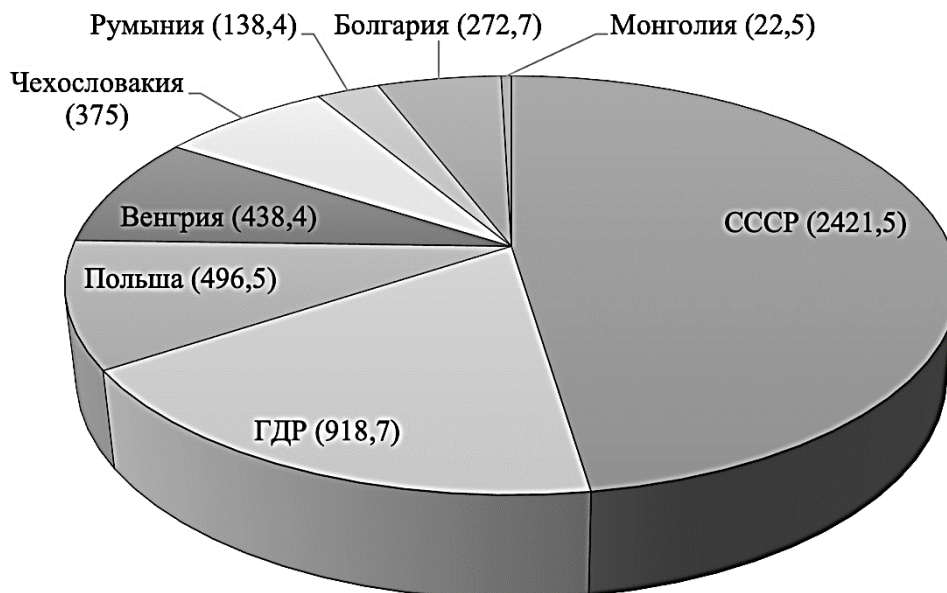

Рис. 1. Финансовая помощь стран СЭВ, выделенная на развитие народного хозяйства СРВ в 1976-1980 гг. (в млн руб.)

Практически сразу после начала реализации второй пятилетки стало очевидным, что выделенные странами СЭВ денежные средства не способны обеспечить выполнение задач, поставленных руководством СРВ. Во второй половине 1970-х гг. вьетнамская экономика находилась под влиянием комплекса негативных факторов, связанных с последствиями ряда разрушительных стихийных бедствий и вооруженных конфликтов. Самым крупным потрясением для народного хозяйства СРВ стала военная агрессия Китая в 1979 г., что в первую очередь было обусловлено отвлечением значительных ресурсов на оборонные нужды страны и серьезными разрушениями в северной части Вьетнама, насыщенной промышленными предприятиями [24, л. 237; 25. л. 39; 9. л. 22].

Сложная внутриэкономическая ситуация в СРВ вызывала необходимость выделения дополнительной финансовой помощи со стороны членов СЭВ. Сразу же после окончания китайской агрессии в марте 1979 г., Чехословакия безвозмездно выделила 20 млн руб. на восстановление наиболее пострадавших в результате

войны отраслей народного хозяйства СРВ. Аналогичные шаги предприняли и другие страны СЭВ. ГДР предоставила Вьетнаму порядка 16 млн рублей, Болгария – 20, сопоставимые суммы были получены от Румынии, Венгрии и Польши. Подобные случаи имели характер одноразовой акции и, как правило, были напрямую связаны с потрясениями, которые испытывала вьетнамская экономика. Предоставляемые объемы финансовых средств были значительно меньше в сравнении с деньгами, полученными СРВ на начальном этапе реализации пятилетки. Суммы, выделяемые странами СЭВ на постоянной основе, и вовсе имели символический характер. Например, Болгария предоставляла СРВ порядка 1,5 млн руб. каждый год [24, л. 162, 222-240].

Указанные примеры не могли сравниться с объемом финансовой помощи, полученной СРВ от советской стороны. За период 1977-1980 гг. СССР в среднем ежегодно выделял Вьетнаму более 290 млн руб. на кредитной основе и более 147 млн руб. безвозмездно. Существуют различные оценки общих расходов СССР на оказание помощи в развитии

экономики СРВ в период второй пятилетки. Согласно советским данным данная цифра составила 4,167 млрд руб., что в 1,72 раза больше суммы, выделенной на начальном этапе реализации пятилетнего плана [22, л. 42].

Нежелание остальных стран СЭВ существенно увеличивать финансовую помощь Вьетнаму сверх изначально выделенных средств объясняется двумя основными причинами. Первая – вместо стремительного экономического роста, достижения озвученных задач второй пятилетки и появления «витрины социализма» в Юго-Восточной Азии народное хозяйство СРВ погрузилось в кризисное состояние. В глазах руководства стран СЭВ Вьетнам утратил инвестиционную привлекательность, став выглядеть как «бездонная яма» [35, р. 26]. Не менее важная причина заключалась в том, что вследствие низкого уровня управления экономикой, дефицита квалифицированных кадров и слабой материально-технической базы государственной статистики вьетнамская сторона не была способна обеспечить эффективное использование полученных финансовых средств [8, л. 20, 45]. Например, к июню 1979 г. из общей суммы денег, выделенных Румынией на реализацию задач пятилетки, СРВ использовала лишь 25% [24, л. 222]. Аналогичные

проблемы, связанные с серьезными сложностями Вьетнама в освоении полученных от членов СЭВ денег, отмечали болгарская и польская стороны [21, л. 33]. В условиях регионального противостояния с Китаем, реалий «холодной войны» и наличия статуса лидера социалистического лагеря СССР, в отличие от других стран СЭВ, не имел возможности отказаться от постоянной финансовой поддержки экономики Вьетнама.

Ресурсное обеспечение вьетнамской экономики странами СЭВ. Помимо значительных денежных средств, народному хозяйству СРВ требовались материальные ресурсы, необходимые для «осуществления социалистической индустриализации, подъема сельскохозяйственного производства и повышения благосостояния населения» [10, л. 39]. Советский Союз выступал в качестве основного торгового партнера Вьетнама, занимая свыше 71% в структуре товарооборота страны с членами СЭВ на начальном этапе реализации пятилетки (см. табл. 1) [21, л. 27-41; 2, с. 216-220]. При этом Вьетнам имел выраженное отрицательное сальдо торгового баланса с членами Совета. В среднем, СРВ импортировала товаров на сумму более чем в 2 раза выше значений экспорта.

Таблица 1

Товарооборот СРВ со странами СЭВ в 1976 г. (в млн руб.)

СССР	ГДР	Чехословакия	Польша	Болгария	Венгрия	Румыния	Монголия	Куба
296,1	55,4	29	17,4	6	5,2	4	1,75	1,4

Между странами СЭВ и Вьетнамом были заключены соглашения, определившие стоимость экспортируемых в СРВ товаров. Практически все члены Совета согласились на поставки по льготным ценам. Так, Вьетнам получал советское сырье по ценам, которые были вдвое ниже существовавших на мировом рынке [11, л. 33]. Куба поставляла вьетнамцам сахар по ценам в 5-10 раз ниже мировых. Исключением стала лишь Румыния, согласившаяся торговать с СРВ только на рыночных условиях [20, л. 15-16].

Финансовые потери, вызванные необходимостью поставок товаров по льготным ценам, вызывали значительное недовольство у руководства стран СЭВ. Специалисты отдела Юго-Восточной Азии при МИД СССР отмечали, что представители «братских социалистических стран» сомневаются в способности

СРВ эффективно использовать поставленные ресурсы, а «сопоставление вьетнамских заявок и степени их удовлетворения свидетельствует о склонности к завышению запрашиваемой помощи без учета реальных потребностей страны» [20, л. 22]. Имелись неоднократные прецеденты жалоб со стороны немецких, чехословацких и польских специалистов, работавших в СРВ, на низкий уровень профессиональных навыков вьетнамцев в области владения современным оборудованием и техникой. Часто отмечался неудовлетворительный уровень организации перевозок поставленных товаров внутри Вьетнама.

Закономерным итогом стало прекращение действия льготных цен и переход на новые принципы ценообразования в торговых отношениях Вьетнама со странами СЭВ. С 1981 г. Советский Союз стал определять стоимость

поставляемых товаров на базе «мировых цен основных рынков» согласно рекомендациям 93 заседания Исполнительного Комитета СЭВ о базе контрактных цен во взаимной торговле членов организации на 1981-1985 гг. Примеру СССР последовали и другие государства СЭВ, однако только советская сторона сразу же выделила кредит в размере 660 млн руб. на покрытие разницы между новой стоимостью товаров и льготными ценами, существовавшими в течение 1976-1980 гг. [22, л. 45, 56].

В период реализации второй пятилетки в советско-вьетнамских торговых отношениях наблюдался значительный подъем. К 1980 г. экспорт СССР в СРВ вырос почти в 2 раза по отношению к показателям 1976 г. [2, с. 216; 3, с. 199]. В сравнении с другими странами СЭВ Советский Союз обладал наибольшими экономическими возможностями для обеспечения народного хозяйства Вьетнама востребованными в рамках реализации задач пятилетки товарами. Так, в 1976 г. советская сторона поставила машины, оборудование и транспортные средства на сумму более 102 млн руб., что сопоставимо с общим объемом экспорта всех категорий товаров остальными странами СЭВ [2, с. 200]. Учитывая серьезные проблемы с вьетнамской железнодорожной инфраструктурой, а также факт того, что в северной части СРВ, в основном, использовался транспорт производства СССР, страны СЭВ в значительной степени зависели от советских поставок [4, л. 7].

Ни один из членов СЭВ, помимо СССР, не мог организовать относительно быструю и недорогую транспортировку больших объемов товаров по морю. Для европейских социалистических государств, входивших в СЭВ, экспорт во Вьетнам был сопряжен со значительными логистическими трудностями, что, в первую очередь, объясняется географической удаленностью СРВ.

Техническое содействие стран СЭВ в строительстве объектов народного хозяйства на территории СРВ. Основная часть ресурсов, поставленных странами СЭВ, направлялась на площадки строительства промышленных предприятий, объектов транспортной и социальной инфраструктуры, сельского хозяйства. Вьетнам не располагал достаточным числом квалифицированных рабочих, возведение объектов осуществлялось в сложных

природно-климатических условиях. Страна нуждалась не только в материальном снабжении строительства, но и в соответствующей проектной документации, кадровом обеспечении, инженерном сопровождении, помощи на начальном этапе эксплуатации.

Все страны СЭВ, за исключением Монголии, в той или иной степени принимали участие в строительстве объектов народного хозяйства на территории Вьетнама. Венгрия обеспечивала строительство нескольких животноводческих хозяйств, хлопкопрядильной фабрики, электролампового завода, предприятия по производству домашних холодильников, завода, специализировавшегося на выпуске деталей для радиоприемников и телевизоров, предприятия по производству угольных брикетов. В обязательства Болгарии входило техническое содействие в строительстве 6 холодильных установок, хозяйства по выращиванию овощей в пригороде Ханоя, завода по производству электрических двигателей прямого тока. В круг ответственности Польши входило возведение вагоноремонтного завода в уезде Зялам, судовой верфи в провинции Куанг Нин. При помощи Чехословакии строились 2 крупных кирпичных завода, завод по производству цинка и свинца, каменный карьер, ТЭС в г. Донгха (мощностью 120 МВт). Существенное значение имело содействие ГДР, ответственной за реконструкцию и расширение типографии «Тиенбо» в Ханое, реконструкцию завода по производству технической бумаги, строительство сталеплавильного и сталепрокатного завода в провинции Тхайнгуен, ряда мелких ремесленных мастерских, предприятия по производству сварочных электродов, фармакологического завода [20, л. 12-49; 21, л. 27-41; 24, л. 162].

Отдельной строкой следует отметить участие ГДР в комплексной реконструкции г. Винь, практически разрушенного в результате последствий американских бомбардировок в годы Второй индокитайской войны. Немецкая сторона разработала проект жилого района города, который должен был состоять из 36 многоквартирных домов, вмещавших примерно 15 тыс. жителей. Учитывая масштабы строительства и сложности, возникшие в процессе реализации проекта, к 1980 г. немецкие специалисты несколько отклонились от первоначального плана. В итоговом исполнении новый район включал

22 дома, обеспечивших жильем около 9 тыс. вьетнамцев [42, р. 32]. У СССР был опыт разработки схожего проекта, отличавшегося значительно большими масштабами. В 1980 г. Ленинградский научно-исследовательский и проектный институт по разработке генеральных планов и проектов застройки городов представил генеральный план Ханоя, включавший в себя основные положения комплексной стратегии развития города до 2000 г. [28, л. 1-18]. При этом, однако, советский проект, в отличие от своего ближайшего немецкого аналога, не предполагал прямого участия страны-разработчика в его реализации.

При возведении некоторых объектов между странами СЭВ происходило распределение зон ответственности. Так, деревообрабатывающий комбинат в г. Винь строился совместными усилиями Польши и Чехословакии, ряд небольших предприятий по производству кирпича – Румынии и Болгарии, завод керамических изделий – Болгарии, Венгрии и ГДР, завод по переработке сахарного тростника, а также больница на 500 коек в г. Винь – Польши и Кубы.

Не вызывает сомнения, что указанные объекты, возводимые членами СЭВ, сыграли важное значение в процессе развития народного хозяйства СРВ. Ключевая роль СССР, в сравнении с другими странами Совета, заключалась в обеспечении строительства опорных промышленных предприятий, имевших стратегическое значение для вьетнамской экономики.

В течение 1976-1980 гг. Советский Союз оказывал помощь в строительстве более 80 объектов народного хозяйства СРВ. Крупнейшая в Юго-Восточной Азии ГЭС «Хоабинь» (общей мощностью 1920 МВт), ТЭС «Фалай», цементный завод «Бимшон», мост «Тханг Лонг» через реку Хонгха, Иен-Байский завод вискозной целлюлозы, ряд крупнейших во Вьетнаме объектов добывающей промышленности (угольные шахты «Хетам» и «Монгзыонг», апатитовый рудник «Лаокай», оловянный рудник «Тинтук» и др.), завод каустической соды в провинции Донгнай, станция космической связи «Лотос-1», 2 домостроительных комбината, завод по ремонту карьерного оборудования в провинции Куанг Нин, завод по производству дизельных моторов Д50Л – все это лишь малая часть объектов, строительство которых

осуществлялось силами СССР [7, л. 14; 27, с. 120, 441, 345; 5, л. 16-125].

Вместе с тем, СССР, как и другие государства СЭВ, использовал возможности для достижения конечного результата путем кооперации с членами Совета. Распространенной практикой являлась закупка оборудования, необходимого для функционирования построенных предприятий. Так, крупнейшая во Вьетнаме ТЭС «Фалай» была обеспечена комплектным оборудованием чехословацкого производства. [20, л. 13]. Имелись и случаи вынужденного обращения к капиталистическим странам. Например, в рамках исполнения обязательств по расширению завода гальванических элементов советская сторона не смогла обеспечить работоспособность разработанной технологии производства электролитической двуокиси марганца и была вынуждена купить технологию и необходимое оборудование у испанской фирмы «Сегаза» [5, л. 93].

Роль государств СЭВ в процессе подготовки вьетнамских рабочих. Как отмечалось ранее, СРВ испытывала острую потребность в появлении достаточного числа квалифицированных рабочих, способных выполнять задачи по развитию народного хозяйства страны вне зависимости от присутствия специалистов из социалистических государств.

В годы второй пятилетки с помощью стран СЭВ во Вьетнаме было развернуто строительство ряда образовательных учреждений по подготовке рабочих наиболее востребованных специальностей. ГДР, Чехословакия, Польша и Венгрия оказывали техническое содействие в возведении 6 профессиональных технических училищ с суммарным контингентом обучающихся до 3 тыс. человек. В зоне ответственности СССР было строительство 8 аналогичных училищ с контингентом обучающихся 750-1000 человек в каждом учреждении [6, л. 165].

Значительное число граждан СРВ проходило обучение рабочим профессиям в странах СЭВ. Так, порядка 5 тыс. вьетнамских специалистов было подготовлено в Болгарии. Более 1000 вьетнамцев освоили специальности, связанные с обслуживанием и эксплуатацией морских судов, в образовательных учреждениях Польши [20, л. 29-32]. Не менее 3,5 тыс. граждан СРВ получили профессии слесаря,

сварщика, токаря, электрика и кузнеца в учебных заведениях среднего профессионального образования Чехословакии [31, s. 73]. Более 6 тыс. вьетнамских рабочих было подготовлено в профессиональных технических училищах СССР [6, л. 165].

Вместе с нарастанием кризисных явлений в экономике СРВ к концу 1970-х гг. и потерей инвестиционной привлекательности Вьетнама в глазах руководства государств СЭВ планы по подготовке рабочих на территории стран Совета приняли гораздо большие масштабы. В 1980 г. СРВ подписала соглашения с ГДР, Чехословакией и Болгарией, предполагавшие обучение вьетнамцев в условиях действовавших производств с последующей обязательной работой на промышленных предприятиях указанных стран в течение 4-5 лет [32, р. 6]. Спустя год аналогичные договоренности были заключены с Советским Союзом. За 10 лет взаимодействия сторон в данной области число граждан СРВ, обучавшихся и работавших на советских предприятиях, составило порядка 100 тыс. человек [29, с. 42]. Не менее 70 тыс. вьетнамцев прошли подготовку на предприятиях ГДР [39, р. 1]. Более 38 тыс. вьетнамских граждан получили соответствующую квалификацию в Чехословакии [31, s. 75-78].

Решение о начале подготовки вьетнамских граждан на условиях последующей «отработки» средств, затраченных на их обучение, демонстрирует стремление руководства стран СЭВ извлечь выгоду из экономического взаимодействия с СРВ на фоне окончательного провала второй пятилетки. Благодаря привлечению рабочих из Вьетнама ГДР, Чехословакия, Болгария и СССР обеспечили заполнение востребованных вакансий на промышленных предприятиях. Граждане СРВ не имели возможности прервать свою трудовую деятельность ранее обозначенного в соглашениях срока, что позволяло нивелировать угрозу потери специалистов в результате движения рабочей силы. К результату взаимодействия сторон в данной области также следует отнести насыщение вьетнамской экономики квалифицированными кадрами с большим опытом работы.

Приведенные данные демонстрируют, что значение общей помощи ГДР, Болгарии и Чехословакии в подготовке вьетнамских рабочих было сопоставимо с вкладом СССР. В

отличии от других направлений экономического взаимодействия подготовка рабочих не требовала вложения больших финансовых и материальных ресурсов. Благодаря появлению большего числа вьетнамских квалифицированных кадров создавалась перспектива постепенного уменьшения числа специалистов из стран СЭВ, задействованных в процессе реализации планов экономической помощи Вьетнаму.

Заключение. Таким образом, страны СЭВ оказали комплексную помощь в развитии народного хозяйства СРВ в период 1976-1980 гг. Вьетнаму были выделены значительные денежные средства, достаточные, если не для выполнения задач, зафиксированных во второй пятилетке, то как минимум для достижения существенного прогресса в экономике. Товарооборот СРВ с членами Совета имел несбалансированный характер и, по сути, представлял из себя снабжение вьетнамского народного хозяйства необходимыми ресурсами в счет выделенных самими же странами СЭВ кредитов. Силами членов СЭВ во Вьетнаме было развернуто масштабное строительство объектов промышленности, сельского хозяйства, социальной и транспортной инфраструктуры, призванных создать возможности для самостоятельного развития страны. Наконец, при помощи стран СЭВ было подготовлено значительное число вьетнамских рабочих, что означало улучшение кадрового потенциала экономики СРВ.

СССР играл ключевую роль в структуре экономической помощи, оказываемой СЭВ в развитии народного хозяйства Вьетнама. Результативность советской помощи целесообразно сравнивать не с показателями отдельных стран СЭВ, а с совокупным экономическим эффектом, достигнутым в рамках комплексной поддержки СРВ всеми остальными членами Совета. Если в начальный период реализации второй пятилетки финансовая помощь СССР была примерно равна сумме, полученной Вьетнамом от всех остальных стран СЭВ, то в течение 1977-1980 гг. Советский Союз остался единственным членом организации, который на постоянной основе осуществлял значительные объемы денежных вливаний в экономику СРВ. В силу того, что СССР был вовлечен в строительство, наибольшего, в сравнении с другими

странами СЭВ, числа крупных объектов народного хозяйства на территории СРВ советская сторона занимала доминирующие позиции в структуре обеспечения вьетнамской экономики необходимыми ресурсами. За исключением некоторых объектов, возводимых силами Чехословакии, только СССР помогал СРВ в строительстве предприятий добывающей и энергетической промышленности. Объекты советского технического содействия имели стратегическое значение для функционирования народного хозяйства СРВ. Некоторые из них характеризовались беспрецедентными для истории Вьетнама и всей Юго-Восточной Азии масштабами.

Вместе с тем, все вышесказанное не отменяет важного значения помощи остальных стран СЭВ в развитии экономики СРВ. Финансовые средства, выделенные социалистическими странами Европы, создали возможность для решения

острых проблем, стоявших перед Вьетнамом. Объекты народного хозяйства, построенные при техническом содействии стран СЭВ, обусловили появление новых рабочих мест, повышение уровня обеспеченности вьетнамской экономики отдельными категориями товаров, улучшение ситуации в социальной сфере. Общий вклад Болгарии, Чехословакии и ГДР в подготовку вьетнамских рабочих, по нашему мнению, следует охарактеризовать как равнозначный по отношению к роли СССР в данном процессе.

Анализ результатов проведенного исследования способен помочь определить степень целесообразности пребывания РФ в тех или иных международных объединениях. Сегодня для России как никогда важно укрепление связей с партнерами, демонстрирующими готовность к взаимовыгодному, равноправному сотрудничеству, результаты которого будут отвечать реальным интересам нашей страны.

Список литературы

1. Вардомский Л.Б. Вьетнам и Россия: взаимное экономическое сотрудничество в меняющихся геополитических и геоэкономических условиях // *Пространственная экономика*. 2022. №4. С 181-200.
2. Внешняя торговля СССР в 1976 году (Статистический сборник). М.: Статистика, 1977. 312 с.
3. Внешняя торговля СССР в 1980 году (Статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1981. 279 с.
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р768. Оп. 1. Д. 2202.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 112. Д. 1217.
6. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 110. Д. 1390.
7. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 112. Д. 1393.
8. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 136. Д. 1519.
9. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 135. Д. 1640.
10. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 777.
11. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 44. Д. 5105.
12. Жиряков И.Г. Зарождение западноевропейской экономической интеграции и создание СЭВ: общее и отличительное // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2020. №3. С. 54-68.
13. Кондрашин В.В., Тюрина Е.А. Деятельность СССР по укреплению торгово-экономических отношений с Германской Демократической Республикой и Европейским экономическим союзом в рамках Совета экономической взаимопомощи в 1960-е гг. // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2019. №4 (52). С. 88-102.
14. Коровяковский И.В. Динамика развития экономических взаимоотношений между ДРВ и СССР в 1955-1965 гг. // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2012. №1(21). С. 129-140.
15. Курсы валют за период до 01.07.1992. [Электронный ресурс]: Сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/OldVal/ (дата обращения: 15.05.2024).
16. Лидеры стран ШОС утвердили Астанинскую декларацию. [Электронный ресурс]: Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. 04.07.2024. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20240704/310071944.html (дата обращения: 07.07.2024).
17. Нгуен Ан Ха. Трудовое сотрудничество между Вьетнамом и РФ в начале 21 века:

- возможности и проблемы // Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 221-239.
18. Нгуен Куок Хунг Вьетнамо-российское сотрудничество и развитие научно-технологической сферы в СРВ // Вьетнамские исследования. 2014. №4. С. 73-90.
19. Нгуен Тхи Кам Лан Развитие внешнеэкономических связей Вьетнама и перспективы сотрудничества с Россией // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. №1. С. 89-100.
20. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5 Оп. 69. Д. 2310.
21. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1405.
22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 591.
23. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 365. Оп. 9. Д. 2540.
24. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 9. Д. 2753.
25. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 9. Д. 2674.
26. Российско-вьетнамские отношения в современном мире: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, И.А. Коргун. М.: Институт экономики РАН, 2021. 147 с.
27. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1978 года. Вып. XXXIV. М.: Междунар. отн., 1980.
28. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. Р-29. Оп. 33. Д. 144.
29. Чесноков А.С. Вьетнамская диаспора в России: история и современность // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: общественные науки. 2009. №3(69). С. 40-46.
30. Широков О.Н. Цели и функции СЭВ в начальный период развития // Вестник Чувашского университета. 2006. №3. С. 64-70.
31. Alamgir A. «Plně mobilní pracovní síla». Vietnamci měli v Československu osmdesátých let zaplnit díry na místním trhu práce // Paměť a Dějiny. 2021. no. 4. ss. 68-81.
32. Bösch F., Su Phi Hong Invisible, Successful, and Divided Vietnamese in Germany Since the Late 1970s. WIDER Working Paper 2018/15. Helsinki: UNU-WIDER, 2018. 20 p.
33. Brázdová J. Vietnamci v ČR - důvody imigrace po roce 1989. Praha: Univerzita Karlova, fakulta sociálních věd, 2012. 37 s.
34. Chaloupek P. Ekonomické aspekty vietnamské migrace do ČSSR. Brno: Masarykova univerzita, ekonomicko-správní fakulta, 2023. 67 s.
35. Donell J.C. Vietnam 1979: Year of Calamity // Asian Survey. 1980. Vol. 20. No. 1. pp. 19-32.
36. Dumitriu R., Stefanescu R. Economic Development of Comecon Countries. [Электронный ресурс]: Munich Personal RePEc Archive (MPRA), Paper No. 89012. 2018. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/89012/1/MPRA_paper_89012.pdf (дата обращения: 14.07.2024).
37. Faudot A., Marinova T., Nenovsky N. Comecon Monetary Mechanisms. A History of Socialist Monetary Integration (1949 – 1991). [Электронный ресурс]: Munich Personal RePEc Archive (MPRA), Paper No. 114701. 2022. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/114701/1/MPRA_paper_114701.pdf (дата обращения: 17.07.2024).
38. Schaefer B. Comrades of Color: East Germany in the Cold War World. Chapter 4 Socialist Modernization in Vietnam: The East German Approach, 1976-89. N.Y., Oxford: Berghahn Books, 2015. pp. 95-114.
39. Schmitt J.M. "With Vietnam We Are Bound as Brothers": Theorizing Socialism, Internationalism, and the Politics of Public Agency Among Vietnamese Contract Workers in the German Democratic Republic. Atlanta: Georgia State University, 2013. 91 p.
40. Schwenkel C. Building Socialism: The Afterlife of East German Architecture in Urban Vietnam. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 432 p.
41. Schwenkel C. Development Through Dispossession: Coffee as Mutual Aid between Vietnam and East Germany // Cold War History. 2022. pp. 1-19.
42. Schwenkel C. Ruination and Reconstruction: East German Utopian Planning in Postwar Vietnam // The Berlin Journal. 2016. Issue 30. pp. 30-33.
43. Ta Huu Phuong, Guy Ta The Postwar Economic Planning and Development of Vietnam //

Sotheast Asian Affairs. 1978. pp. 305-311.

44. Vietnam Joins Comecon // The New York Times. June 30, 1978.

45. Vũ Vân Phạm Vertragsarbeiterinnen in der DDR – Frauen aus Vietnam im Blick. [Электронный ресурс]: Bundeszentrale für politische Bildung. Deutschland Archiv. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/548449/vertragsarbeiterinnen-in-der-ddr/> (дата обращения: 26.06.2024).

46. Weiss K., Dennis M. Erfolg in der Nische? Die Vietnamesen in der DDR und in Ostdeutschland. Münster: LIT Verlag, 2005. 176 s.

THE ROLE OF THE USSR AND OTHER COMECON COUNTRIES IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM (1976-1980)

The article presents a comparative characteristic of the assistance of the USSR and other countries of the Council for Mutual Economic Assistance in the development of the national economy of the Socialist Republic of Vietnam in 1976-1980. The main directions of economic assistance to Vietnam from CMEA members are analyzed, the factors that influenced the dynamics and effectiveness of interaction between the parties are highlighted. As a result of the study of previously unpublished archival documents, as well as the works of domestic and foreign researchers, the author concludes about the decisive importance of the USSR in the structure of CMEA economic assistance to Vietnam. It is revealed that the USSR was the only member of CMEA, which on a permanent basis carried out significant cash injections into the economy of the SRV, despite the failure of the second five-year plan for the development of the national economy of Vietnam. It is noted that the USSR was involved in the construction of the largest, in comparison with other CMEA countries, the number of large objects of national economy in the territory of the SRV, which determined the dominant position of the Soviet side in the structure of providing the Vietnamese economy with necessary resources. It is established that unlike other CMEA countries, the Soviet Union helped the SRV in the construction of mining and energy industry enterprises, which were of strategic importance for the functioning of the national economy of the country. At the same time, the paper presents facts proving the important role of other CMEA countries in the development of the economy of the SRV. In particular, it is emphasized that the USSR's assistance in training Vietnamese workers was of equal importance compared to the total contribution to this process by the GDR, Czechoslovakia, and Bulgaria.

Keywords: USSR, CMEA, Vietnam, socialist countries, GDR, Czechoslovakia, economic assistance, international organizations.

References

1. Vardomskii L.B. (2022) V'etnam i Rossiya: vzaimnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v menyayushchikhsya geopoliticheskikh i geoeconomicheskikh usloviyakh. [Vietnam and Russia: mutual economic cooperation in a changing geopolitical and geoeconomic environment] // *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economy]*. 2022. №4. pp. 181-200.

2. Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1976 godu (Statisticheskii sbornik) (1977) [Foreign trade of the USSR in 1976 (Statistical collection)]. M.: Statistika, 1977. 312 p.

3. Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1980 godu (Statisticheskii sbornik) (1981) [Foreign trade of the USSR in 1980 (Statistical collection)]. M.: Finansy i statistika, 1981. 279 p.

4. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GART). [State archive of the Republic of Tatarstan]. F. R768. Op. 1. D. 2202.

5. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 112. D. 1217.

6. GARF. F. R-5446. Op. 110. D. 1390.

7. GARF. F. R-5446. Op. 112. D. 1393.

8. GARF. F. R-5446. Op. 136. D. 1519.

9. GARF. F. R-5446. Op. 135. D. 1640.

10. GARF. F. 5451. Op. 72. D. 777.

11. GARF. F. R-4459. Op. 44. D. 5105.

12. Zhiryakov I.G. (2020) Zarozhdenie zapadnoevropeiskoi ekonomicheskoi integratsii i sozdanie SEV: obshchee i otlichitel'noe [The emergence of Western European economic integration and the establishment of CMEA: common and distinctive features] // *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly [Locus: people, society, cultures, meanings]*. 2020. №3. pp. 54-68.

13. Kondrashin V.V., Tyurina E.A. (2019) Deyatel'nost' SSSR po ukrepleniyu torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii s Germanskoi Demokraticheskoi Respublikoi i Evropeiskim ekonomicheskim soyuzom v ramkakh Soveta ekonomicheskoi vzaimopomoshchi v 1960-e gg.

[Activities of the USSR to strengthen trade and economic relations with the German Democratic Republic and the European Economic Union within the framework of the Council for Mutual Economic Assistance in the 1960s] // *Izvestiya VUZov. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [News of universities. The Volga region. Humanities]. 2019. №4 (52). pp. 88-102.

14. Korovyakovskii I.V. (2012) *Dinamika razvitiya ekonomicheskikh vzaimootnoshenii mezhdru DRV i SSSR v 1955-1965 gg.* [Dynamics of development of economic relations between the DRV and the USSR in 1955-1965] // *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 2012. №1(21). pp. 129-140.

15. *Kursy valyut za period do 01.07.1992.* (2020) Sait Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii. [Exchange rates for the period up to 01.07.1992. Website of the Central Bank of the Russian Federation]. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/OldVal/ (accessed: 15.05.2024).

16. *Lidery stran ShOS utverdili Astaninskuyu deklaratsiyu* (2024) Sait Rossiiskogo agentstva pravovoi i sudebnoi informatsii. 04.07.2024. [The leaders of the SCO countries approved the Astana Declaration. Website of the Russian Agency for Legal and Judicial Information. 04.07.2024]. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20240704/310071944.html (accessed: 07.07.2024).

17. Nguen An Kha (2013) *Trudovoe sotrudnichestvo mezhdru V'etnamom i RF v nachale 21 veka: vozmozhnosti i problemy* [Labor Cooperation between Vietnam and the Russian Federation at the Beginning of the 21st Century: Opportunities and Challenges] // *Rossiisko-v'etnamskie otnosheniya: sovremennost' i istoriya. Vzglyad dvukh storon* [Russian-Vietnamese relations: modernity and history. A view of the two sides]. M.: IDV RAN, 2013. pp. 221-239.

18. Nguen Kuok Hung (2014) *V'etnamo-rossijskoe sotrudnichestvo i razvitie nauchno-tehnologicheskoi sfery v SRV* [Vietnam-Russia cooperation and development of science and technology in the SRV] // *V'etnamskie issledovaniya* [Vietnamese studies]. 2014. №4. pp. 73-90.

19. Nguen Thi Kam Lan (2012) *Razvitie vneshnejekonomicheskikh svyazey V'etnama i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej* [Development of Vietnam's foreign economic relations and prospects for cooperation with Russia] // *Rossiiskij vneshnejekonomicheskij vestnik* [Russian foreign economic bulletin]. 2012. №1. pp. 89-100.

20. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI)*. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5 Op. 69. D. 2310.

21. RGANI. F. 5. Op. 73. D. 1405.

22. RGANI. F. 5. Op. 84. D. 591.

23. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe)*. [Russian state archive of economics]. F. 365. Op. 9. D. 2540.

24. RGAJe. F. 365. Op 9. D. 2753.

25. RGAJe. F. 365. Op. 9. D. 2674.

26. *Rossiisko-v'etnamskie otnosheniya v sovremennom mire: Kollektivnaja monografija* (2021) [Russian-Vietnamese relations in the modern world: a collective monograph] / Ed. by L.B. Vardomskij, I.A. Korgun. M.: Institut jekonomiki RAN, 2021. 147 p.

27. *Sbornik dejstvujushhikh dogovorov, soglashenij i konvencij, zakljuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami: Dejstvujushhie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 janvarja i 31 dekabrya 1978 goda. Vyp. XXXIV (1980)* [Collection of effective treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states: Effective treaties, agreements and conventions that entered into force between January 1 and December 31, 1978. Vol. XXXIV]. M.: Mezhdunar. otn., 1980.

28. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv nauchno-tehnicheskoi dokumentacii Sankt-Peterburga (CGANTD SPb)*. [Central state archive of scientific and technical documentation of St. Petersburg]. F. R-29. Op. 33. D. 144.

29. Chesnokov A.S. (2009) *V'etnamskaja diaspora v Rossii: istorija i sovremennost'* [Vietnamese diaspora in Russia: history and modernity] // *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: obshhestvennye nauki* [Proceedings of the Ural state university. Series 3: social sciences]. 2009. №3(69). pp. 40-46.

30. Shirokov O.N. (2006) *Celi i funkcii SJeV v nachal'nyj period razvitija* [Aims and functions

of CMEA in the initial period of development] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University]. 2006. №3. pp. 64-70.

31. Alamgir A. (2021) «Plně mobilní pracovní síla». Vietnamci měli v Československu osmdesátých let zaplnit díry na místním trhu práce ["Fully mobile workforce". Vietnamese were supposed to fill the holes in the local labour market in 1980s Czechoslovakia] // *Paměť a Dějiny*. [Memory and History]. 2021. no. 4. ss. 68-81.

32. Bösch F., Su Phi Hong (2018) Invisible, Successful, and Divided Vietnamese in Germany Since the Late 1970s. WIDER Working Paper 2018/15. Helsinki: UNU-WIDER, 2018. 20 p.

33. Brázdová J. (2012) Vietnamci v ČR - důvody imigrace po roce 1989 [Vietnamese in the Czech Republic - reasons for immigration after 1989]. Praha: Univerzita Karlova, fakulta sociálních věd [Prague: Charles University, Faculty of social sciences], 2012. 37 s.

34. Chaloupek P. (2023) Ekonomické aspekty vietnamské migrace do ČSSR [Economic aspects of Vietnamese migration to Czechoslovakia]. Brno: Masarykova univerzita, ekonomicko-správní fakulta [Brno: Masaryk University, Faculty of economics and administration], 2023. 67 s.

35. Donell J.C. (1980) Vietnam 1979: Year of Calamity // *Asian Survey*. 1980. Vol. 20. No. 1. pp. 19-32.

36. Dumitriu R., Stefanescu R. (2018) Economic Development of Comecon Countries. Munich Personal RePEc Archive (MPRA), Paper No. 89012. 2018. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/89012/1/MPRA_paper_89012.pdf (accessed: 14.07.2024).

37. Faudot A., Marinova T., Nenovsky N. (2022) Comecon Monetary Mechanisms. A History of Socialist Monetary Integration (1949 – 1991). Munich Personal RePEc Archive (MPRA), Paper No. 114701. 2022. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/114701/1/MPRA_paper_114701.pdf (accessed: 17.07.2024).

38. Schaefer B. (2015) Comrades of Color: East Germany in the Cold War World. Chapter 4 Socialist Modernization in Vietnam: The East German Approach, 1976-89. N.Y., Oxford: Berghahn Books, 2015. pp. 95-114.

39. Schmitt J.M. (2013) "With Vietnam We Are Bound as Brothers": Theorizing Socialism, Internationalism, and the Politics of Public Agency Among Vietnamese Contract Workers in the German Democratic Republic. Atlanta: Georgia State University, 2013. 91 p.

40. Schwenkel C. (2020) Building Socialism: The Afterlife of East German Architecture in Urban Vietnam. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 432 p.

41. Schwenkel C. (2022) Development Through Dispossession: Coffee as Mutual Aid between Vietnam and East Germany // *Cold War History*. 2022. pp. 1-19.

42. Schwenkel C. (2016) Ruination and Reconstruction: East German Utopian Planning in Postwar Vietnam // *The Berlin Journal*. 2016. Issue 30. pp. 30-33.

43. Ta Huu Phuong, Guy Ta (1978) The Postwar Economic Planning and Development of Vietnam // *Sotheast Asian Affairs*. 1978. pp. 305-311.

44. Vietnam Joins Comecon // *The New York Times*. June 30, 1978.

45. Vũ Văn Phạm (2024) Vertragsarbeiterinnen in der DDR – Frauen aus Vietnam im Blick [Contract workers in the GDR – women from Vietnam in view]. Bundeszentrale für politische Bildung. Deutschland Archiv. [Federal agency for civic education. Germany archive]. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/548449/vertragsarbeiterinnen-in-der-ddr/> (accessed 26.06.2024).

46. Weiss K., Dennis M. (2005) Erfolg in der Nische? Die Vietnamesen in der DDR und in Ostdeutschland [Success in the niche? The Vietnamese in the GDR and East Germany]. Münster: LIT Verlag, 2005. 176 s.

Об авторе

Кудрявцев Владислав Юрьевич – аспирант, ассистент кафедры истории России, Курский государственный университет (Россия), E-mail: kudrvl62@mail.ru

Kudryavtsev Vladislav Yuryevich – postgraduate student, assistant of the Department of History of Russia, Kursk State University (Russia), E-mail: kudrvl62@mail.ru

УДК 94(470.319-25) Мценск “09/14”

Майоров А.А., доктор исторических наук, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина (Россия)

МЪЧЕНСКАЯ ИСТОРИЯ С X В. ДО ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XV В.

До настоящего времени не существует исследований, в полноте описывающих ранние этапы возникновения поселения на месте современного Мценска в контексте шедших в Верхнеокском историческом регионе поселенческих процессов, а также становления местной управленческой системы и последующей ассимиляции этой территории Древнерусским государством, а позднее – Великим княжеством Литовским. Не решенным также является вопрос административно-территориального устройства и владельческой принадлежности города и прилегающих к нему земель. Подобное положение обусловлено, в первую очередь, явным недостатком письменных источников, прямо повествующих о событиях, происходивших здесь с X в. и до первых десятилетий XV в., а также нахождением этой территории под прямым управлением противостоявшего Москве в борьбе за первенство на русских землях Великого княжества Литовского. В статье приводится аргументация, указывающая на высокую вероятность постоянной принадлежности их к великокняжеским доменам на протяжении всего периода ранней истории с момента включения в состав Древней Руси и до начала XV в. Указываются причины возникновения Мценска в качестве городского поселения, его становления в качестве административного центра, опровергаются легенды о более долгом, по сравнению с соседними землями, бытовании здесь язычества.

Ключевые слова: Мценск, раннесредневековый город, волость, язычество, Черниговское княжество, Великое княжество Литовское, административная система.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-65-73

Введение. Среди городов Верхнеокского региона имеется один, который на протяжении столетий рядом своих черт отчетливо выделялся из ряда соседних городских поселений. Речь идёт о расположенном на правом притоке Оки реке Зуше городе, в настоящее время носящем название Мценск. Писаная история этого населённого пункта состоит из большого числа недосказанностей и неясностей, разбор которых, очевидно, требует, по меньшей мере, особой работы, хотя отдельные моменты и были уже освещены автором в различных исследованиях [11; 14, с.157, 230, 248-249, 327, 346,354, 355, 364-365, 374, 406-417, 509, 511-514, 522, 531 и др.].

Методы исследования. В настоящей статье использованы историко-генетический, идеографический, историко-системный, сравнительно-исторический, контентно-аналитический методы с элементами диахронно-компаративистского подхода.

Результаты и обсуждение. Время фактического основания города очевидно относится к периоду, предшествовавшему времени прихода на верхнеокские земли государства Рюриковичей: дославянские поселения здесь локализируются временем не позднее середины I тысячелетия, славянские –

последними столетиями того же тысячелетия [2, с.54; 16, с.141-144]. В верховьях реки Зуши (на берегах которой размещался «протоМценск»), ставшей в период славянского расселения транспортно-коммуникационной «осью» размещения и обживания славян-поселенцев, хорошо известен комплекс поселений (городищ и селищ) у деревни Воротынцево Новосильского района Орловской области, которые явно находились в тесном взаимодействии с долетописным Мценском, равно как и расположенные на ней же многочисленные городища и селища у деревень Жилино, Зайцево и Студимля [2, с.54-57, 60-62; 16, с.22-24, 31, 167-169.]. Расположенный выше по течению реки Новосиль, согласно свежим археологическим данным, также был обитаем уже с середины I тыс. н.э. и точно существовал в вятичскую эпоху [21, с. 146-147]. Наиболее вероятным представляется возможная «включённость» комплекса упомянутых поселений в транзитно-транспортную систему Земли вятичей. Кроме того, совокупность обнаруженных славянских поселений «дорусского» периода вдоль Зуши позволяет предполагать освоенность, заселённость и значимость этих мест не позднее последних веков первого тысячелетия.

На основании имеющихся данных можно относить возникновение славянского поселения на месте города Мценска ко времени не позднее X в. Специфика включения территорий вятичского этнопотестарного объединения в состав Древнерусского государства является весьма сложным, не до конца ясным вопросом и, во избежание «разбухания» настоящей статьи, здесь не рассматривается. Тем не менее, понятно, что этот процесс был продолжительным и растянутым во времени на несколько столетий, он прошел все возможные стадии – от попыток силового решения вопроса до постепенного, но неуклонного культурного, экономического, административного и религиозного поглощения [12; 11, с.78, 125-128]. Высокий статус древнего «протоМьченеска» прослеживается уже в наиболее древний период его существования: присутствие в названии суффикса «-ск», по всей видимости, «...отражает укрепленность названного с ним поселения, т.е. его именно городской, по понятию средневековья, характер» [28, с.186]. Учитывая общую затратность мероприятий по укреплению и скудость местных ресурсов, не имеющее дополнительных собственных (городских по своей природе ремесленных, торговых, административных) источников доходов негородское поселение не было бы в состоянии их осуществить. Любопытно, что современная форма названия города «Мценск», которая вытеснила раннюю «Мьченськ» и её варианты, могла возникнуть вследствие относительно поздней записи исконного названия носителем одного из «цокающих» древнерусских диалектов (к примеру, древненовгородского) [8, с.39, 41, 43, 47, 95, 145, 237, 277, 280, 361, 390, 456, 466, 481 и др.]. Автору представляется, что наиболее правдоподобным представляется толкование первоначальной формы «Мьченск» (Меченеск, Меченськ) в связи с распространенными в вятичском ареале названием «Меча» (см. реки Меча, Красивая Меча), которая может восходит к древнерусскому «мечать» - «помечать, класть метку» либо к «мечка» (медведица) [23, с.134].

Косвенно о статусе и специфике истории Мценска свидетельствует легенда, повествующая о христианской проповеди иеромонаха Кукши на землях, расположенных в непосредственной близости от города, о его

мученической смерти и негласном титуле «апостола вятичей». Что любопытно, сказание о судьбе Кукши явно перекликается с европейской легендой о мученической смерти «апостола пруссов» Адальберта, а гибель его героя произошла на удалении от города [13]. О языческом прошлом свидетельствует расположенный в непосредственной близости от города курганный могильник, демонстрирующий присутствие и раннего языческого кремационного способа вятичских захоронений, и их более позднего ингумационного варианта, возникшего, вероятно, под воздействием христианских обрядов и обычаев [2, с.54].

Первое письменное упоминание города в летописном сообщении от 1147 г. относится ко времени феодальной усобицы в Северной Черниговщине: «...выбегоша посадничы Володимери. Изяславлн. изъ Вятч. изъ Бряньска. и изъ Мьченьска» [17, стб. 342]. Имена посадников, которые «выбегоша... изъ Вятч. изъ Бряньска. и изъ Мьченьска» не сохранились, но именно потому можно уверенно утверждать, что среди них не было Рюриковичей, поскольку неупоминание в данном случае человека княжеского происхождения равно неуважению ко всему роду, чего летописец допустить не мог. Помимо прочего, следует отметить вероятную значимость самого города, так как он упомянут как равнозначный в одном ряду с заведомой волостью «Вятиче» и Брянском. Ближайшие заведомо известные волостные центры – Карачев и Козельск – находились от него на расстоянии порядка полутора сотен километров, что, учитывая низкую скорость перемещения и, как следствие, заторможенность принятия военных и административных решений в случае возникновения кризисных ситуаций, предполагает вероятность высокой степени управленческой автономности данной территории.

А.К.Зайцев допускал вероятность существования отдельной волости с центром в «Мьченьске» в ряду прочих новгород-северских волостей, с чем вполне можно согласиться [7, с.111]. В пользу данного предположения также говорит то, что далее в летописи «Мьченськ» называется среди отдельных территорий (преимущественно волостей, названных по своим центрам), занятых Святославом: «...иде заемъ вси Вятичи и Добрянескъ и до Воробиинъ Подеснье Домагощъ

и Мценескъ» [17, стб. 342]. Через несколько лет: «и поидоша туда на Вятиче и тако взяша я та на Мценескъ» [17, стб. 455]. Исходя из логики этого сообщения, наиболее вероятным выглядит существование относительно небольшой самостоятельной волости (возможно, низкого административного уровня) в непосредственной близости у границы крупной волости «Вятиче». Впрочем, может быть и так, что административное подчинение прежней Земли вятичей в середине XII в. не было завершено и находилось в процессе становления.

Ход и события усобиц на землях Верхнеокского (Верховского) региона (кампании 1146-1156 гг. и вщижские войны) рассмотрены в ряде исследований [7, с.85, 89; 27, с.76-94]. Они продолжались на этих территориях ещё несколько десятилетий. Под 1159-1160 гг. в Ипатьевской летописи описываются взаимные захваты заложников, «приведение» кочевников, выкупы, торги, захват вятических городов: «поиде из Гомья к Вятичемъ и взя город княгининъ на щить... оттуда идее оу Вятиче и зая вси Вятиче... Половце же бежаша от Белагорода на Гюргевъ. и много ихъ изоимаша Берендичи» [17, стб. 502, 508-509]. После того в хрониках о самом городе длительное время прямо не упоминалось, хотя мы знаем о многочисленных внешних драматических событиях. К примеру, город должен был пострадать в ходе уничтожения «вятских (вероятно, вятических – М.А.А.) городов» в самом конце XII в. в ходе междоусобной борьбы, приведшей к окончательному исчезновению вятичей с политико-административной карты региона: под 1196 г. «...Всеволодь и Д(а)в(и)дь... жьжета волость ихъ и Вятская города. поймали и пожьгле» [17, стб.698], под 1197 г.: «...Кн(я)зь же великий... города вятская, и землю ихъ пусту сътвори» [20, с.122]. В Никоновской летописи на месте вятического сюжета ранних летописей содержится рассказ о походе Святослава Ольговича по маршруту «Мценск – Тула – Дубок-на-Дону – Елец – Пронск – Рязань – Осетр», который А.Н.Насонов аргументированно полагал позднейшей вставкой XV в. [19, с.171; 15, с.209-211]

Отсутствуют прямые письменные упоминания о принадлежности «Мьченеска» в XIII - первой половине XIV вв. к какому-то

конкретному административному образованию внутри черниговских владений: неясно, был ли он собственно черниговским либо новгород-северским или же подчинялся Карачеву (либо Козельску). Представляется возможным предположить существование некоей местной администрации, управлявшей городом и «потяглыми к нему» землями. Жизнь города в этот период, в отличие от многих вятических поселений, явно не была прервана и, исходя из археологических данных, продолжалась в дальнейшем [2, с.18]. Уцелел Мьченеск и позднее, хотя явно находился на маршруте прохождения монгольских отрядов в процессе завоевания. Сообщений либо доказательств об осаде или взятии города не сохранилось, в отличие от Вщижа, Козельска, Коломны, Трубчевска, ряда иных поселений, что косвенно подтверждает вероятность отсутствия здесь собственного удельного князя-Рюриковича (впрочем, нельзя исключать и утерю записей).

Не вполне ясно, к какой из административно-управленческих единиц сразу после монгольского завоевания и к началу XIV в. принадлежал город. С одной стороны, исходя из географии, можно предполагать его отнесение к Карачевскому (Карачевско-Козельскому) княжению (что позднее могло обусловить его непринадлежность ко владениям новосильских князей и их потомков). С другой же стороны, уже в третьей четверти XIV в. он очевидно относился к землям литовским великокняжеским (об этом – далее). Правящий карачевский князь Святослав Титович был женат на дочери великого князя Литовского Ольгерда, из-за чего отъём зятем у своего тестя целой волости с центром во Мценске выглядит странно и маловероятно (напротив, женитьба предполагает приданное невесты) [9, с.297-298; 6, с.49]. При этом расположенные неподалёку Хотимль и Хотетово остались под властью Карачева. Возможно, следует допустить и третий вариант – непосредственное подчинение Мценской волости принадлежащему с 1356 г. Литве Брянску как продолжателю столичного Чернигова (и Новгорода Северского). В этом случае последующее включение города и его окрестностей непосредственно в литовский великокняжеский домен получает понятное объяснение.

Следующее прямое упоминание

Мьченеска обнаруживается уже в XIV столетии и относится к периоду активизации литовской попытки объединения русских земель и началу прямого московско-литовского конфликта в Верховском (Верхнеокском) регионе. В конце 60-х гг. этого столетия началось военное противостояние двух центров, объединявших расколотые русские земли – Московского и Литовского великих княжеств – известное нам как «Литовщина». По всей видимости, Мценск находился под контролем Великого княжества Литовского со времени не позднее второй половины 1350-х гг. В ответ на разгром Подмосковья в 1368 г. князь Дмитрий Иванович разграбил окрестности Брянска, Мценска и Калуги, а также поменял в соседнем Новосиле пролитовского Ивана Семеновича на промосковского Романа Семеновича. Иван Семенович Новосильский и Святослав Титович Карачевский были женаты на сестрах – дочерях литовского Ольгерда, что прибавило остроты в разгоревшийся конфликт [25, с.66].

Захват Мценска москвичами произошел во время их похода на Брянск в 1370 г. [1, стб.138; 25, с.63, 75]. На это, а также на нарушение целого ряда иных официальных договоренностей великий князь литовский Ольгерд жаловался в письме константинопольскому патриарху Филофею от 1371 г.: «Против своего крестного целования, взяли у меня города: Ржеву, Сишку... Калугу, Мценск» [1, стб.137-138]. Формулировка «у меня» косвенно подтверждает то обстоятельство, что сюзереном захваченного города на момент захвата мог являться сам великий князь литовский. Впрочем, закрепить город за собой московским правителям не удалось и не позднее 1389 г. он вновь полностью контролируется Литвой [25, с.65].

Фигурирует город и в знаменитом «Списке городов русских», который М.Н.Тихомировым и В.Л.Яниным датировали последними десятилетиями XIV в. (первый предполагал период «между 1387 и 1392 г.», второй – с 1375 по 1381 гг. с последующей коррекцией, гипотеза В.А.Кучкина о позднейшей датировке не является общепризнанной). В нем Мценск, как и большинство северочерниговских городов бассейна Верхней Оки, однозначно причисляется к литовским владениям [24; 29, с.67; 10]. По всей

видимости, в начале следующего XV в. был окончательно юридически закреплён литовский сюзеренитет над большинством местных земель: «...происходит раздел региона, причем большая его часть... закрепляется за ВКЛ» [26, с.307].

Одной из неясных для современного понимания легенд, является рассказ о походе московского войска против жителей Мценска, пребывавших якобы в язычестве, что выглядит для рассматриваемого периода абсолютно фантастическим, хотя описание похода в своих деталях крайне правдоподобно и точно соответствует тогдашним общеполитическим и астрономическим реалиям [22, с.361-362]. Нахождение Великого княжества Литовского на границе распространения католицизма и православия вело к постоянной борьбе конфессий за духовное и административное доминирование. Известно, что литовские князья рассчитывали на создание отдельной православной митрополии, о чём Ольгерд просил патриарха ещё в 1371 г: «Дай намъ другаго митрополита на Киевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород» [1, стб.140]. Просьба в тот момент не была удовлетворена и православное духовенство Брянско-Черниговской епархии (к которой долгое время относился Мценск) надолго попало в двойственное положение – подчинённость по церковной линии располагавшемуся во Владимире, а затем в Москве митрополиту Киевскому и всея Руси сопровождалась административной подчинённостью Великому князю Литовскому как владельцу и правителю. И это в условиях постоянного соперничества между Московским и Литовским княжествами.

Литовские великие князья весьма прагматично относились к выбору религиозной конфессии, неоднократно переходя из православия в католицизм (а иногда даже возвращаясь в язычество). Для правителей европейских государств тех лет подобное поведение выглядело крайне эпатажным и явно вызывающим. Потому у многих внешних наблюдателей складывалось впечатление, что правители ВКЛ пребывают вне христианства. Не помогало даже установление теснейшего родства между правителями: Ольгерд был дважды женат на княжнах-Рюриковнах, а следующий великий князь московский

Василий Дмитриевич с 1392 г. Состоял в браке с единственной дочерью племянника Ольгерда литовского великого князя Витовта Софьей. Сам же Витовт, после смерти зятя, длительное время был официальным регентом своего внука – московского князя Василия Васильевича. Тем не менее, даже и тогда соперничество по церковной линии продолжилось, так что другая сторона описывалась оппонентом как полная ересей и грехов.

Отношение к правителям отразилось на отношении к их подданным, особенно к тем, кто, как мчане, находился в непосредственном подчинении у великого князя, проживая в великокняжеском домене. Потому и поход против Мценска был объявлен походом против язычников. Событие совпало с солнечным затмением, а потому может быть точно датировано: «В то же лето июня 7, тьма бысть, в пяток, перед обеднею; бысть же се не много, час един, видети было и звезды все якоже и в ночи» [18, с.87-88]. Любопытно, что главным трофеем похода, захваченным войсками в якобы «языческом» городе мог быть резной образ святителя Николая, известный позднее в качестве чудотворного «Николы Можайского» [3; 4]. Прекращение в 1419-1420 гг. раздельного существования двух русских митрополий привело к исчезновению проклятий в адрес литвинов-язычников. Впрочем, Брянская епархия, к которой относился Мценск, в силу своего трансграничного положения, до самого конца XV в. ощущала конфликтность межгосударственного взаимодействия [5, с.91].

Выводы. Исторические события, касавшиеся Мценска в последующие десятилетия XV и следующего XVI в., описаны исследователями несравненно лучше и полнее самых

старых времён существования города, хотя работы, опубликованные в XIX - XX вв., и выглядят порой весьма (пусть и с разной направленностью) тенденциозными. Тем не менее, анализ имеющихся в настоящее время данных о ранних периодах существования Мценска позволяет сделать ряд обоснованных выводов. Первый, возникновение городского поселения на этом месте было обусловлено, прежде всего, экономико-географическими причинами и не связано напрямую с необходимостью покорения и государственного освоения окрестных земель Рюриковичами.

Второй, это поселение относительно рано получило и впоследствии сохранило за собой городской статус, вне зависимости от того в какой административно-управленческой системе находилось: черниговской, ордынской, литовской либо московской. Третий – город на протяжении всего письменного периода истории являлся административным центром окружавших его территорий, последовательно и успешно интегрировавшимся в новые для него внешние административные структуры. Четвертый: повествования о лучшем сохранении языческой традиции во Мценске, в сопоставлении с соседними территориями, доказательно не подкреплено, и основывается преимущественно на влиянии актуальных на тот момент пропагандистских штампов и обусловлено политической обстановкой, поскольку Великое княжество Литовское в конце XIV – начале XV в. являлось в большей степени продолжателем древнерусской управленческой традиции, нежели носителем древних языческих обычаев или же европейских административных веяний.

Список литературы

1. 1371 г. Грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбой поставить особаго митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижнего-Новгорода// Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. Спб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.135-140.
2. Археологическая карта России. Орловская область/ сост. Г.К.Патрик. М.: «Авто», 1992. 96 с.
3. Беспалов Р.А. Опыт исследования «Сказания о крещении мценян в 1415 году» в контексте церковной и политической истории Верхнего Поочья// Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 7-9 апреля 2009 г. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2009. С.27-34.
4. Беспалов Р.А. Сказание о крещении меценян или о явлении иконы Николы Чудотворца во граде Мценске в 1415 году// Труды отдела древнерусской литературы. Т.66. СПб.: «Наука»,

2019. С.351-365.

5. Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)// Горский А.А.// Средневековая Русь: [сб.ст.]// редкол.: А.А.Горский (отв.ред.) [и др.]; Рос. акад. Наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996. [Вып.] 1. С.76-110.

6. Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: [В 4-х ч.]. Ч. 1. СПб.: тип. К. Вингебера, 1854. 350 с.

7. Зайцев А. Черниговское княжество X-XIII в.: избранные труды. М.: Квадрига, 2009. 226 с.

8. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. М.: «Языки славянской культуры», 2004. С.39, 41, 43, 47, 95, 145, 237, 277, 280, 361, 390, 456, 466, 481 и др. 872 с.

9. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. Издание Археографической комиссии. СПб.: Тип-я братьев Пантелеевых, 1892. 380 с.

10. Кучкин В.А. Датировка списка «А СЕ ИМЕНА ГРАДОМ ВСЪМ РУСКЫМ ДАЛНИМ И БЛИЖНИМ»// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. №3 (61). С. 70-72.

11. Майоров А. А. Верхнеокские вятичи. Орел: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2023. 164 с.

12. Майоров А. А. Вятичское этнопотестарное образование в контексте экономических и политических процессов в Восточной Европе IX - X вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1(55). С. 119-130.

13. Майоров А. А. Параллели в житийных сюжетах об Адальберте Пражском и некоторых древнерусских повествованиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 78-86.

14. Майоров А. А. Социально-политическая история Верхнеокского (Верховского) региона с VIII до середины XVI вв: специальность 07.00.02 "Отечественная история": дис... д.и.н. Майоров. Брянск, 2021. 646 с.

15. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М.: Издательство АН СССР, 1951. 262 с.

16. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв./ Никольская Т.Н. М.: Наука, 1981. 296 с.

17. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1908. 574 с.

18. ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Изд-во Э.Праца, 1859. 312 с.

19. ПСРЛ. Т.9. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1862. 278 с.

20. ПСРЛ. Т.41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей)/ Сост. С.Н.Кистерев, Б.М.Клосс, Л.А.Тимошина, И.А.Тихонюк. М.: Археографический центр, 1995. 184 с.

21. Радюш О.А. Городище Новосиль// Россия как археологическое пространство / Под ред. академика Н.А.Макарова. М.: ИА РАН, 2016. С.146-147.

22. Русская вивлиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы / Изд. Николаем Полевым, чл.-кор. Имп. С.-Петербур. акад. наук, действит. чл. разных ученых о-в и кавалером. Том первый. Москва: Тип-я Августа Семена, 1833. 427 с.

23. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 9 (М). М.: Наука, 1982. 360 с.

24. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних// Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С.214-259.

25. Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. 364 с.

26. Шинаков Е.А. Между Синими Водами и Грюнвальдом: центрально-восточные окраины

литовско-русских земель в военно-политических вобытиях второй половины XIV – начала XV в.// Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 г. (г.Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде/ Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им.акад.И.Г.Петровского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. С.303-308.

27. Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.

28. Щавелев С.П. Имена городов с формантом «-ск» как топонимический источник политической истории Древней Руси// Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского – вып.2-3). Брянск: РИО Брян. ун-та, 2006. С.186-189.

29. Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII – XV веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 216 с.

MTSENSK HISTORY FROM THE 10TH CENTURY TO THE FIRST DECADES OF THE 15TH CENTURY

To date, there are no studies that fully describe the early stages of the emergence of a settlement on the site of modern Mtsensk in connection with the settlement processes going on at that time in the Verkhneoksky (Upper Oka) historical region. Also, until now, connections with the formation of the local management system and the subsequent state assimilation of this territory by the Old Russian State, and later by the Grand Duchy of Lithuania, have not been considered. The issue of the administrative-territorial structure and ownership of the city and adjacent lands is also unresolved. This situation is primarily due to the obvious lack of written sources directly narrating the events that took place here from the 10th century to the first decades of the 15th century. Of significant importance was also the fact that this territory was under the direct control of the Grand Duchy of Lithuania, which opposed Moscow in the struggle for primacy in the Russian lands. The article presents arguments indicating a high probability of permanent belonging of the city and its lands to the grand-ducal domains throughout the entire period of early history from the moment of inclusion in Ancient Rus' until the beginning of the 15th century. The main reasons for the emergence of Mtsensk as an urban settlement and its establishment as an administrative center are also indicated, and legends about the longer existence of pagan religious cults here, compared to neighboring lands, are refuted.

Keywords: Mtsensk, early medieval city, district, grand-ducal domain, paganism, Principality of Chernigov, Grand Duchy of Lithuania, administrative system.

References

1. 1371 g. Gramota litovskago knyazya Ol'gerda k patriarhu Filofeyu, s zhalobami na mitropolita Aleksiya i s pros'boyu postavit' osobago mitropolita dlya Kieva, Smolenska, Maloj Rusi, Novosilya, Tveri i Nizhnyago-Novgoroda (1880) [Letter from the Lithuanian Prince Olgerd to Patriarch Philotheus, with complaints against Metropolitan Alexy and with a request to appoint a special metropolitan for Kyiv, Smolensk, Little Rus', Novosil, Tver and Nizhny Novgorod]. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Tom shestoj. Prilozheniya. Pamyatniki russkogo kanonicheskogo prava. Spb. Tip-ya Imperatorskoj Akademii nauk. Column 135-140.

2. Arheologicheskaya karta Rossii: Orlovskaya oblast' (1992). [Archaeological map of Russia: Oryol region]. Sost. G.K.Patrik. Moscow. Avto. 96 p.

3. Bepalov R.A. (2009). Opyt issledovaniya «Skazaniya o kreshchenii mcenyan v 1415 godu» v kontekste cerkovnoj i politicheskoy istorii Verhnego Pooch'ya [Experience in researching “Tales of the Baptism of the Mtsenians in 1415” in the context of the church and political history of the Upper Poochye]. Voprosy istorii, kul'tury i prirody Verhnego Pooch'ya: Materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Kaluga, 7-9 aprelya 2009 g. Kaluga. Izd-vo «Poligraf-Inform». pp.27-34.

4. Bepalov R.A. (2019). Skazanie o kreshchenii mecnyan ili o yavlenii ikony Nikoly CHudotvorca vo grade Mcenske v 1415 godu [The legend of the baptism of the Metzans or the appearance of the icon of St. Nicholas the Wonderworker in the city of Mtsensk in 1415]. Trudy otdela drevnerusskoj literatury. T.66. SPb. «Nauka». pp.351–365.

5. Gorskij A.A. (1996). Bryanskoe knyazhestvo v politicheskoy zhizni Vostochnoj Evropy (konec XIII – nachalo XV v.) [The Principality of Bryansk in the political life of Eastern Europe (late XIII - early XV centuries)]. Srednevekovaya Rus': [sb.st.]/ redkol.: A.A.Gorskij (otv.red.) [i dr.]; Ros. akad.

Nauk, In-t rossijskoj istorii. Moscow. Rossijskoe universitetskoe izdatel'stvo, [Vyp.] 1. pp.76-110.

6. Dolgorukov P.V. (1854) Rossijskaya rodoslovnaya kniga, izdavaemaya knyazem Petrom Dolgorukovym: [V 4-h ch.]. [Russian genealogical book published by Prince Peter Dolgorukov]. Ch. 1. SPb. tip. K. Vingebera. 350 p.

7. Zajcev A.K. (2009). Chernigovskoe knyazhestvo X-XIII v. [Chernigov principality of the X-XIII centuries]: izbrannye trudy. Moscow. Kvadriga. 226 p.

8. Zaliznyak A. A. (2004). Drevnenovgorodskij dialekt. 2-e izdanie, pererabotannoe s uchedom materiala nahodok 1995-2003 gg. Moscow. «Yazyki slavyanskoj kul'tury». 872 p.

9. Zotov R.V. (1892). O chernigovskih knyaz'yah po Lyubeckomu sinodiku i o Chernigovskom knyazhestve v tatarskoe vremya [About the Chernigov princes according to the Lyubets Synodik and about the Chernigov principality in Tatar times]. Izdanie Arheograficheskoj komissii. SPb. Tip-ya brat'ev Panteleevyh. 380 p.

10. Kuchkin V.A. Kuchkin V.A. (2015). Datirovka spiska «A SE IMENA GRADOM VSĚM RUSKYM DALNIM I BLIZHNIM» [Dating of the list “And these are the names of the city of all russians, far and near”]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. №3 (61). pp. 70-72.

11. Mayorov A. A. (2023) Verhneokskie vyatichi [Upper Oka Vyatichi]. Orel. Srednerusskij institut upravleniya - filial RANHiGS. 164 p.

12. Mayorov A. A. (2023). Vyatichskoe etnopotestarnoe obrazovanie v kontekste ekonomicheskikh i politicheskikh processov v Vostochnoj Evrope IX - X vv. [Vyatichian ethnothesis education in the context of economic and political processes in Eastern Europe in the 9th - 10th centuries]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1(55). pp. 119-130.

13. Mayorov A. A. (2020). Paralleli v zhitijnyh syuzhetah ob Adal'berte Prazhskom i nekotoryh drevnerusskikh povestvovaniyah [Parallels in hagiographic stories about Adalbert of Prague and some ancient Russian narratives]. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. № 1. pp. 78-86.

14. Mayorov A.A. (2022). Social'no-politicheskaya istoriya Verhneokskogo (Verhovskogo) regiona s VIII do serediny XVI vv. [Socio-political history of the Verkhneoksky (Verkhovsky) region from the 8th to the mid-16th centuries]: special'nost' 5.6.1 «Otechestvennaya istoriya»: dis... doktora istoricheskikh nauk. Bryansk. 646 p.

15. Nasonov A.N. (1951). Russkaya zemlya i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. [“Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state. Historical and geographical research]. M.: Izd-vo AN SSSR. 262 p.

16. Nikol'skaya T.N. (1981). Zemlya vyatichej. K istorii naseleniya bassejna verhnjej i srednej Oki v IX-XIII vv. [Land of the Vyatichi. On the history of the population of the upper and middle Oka basin in the 9th-13th centuries]. Moscow. Nauka. 296 p.

17. Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL) (1908). [Complete collection of Russian chronicles (PSRL)]. T.2. Ipat'evskaya letopis'. Izd-e 2. SPb.: Tip-ya M.A.Aleksandrova. 574 p.

18. PSRL. T.8. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku (1859). [Continuation of the chronicle according to the Voskresensky list]. SPb.: Izd-vo E.Praca. 312 p.

19. PSRL. T.9. VIII. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheju ili Nikonovskoyu letopis'yu (1862). [A chronicle collection called the Patriarch's or Nikon's Chronicle]. SPb.: Tip-ya E.Praca. 278 p.

20. PSRL. T.41. Letopisec Pereslavlya Suzdal'skogo (Letopisec russkikh carej) (1995). [Chronicle of Pereslavl of Suzdal (Chronicle of Russian Tsars)]. Sost. S.N.Kisterev, B.M.Kloss, L.A.Timoshina, I.A.Tihonyuk. Moscow. Arheograficheskij centr. 184 p.

21. Radyush O.A. Gorodishche Novosil' (2016) [Novosil ancient settlement]. Rossiya kak arheologicheskoe prostranstvo. Pod red. akademika N.A.Makarova. Moscow. IA RAN. pp.146-147.

22. Russkaya vivliofika, ili Sobranie materialov dlya otechestvennoj istorii, geografii, statistiki i drevnej russkoj literatury (1833) [Russian Vivliofika, or Collection of Materials for Russian History, Geography, Statistics and Old Russian Literature]. Izd. Nikolaem Polevym, chl.-kor. Imp. S.-Peterb. akad. nauk, dejstv. chl. raznyh uchenyh o-v i kavalerom. Tom pervyj. Moskva. Tip-ya Avgusta Semena. 427 p.

23. Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. (1982). [Dictionary of the Russian language XI-XVII centuries]. Vypusk 9 (M). Moscow. Nauka. 360 p.

24. Tihomirov M.N. (1952). Spisok russkih gorodov dal'nih i bliznih [List of Russian cities near and far]. Istoricheskie zapiski. T. 40. Moscow. pp.214-259.
25. Shekov A.V. (2012). Verhovskie knyazhestva. Seredina XIII – seredina XVI v. [Verkhovsky principalities. Mid-XIII – mid-XVI centuries]. Moscow. Kvadriga, Russkaya panorama. 364 p.
26. Shinakov E.A. (2010). Mezhdru Sinimi Vodami i Gryunval'dom: central'no-vostochnye okrainy litovsko-russkih zemel' v voenno-politicheskikh vobytyyah vtoroj poloviny XIV – nachala XV v. [Between Sini Vodi and Grunwald: the central-eastern outskirts of the Lithuanian-Russian lands in the military-political events of the second half of the XIV - early XV centuries]. Russkoe nasledie v stranah Vostochnoj i Central'noj Evropy. Materialy mezhdgosudarstvennoj nauchnoj konferencii 5-8 iyulya 2010 g. (g.Bryansk), priurochennoj k 600-letiyu bitvy pri Gryunval'de/ Fond «Russkij mir»; Bryanskij gosudarstvennyj universitet im.akad.I.G.Petrovskogo. Bryansk. RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. pp.303-308.
27. Shinakov E.A. (2018). Ot Chernigova do Smolenska. Voennaya istoriya yugo-zapadnogo russkogo porubezh'ya s drevnejshih vremen do XVII v. [From Chernigov to Smolensk. Military history of the southwestern Russian border from ancient times to the 17th century]. Moscow. Centrpoligraf. 351 p.
28. Shchhavelev S.P. (2006). Imena gorodov s formantom «-sk» kak toponimicheskij istochnik politicheskoy istorii Drevnej Rusi [Names of cities with the formant “-sk” as a toponymic source of the political history of Old Rus']. Russkij sbornik (Trudy kafedry otechestvennoj istorii drevnosti i srednevekov'ya Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I.G. Petrovskogo – vyp.2-3). Bryansk. RIO Bryan. un-ta. pp.186-189.
29. Yanin V.L. (1998). Novgorod i Litva: pogranichnye situacii XIII - XV vekov [Novgorod and Lithuania: border situations of the 13th- 15th centuries]. Moscow. Izd-vo Mosk. un-ta. 216 p.

Об авторе

Майоров Анатолий Александрович – доктор исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории, философии и русского языка ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина» (Россия). ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru

Mayorov Anatoliy Alexandrovich – Doctor of History, acting Head of the Department of History, Philosophy and the Russian Language, Oryol State Agrarian University named after N.V.Parakhin (Russia). ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru

УДК 94(430).06

Макаров Н.А., ассистент преподавателя, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления (Россия).

РОССИЯ И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА В КОНЦЕ 1810-НАЧАЛЕ 1811 ГГ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Б. КУРАКИНА

В статье освещается политическая позиция посла России в Париже князя А.Б. Куракина в отношении Континентальной системы Наполеона Бонапарта в 1810-1811 гг. Деятельность князя долгое время находилась вне поля зрения историков из-за их несколько предвзятого отношения к его фигуре. В данной статье проанализированы основные моменты деятельности князя А.Б. Куракина в связи с провозглашенной Наполеоном Континентальной системой (переговоры по новым тарифам между Россией и Францией, регулирование нейтральной торговли, действия французских корсаров и т.д.). Данный анализ основан на опубликованных источниках по истории дипломатии: фундаментального издания «Внешняя политика России в XIX-начале XX вв.», сборника депеш А.Б. Куракина и впервые вводимых в научный оборот документов из архива внешней политики Российской империи. В результате автор пришёл к выводу, что А.Б. Куракин достойно отстаивал интересы России во Франции при отказе от Трианонского тарифа и при введении новых условий русско-французской торговли. А.Б. Куракин развернул активную деятельность на посту посла: систематически контактировал с министром иностранных дел Франции Ж.-Б. Шампаньи, подавал ноты, собирал информацию и т.д. Однако Александр I оставался не слишком доволен его действиями, похоже, считая их недостаточно эффективными.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, А.Б. Куракин, Континентальная система, Ж.-Б. Шампаньи, Н.П. Румянцев, Александр I, А. де Коленкур, Наполеон Бонапарт, Трианонский тариф, корсары.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-74-83

Введение. Наполеоновская эпоха продолжает привлекать внимание многочисленных исследователей. Однако при всём количестве объёмных монографий по истории Наполеоновских войн, остаются ещё темы, ждущие своего исследователя. Так, деятельность российского посла в Париже А.Б. Куракина в 1810-1811 гг. по отношению к Континентальной системе пока ещё не становилось предметом специального исследования.

Долгое время дипломатическая деятельность князя А.Б. Куракина не привлекала к себе внимания историков. Видный исследователь истории царствования Александра I, великий князь Николай Михайлович объяснял это так: «...современники относились критически к дипломатическим способностям князя Куракина, а последующие историки считали его деятельность бесплодной и отнеслись с недоверием к его дарованиям. Едва ли эта оценка вполне справедлива. Она скорее пристрастна» [5, с. XXIX]. До недавних пор вся историография деятельности А.Б. Куракина сводилась к заметке в Русском биографическом словаре [4, с. 521–529] и статье П.А. Дружинина, предваряющей публикацию относящихся к его жизни источников [9, с. 71–75]. Эпизодически А.Б.

Куракин присутствует в монографии М.-П. Рэй про Александра I [13].

Однако в последние годы ситуация радикально изменилась. В 2019 г. вышла в свет монография известного исследователя Наполеоновской эпохи В.Н. Земцова. Автор рассмотрел сквозь призму деятельности А.Б. Куракина проблему происхождения войны 1812 г. между Россией и Францией [10]. В 2020 г. петербургским историком С.Н. Искюлем была издана публикация дипломатических депеш А.Б. Куракина [6], предваряемая пространной вступительной статьёй [11]. Тем не менее, при всей широте рассмотренных в исследованиях В.Н. Земцова и С.Н. Искюля вопросов, деятельность князя А.Б. Куракина в отношении к Континентальной системе (за исключением нескольких ссылок на его депеши, посвящённые некоторым её аспектам) осталась практически не затронута, что и даёт основание автору настоящей статьи обратиться к данному сюжету.

Объект и методы исследования. *Описательно-повествовательный метод* был использован для описания политической линии князя А.Б. Куракина в отношении к Континентальной системе.

Хронологический метод использовался для датировки и выстраивания очередности в основных событиях, касающихся деятельности князя А.Б. Куракина.

Историко-генетический метод применялся для описания иллюстрации изменения деятельности князя А.Б. Куракина на протяжении его деятельности в исследуемый период (1810-1811 гг.).

Статья написана на основе писем и депеш А.Б. Куракина, опубликованных С.Н. Искюлем [6], фундаментальной публикации дипломатических документов «Внешняя политика России в XIX – начале XX вв.» [7 и 8] и документов из архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Дело № 9024 (Le Prince Kourakin. № 2 à 89. 193 л.) [1] содержит ответы министра коммерции и иностранных дел Н.П. Румянцева на депеши и ноты российского посла в Париже А.Б. Куракина в 1810 г. Дело № 9037 (Le P-se Kourakin. № 94 à 251. 469 л.) [2] содержит депеши А.Б. Куракина Н.П. Румянцеву, датированные концом 1810 – началом 1811 гг. Дело № 9038 (Le P-se Kourakin. № 252 à 483. 535 л.) [3] является продолжением дела № 9037 и состоит из депеш и нот А.Б. Куракина, отправленных им в начале 1811 г.

Результаты и их обсуждение. 21 ноября 1806 г. Наполеон Бонапарт провозгласил Континентальную блокаду. Была запрещена торговля и переписка с Великобританией [20, р. 555–557]. Возможность закрыть порты континента появилась у французского императора после успешной октябрьской кампании 1806 г. в Пруссии. Практически всё северное побережье Европы оказалось под контролем Франции. После подписания Тильзитского мира 25 июня (7 июля) 1807 г. [7, с. 631–642] к Континентальной блокаде присоединилась Россия. В 1808 г. Александром I был подписан ряд указов, запрещавших ввоз английских мануфактурных товаров, вход в российские порты судов, вышедших из английских портов и т.д. Однако торговля с Великобританией не была окончательно прекращена [13, с. 147].

К тому же Россия не хотела закрывать свои порты для нейтральной торговли. Под нейтральными флагами ходили корабли США, английских колоний и самой Великобритании. В.Г. Сироткин, занимавшийся

изучением дипломатических отношений между Россией и Францией, указывал на то, что в Тильзитском договоре не было статей, касающихся осуществления нейтральной торговли. Впоследствии французское правительство предпринимало в 1810-1812 гг. многочисленные попытки добиться от русского каких-либо актов, запрещавших или ограничивающих нейтральную торговлю, но эти попытки успеха не имели. Россия постоянно ссылалась на Тильзитский договор, где ничего не говорилось про нейтральную торговлю [14, с. 193]. Известный французский исследователь Континентальной системы Франсуа Крузе отмечал, что Россия довольно неохотно выполняла условия Континентальной блокады, позволяя по умышленной небрежности считать нейтральными кораблями те корабли, которые на самом деле такими не являлись [15, р. 424]. Французский посол в Санкт-Петербурге герцог Виченский А. де Коленкур со своей стороны, признавал, что русское правительство закрывало глаза на вывоз в Англию, потому что оно поддерживало обмен с ней [5, т. III, с. 51-52; т. IV, с. 140, 306]. Также А. де Коленкур отмечал, что импорт из Великобритании в Россию в 1810 г. достиг своего максимума [5, Т. V, с. 134–135, 203–204, 290]. Принятых указов было недостаточно для полного запрета торговли с Великобританией. Недовольство Наполеона Бонапарта таким отношением к установленной им внешнеполитической системе было делом времени.

Континентальная система действительно была для России непосильным бременем. Известный наполеоновед Жан Тюлар в своей работе «Наполеон, или миф о спасителе» привёл цитату из письма от 22 апреля 1809 г. Лессеписа, генерального комиссара по торговым делам в Санкт-Петербурге: «В прошлом году вражеские эскадры, блокировавшие Балтийское море, пропустили лишь те корабли, которые смогли обмануть их бдительность или же воспользовались их алчностью. Лишившись экспортных доходов, торговля России находится в постоянном дефиците. Горы пеньки, леса, жира, дегтя, поташа, меди, железа и множества других товаров большого объема и малой стоимости неминуемо обернутся полным разорением страны, если это критическое положение продлится

еще несколько лет» [16, с. 299-300].

Александр Борисович Куракин занял пост посла России во Франции после Эрфуртского свидания Александра I и Наполеона Бонапарта осенью 1808 г. Это был опытный вельможа, начавший службу ещё при Екатерине II, один из друзей прежнего императора Павла I, сохранивший дружеские отношения с императрицей-матерью Марией Фёдоровной. Во время Тильзитских переговоров он в тайне от императора информировал Марию Фёдоровну об их ходе [13, с. 201]. Также, как и императрица-мать, А.Б. Куракин не испытывал симпатий к Наполеону Бонапарту. Ещё годом ранее он мог стать послом России в Париже, но ответил отказом [13, с. 213–214]. По мнению В.Н. Земцова, А.Б. Куракин в конечном счёте был послан Александром I в Париже для обеспечения видимости сохранения союза и прикрытия действий России, уже начавший постепенно отходить от принципов Континентальной системы [10, с. 14]. Также исследователь отметил такие качества А.Б. Куракина как проницательный и глубокий ум, внимание к нюансам в политической деятельности и в поведении людей [10, с. 20].

Второй год пребывания князя А.Б. Куракина в Париже во второй половине 1810 г., связан с принятием эпохальных документов, изменивших порядок осуществления Францией принципов Континентальной системы, которые Россия отказалась принять и введением Александром I нового торгового тарифа.

Первый принципиальный момент был связан с принятием в августе 1810 г. Трианонского тарифа, введившего чрезвычайно высокие пошлины на колониальные товары [12, с. 192]. Наполеон Бонапарт понимал, что экономическое могущество Великобритании строилось на её колониях и попытался нанести удар по экспорту их продуктов. По мнению французского исследователя Марселя Дюнана, Трианонский тариф отчасти появился из-за двойного желания отдать предпочтение американскому судоходству и одновременно продолжать тотальную борьбу с британской промышленностью [19, р. 77]. О Трианонском тарифе А.Б. Куракин иронично заметил: не собирается ли Франция полностью отучить континент от употребления сахара и кофе? [6, с. 583–585].

По замыслу французского императора,

для эффективного применения данного тарифа, к нему должны были присоединиться все его страны-союзники. 29 августа 1810 г. Наполеон Бонапарт приказал Ж.-Б. Шампаньи написать России о своём желании ввести всюду новый тариф на колониальные товары [15, с. 298]. Россия не могла принять ограничения, которые могли повлечь за собой ухудшение нейтральной торговли и ответила отказом. Российское правительство считало, что и без принятия новых условий строго следит за принципами Континентальной системы. Н.П. Румянцев в депеше А.Б. Куракину просил сообщить Ж.-Б. Шампаньи о конфискации 96 судов с английскими товарами как о доказательстве серьёзности принципов России [1, л. 162 об.].

Можно ли было ввести тяжёлые условия нового французского тарифа? По мнению историка М.Ф. Злотникова, при многочисленных негативных факторах (упадок внешней торговли, сильное понижение денежного курса, бюджетный дефицит) и сильной оппозиции принципам Континентальной системы вряд ли было возможно принять условия данного тарифа [12, с. 192–193]. Эли Хекшер отметил, что характер действий французского императора против России в отношении британских судов способствовал расширению пропасти между двумя союзниками и являлся одной из причин того прорыва в области торговой войны, который был фактически произведен в последний день 1810 г. знаменитым русским таможенным указом, направленным против французских товаров [22, р. 235].

Разумеется, в своих депешах и письмах князь А.Б. Куракин не мог обойти стороной разговоры с Ж.-Б. Шампаньи по поводу отказа России принять условия тарифа. В этих беседах А.Б. Куракин ссылаясь на положение ганзейских городов, отметил их недовольство новыми условиями торговли. Представители ганзейских городов считали, что их обложили пошлинами в двойном размере [6, с. 583–585]. Представитель Бремена в Париже господин Гренинг в записке А.Б. Куракину отмечал, что Россия страдает от ограничения экспорта в то время как в её товарах нуждались многие государства. При этом он отметил, что российская торговля ведётся через ганзейские города и что особый удар купцам ганзейских городов и российской торговле нанёс французский

декрет от 2 октября 1810 г., наложивший пошлины, превышающие 50% стоимости товаров [8, с. 589–593]. Также Гренинг предсказывал, что основные экономические потери понесут именно купцы из России. Купцы Бремена являлись лишь комиссионерами в этой торговле [8, с. 589–593]. Стоит отметить что Александр Борисович продолжал свою линию, начатую им ещё в предыдущие годы пребывания на посту посла в Париже: не оставлять без внимания любое предложение по смягчению условий Континентальной блокады и попытаться улучшить экономическое положение России.

Однако Наполеон Бонапарт был непоколебим [6, с. 586–587]. По мнению А.Б. Куракина, новые декреты, касавшиеся Континентальной системы, имели две цели: возместить казне Франции ее финансовые издержки из-за войны в Испании и получить монополию на торговлю колониальными товарами [6, с. 586–587]. Ещё до ужесточения мер А.Б. Куракин описывал борьбу против торговли колониальными товарами цитатой из газеты как «... войну не на жизнь, а на смерть, каковой бы ни была во всякой стране сила привычки, приобретённая во всех классах общества и во всяком возрасте к их ежедневному употреблению» [6, с. 563–565]. Действительно, введённый 18 октября 1810 г. декрет предусматривал сожжение найденных колониальных товаров [15, с. 219]. В самой Франции чиновники из совета мануфактур оценили данную меру как излишне суровую [15, с. 219].

Вторым принципиальным моментом для франко-российских отношений стало принятие в России нового тарифа 1810 г. и «Положения о нейтральной торговле на 1811 г.» [12, с. 354–355]. Экономическое положение России было тяжёлым. Принятие нового таможенного тарифа должно было исправить положение. Данный тариф можно расценивать как ответ на Трианонский декрет. Английский историк М.С. Андерсон отметил, что данные документы фактически запрещали ввоз в Россию французских промышленных товаров (в частности шёлка), а также разрешали торговать с русскими портами подлинно нейтральным судам [18, р. 72]. По мнению латышской исследовательницы Аниты Черпински, с помощью данного положения Россия попыталась преодолеть

дисбаланс внешней торговли, обойдя ограничения, наложенные Континентальной блокадой, чтобы уменьшить импорт и увеличить экспорт [21, р. 253].

Франция была очень недовольна новым российским тарифом. Наполеон Бонапарт сразу оценил данные документы как фактическое заключение Россией мира с Англией [6, с. 778–779]. Ж.-Б. Шампаньи сначала долго молчал по этому поводу [6, с. 675–677], затем повторил ноту о колониальных товарах [6, с. 630–631]. В тот же день А.Б. Куракин получил депешу от Н.П. Румянцева, в которой ещё раз было отмечено, что Александр I не примет условия Трианонского и других декретов, касающихся торговли колониальными товарами [1, л. 172]. В депеше отмечалось, что «... декреты, принятие которых требуется, могут оказаться более суровыми для континента, чем для Великобритании» [1, л. 173].

Ситуация зашла в тупик. А.Б. Куракин сначала хотел вручить ноту Ж.-Б. Шампаньи с требованием отменить Трианонский тариф и новые правила торговли(!), однако затем решил сначала запросить инструкции от императора. Он планировал сказать Ж.-Б. Шампаньи о препятствиях, которые новый тариф ставит российской торговле, и ждал лишь приказа императора чтобы предпринять такой демарш [6, с. 643–646].

Предъявление А.Б. Куракиным ноты от 26 ноября (8 декабря) 1810 г. оказалось успешным [6, с. 626–628]. Кратко рассмотрим суть их беседы. Чтобы Россия получила выгоду, торгуя по Рейну, А.Б. Куракин предложил пересмотреть пошлины на российские товары, ввозимые во Францию. Ж.-Б. Шампаньи же отметил, что А.Б. Куракин пока предложил только снизить пошлины на поташ. А.Б. Куракин сказал ему, что следует обратить внимание и на другие товары. Их экспорт следовало умножить и расширить благодаря новым каналам. Россия терпела невзгоды из-за присоединения к Континентальной системе и такие изменения в условиях торговли могли бы сократить эти издержки и порадовать Александра I [6, с. 661–671]. Однако Наполеон Бонапарт продолжал настаивать на принятии Россией новых условий торговли [6, с. 701–706].

Новый 1811 г. начался во Франции с ожидания того, что Россия примет условия

французского тарифа. На приёме 1 января 1811 г. Наполеон Бонапарт лично подошёл к А.Б. Куракину с целью узнать последние новости по данному вопросу, но российский курьер ещё не успел добраться до Парижа [10, с. 31].

А.Б. Куракин в беседах с Ж.-Б. Шампаньи отстаивал новые условия российского тарифа, который Францию не устраивал. Министр иностранных дел в беседе с российским послом громко заявил, что принятый Россией тариф покровительствует торговле с Англией и лишает Россию возможности торговли с Францией [6, с. 788–799]. А.Б. Куракин возразил, что всё как раз наоборот: Александр I сделал всё возможное, чтобы создать трудности английской торговле. Российский посол настаивал на необходимости данного тарифа для улучшения экономической ситуации. Новый российский тариф, по мнению А.Б. Куракина, был направлен на уменьшение импорта и увеличение экспорта. Император ввёл эти меры для блага своих подданных. Однако Ж.-Б. Шампаньи отметил, что благодаря новому тарифу Россия стала принимать у себя американские и бразильские корабли с колониальными товарами и что Александру I лучше было просто повысить пошлины. Из-за нового тарифа, по мнению Ж.-Б. Шампаньи, также выросла контрабанда, и он противоречит Тильзитскому договору. А.Б. Куракин ответил, что американские корабли тщательно проверяются и что контрабанда сурово пресекается, зато генеральный комиссар Франции по торговым вопросам Лессепс, напротив, усложнил выдачу сертификатов русским купцам. Ж.-Б. Шампаньи заявил, что Наполеон Бонапарт опечален тем, что Александр I ввёл новый тариф без предварительного уведомления [6, с. 788–799].

Со своей стороны, французский посол А. де Коленкур, делал всё зависящее от него, чтобы Россия приняла условия нового тарифа. В проекте доклада Наполеону Бонапарту после беседы с Александром I он отметил: «Я вновь настаивал на адаптации принципа: что любой груз колониальных товаров должен быть конфискован, независимо от его флага, как принадлежащий английской торговле или поступивший из неё» [1, л. 175]. Однако Александр I не соглашался с данным принципом. Россия ни при каких обстоятельствах не хотела чинить препятствия для

нейтральной торговли. Со слов герцога Виченского российский император ответил, что он «...хочет, чтобы Россия действительно причинила вред Англии; он добавил, что Россия уже нанесла много вреда этой державе, что она, если честно, нанесла бы самые чувствительные удары; что она будет продолжать; что он не понимает, почему мы хотим изменить все, что мы делали ранее, почему мы принимаем другие меры, которые мы не согласовали и что по его словам, он погубит своих подданных и не сделает Англии зла, которое она испытала при конфискации своих кораблей» [1, л. 176 об.–177]. Из данного диалога мы видим, что Александру I особенно не нравился несогласованный и односторонний характер новых мер Наполеона Бонапарта, препятствующих торговле с Англией. Но каких успехов достиг с помощью Континентальной блокады французский император и почему он хотел усилить меры? По оценке Ф. Крузе, британская валюта и кредит к 1810 г. пострадали довольно серьёзно, но не смертельно [21, р. 562]. Вне зависимости от осведомлённости Наполеона Бонапарта об успехах его экономических ограничений, он был настроен довести их до конца.

Ситуация постепенно накалялась. Ради окончательного успеха своего основного внешнеполитического проекта французский император не желал считаться с границами государств и других образований. В целях проведения принципов Континентальной системы произошла конфискация владений герцога Ольденбургского, что по мнению Наполеона Бонапарта вкупе с недружественным для Франции российским тарифом могло повлечь за собой слухи о разрыве отношений между Францией и Россией и поэтому французский император вернул ноту А.Б. Куракина по поводу герцога Ольденбургского [6, с. 821–828]. А.Б. Куракин, в свою очередь, планировал вернуть Ж.-Б. Шампаньи его пакеты по поводу тарифа [6, с. 821–828]. Герцогство Ольденбургское было аннексировано Наполеоном Бонапартом для лучшего контроля за побережьем Германии. Французский император обошёл внимание тот факт, что герцог Петер Фридрих Людвиг Ольденбургский был родным дядей императора Александра I.

Наполеон Бонапарт пытался определённым образом реагировать на новые меры

российского правительства. К примеру, он издал указ, запрещающий морскому министерству покупать у России корабельные снасти [2, л. 220].

Продолжали действовать французские корсары. Французское правительство, согласно монографии Е.В. Тарле, считало действия французских корсаров полезными и наносящими вред английской торговле [15, с. 217]. Ещё 25 апреля 1810 г. Наполеон Бонапарт подтвердил право французских корсаров, согласно которому они имели возможность захватить судно у берегов Голландии, которое осуществляло незаконное судоходство [15, с. 298].

Кроме попыток найти бреши в Континентальной блокаде, Александр Борисович отстаивал интересы России. В депеше от 6 (18) апреля 1810 г. А.Б. Куракин вручил официальную ноту Ж.-Б. Шампаньи с приглашением дать объяснения о действиях французских корсаров на Балтийском море, которые требовали бумаг только французских консулов, не принимая российские [6, с. 229]. Однако, Ж.-Б. Шампаньи хранил молчание [6, с. 236–237], т.к. французский император пока не дал ответ на этот вопрос [6, с. 240–248].

13 (25) мая 1810 г. А.Б. Куракин получил от консула в Ростке тревожное сообщение о том, что между мекленбургским магистратом и консульством Франции в Ростке заключён договор по которому захваченные российские суда могут досматриваться и к ним могут допускать претензии консулов [6, с. 295–296].

Очень болезненно князь А.Б. Куракин отреагировал на захват прусского судна «Вильгельм Густав» из-за найденной на нём английской лицензии, которая была единственным средством, дающим возможность пересечь воды, контролируемые Англией [6, с. 325–326]. Впоследствии оказалось, что судно имело необходимую лицензию, но было принуждено французскими корсарами отойти в Англию, за что и было арестовано [6, с. 325–326].

Меры, предпринимаемые А.Б. Куракиным не понравились Н.П. Румянцеву, снова указавшему послу в Париже на необходимость действовать более аккуратно: «Каким бы предосудительным ни было поведение французских корсар по отношению к кораблям, принадлежащим нации, первый и самый верный союзник их, какими бы ни были мысли, которые это поведение заставило Вас

сделать, князь, Его Императорское Величество считает, что энергичные представления должны происходить только тогда, когда можно быть уверенным, что они произведут свой эффект; что если этого не произойдет, то не будет никакой выгоды или достоинства. В соответствии с этим принципом, Вашему Превосходительству было бы хорошо воздержаться от любых подобных шагов и ограничиться в конкретных случаях проявлением своего вмешательства в правительство Франции либо устными, либо письменными сообщениями, но не подталкивая к таким вопросам министерство» [1, л. 102–102 об.].

В начале 1811 г. также произошёл случай с захватом французскими корсарами американского судна «Зодиак», на котором находились вещи посланника России в США графа Ф.П. Палена [2, л. 251 об.]. А.Б. Куракин отметил, что по французским закона, грузы, захваченные корсарами, принадлежат им. Но он надеялся, что для графа Ф.П. Палена будет сделано исключение в этом правиле [2, л. 252]. Ж.-Б. Шампаньи нотой ответил российскому послу, что герцог Малло отправил его просьбу о возврате вещей Ф.П. Палена в Совет по призам [2, л. 251 об.].

В апреле 1811 г. у А.Б. Куракина состоялся интересный разговор с Ж.-Б. Шампаньи по поводу нового российского таможенного тарифа. Министр иностранных дел сообщил русскому послу о разнице между оригиналом тарифа на русском языке и его французским переводом, о которой ему сообщил А. де Колленкур [2, л. 450–450 об.]. Отличие касалось 25-й и 28-й статей. Согласно первой статье, товары, ввозимые контрабандным путем, должны уничтожаться, согласно другой – товары, принадлежащие врагу, подлежат конфискации. А.Б. Куракин предположил, что данное разночтение могло возникнуть из-за перевода текста тарифа частной типографией. Ж.-Б. Шампаньи ответил русскому послу, что такое разночтение будет выгодно Англии: «...имущество союзника и дружественной нации, такой как французы, должно было быть уничтожено огнем, когда имущество врага, как и имущество англичан, было бы конфисковано в крайнем случае; что эта мера полностью противоречит дружбе...» [2, л. 452–452 об.]. А.Б. Куракин, сославшись на недавнее донесение заявил, что английские

товары также будут сожжены. Но Ж.-Б. Шампаньи настаивал на том, что данное уточнение отмечено в донесении, а не в статьях тарифа [2, л. 453 об.]. Сложно предположить, из-за чего возникла разница в статьях. Являлось ли это скрытой игрой российского правительства или попыткой французского посла А. де Коленкура обвинить Россию в хорошем отношении к Англии. А.Б. Куракин отметил, что Россия будет допускать хлопок из Германии и Бухары на что Ж.-Б. Шампаньи ответил ему, что данный хлопок может являться продуктом английских колоний [2, л. 454–454 об.]. В прошлом году, как сообщил министр иностранных дел, количество английских товаров и колониальных товаров, ввезённых через прусские порты, было немыслимым [2, л. 455]. Обратившись к мнению А.Б. Куракина, что целью нового российского тарифа была стабилизация вексельного курса, Ж.-Б. Шампаньи отметил, что можно было бы наладить торговлю между Россией и Францией таким образом, что вексельный курс России смог бы стабилизироваться [2, л. 456–456 об.]. Однако, вести выгодную торговлю с Францией было невозможно: в морях господствовал английский флот, сухопутная торговля была невыгодной из-за высокой стоимости перевозки товаров.

17 апреля 1811 г. Наполеон Бонапарт назначил на пост министра иностранных дел вместо Ж.-Б. Шампаньи Ю.-Б. Маре [3, л. 56]. Французский император сделал выбор в пользу герцога Бассано, т.к., по его мнению, «...он будет более усердно и тепло помогать мирным и дружественным взглядам на Россию, к которым направлены все его [Наполеона Бонапарта] мысли» [3, л. 78 об.]. В этой же депеше №274, в которой А.Б. Куракин описал причины смены министра иностранных дел во Франции, в последний раз

упоминается вопрос о принятии Россией нового тарифа на колониальные товары. Взаимные упрёки и обвинения по поводу новых условий торговли закончились после отставки Ж.-Б. Шампаньи.

Заключение (выводы). Эпохальные для Континентальной системы 1810-1811 гг. были сложными для российской торговли. Привычные экспортные товары такие как пенька, жир деготь и другие в основной массе продолжали лежать на складах. Продолжали нападать французские корсары. Изменились условия самой торговли. Конец 1810-начало 1811 гг. прошёл в бесконечных обсуждениях условий новых российского и французского торговых тарифов. Обе страны категорически не желали принимать новые условия торговли своего союзника, но при этом старались навязать свои торговые условия. Особенно хорошо тяжесть ситуации видна на примере конкретных шагов А.Б. Куракина. Посол России в Париже А.Б. Куракин отстаивал интересы России при отказе от Трианонского тарифа и новых правил торговли и при введении новых торговых условий России. Он приложил достаточно много активности: разговаривал с министром иностранных дел Франции Ж.-Б. Шампаньи, отправлял ноты и т.д. Почему же деятельность А.Б. Куракина часто не получала должной оценки от Александра I? Российский император ждал несколько другого поведения посла России во Франции. Он требовал большей осторожности в действиях и больший упор на сохранение союза между Россией и Францией. Вклад автора статьи состоит в том, что на материале известных и ещё не опубликованных источников он дал оценку деятельности князя А.Б. Куракина как посла России во Франции по отношению к Континентальной системе Наполеона Бонапарта в 1810-1811 гг.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 468. Д. 9024.
2. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9037.
3. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9038.
4. Биографические сведения о А.Б. Куракине // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. 9. С. 521-529.
5. Великий князь Николай Михайлович. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона 1808-1812. Т. I, с. XXIX. Т. III, с. 51-52; т. IV, с. 140, 306; т. V, с. 134-135, 203-204, 290. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1905-1914.

6. Великий князь Николай Михайлович. Дипломатические сношения между Россией и Францией по донесениям послов Императоров Александра I и Наполеона. 1809-1812 гг. Дешпи и письма князя А.Б. Куракина. Т. I / Подгот. С. Н. Искюль. Отв. редактор академик РАН А.В. Торкунов. М.: Изд-во «Индрик», 2020. 848 с.
7. Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее – ВПР). Серия 1: 1801-1815 гг., Том 3: Январь 1806 г. – июль 1807 г. М.: Политиздат, 1963. 840 с.
8. ВПР. Серия 1: 1801-1815 гг., Том 5: Апрель 1809 г. – январь 1811 г. М.: Политиздат, 1967. 784 с.
9. Дружинин П. А. Князь А. Б. Куракин. Опыт биографии // Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752-1818). М.: Трутень, 2002. С. 7-75.
10. Земцов В.Н. Русский посол в Париже князь А.Б. Куракин: хроника роковых лет. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 267 с.
11. Искюль С. Н. Великий князь Николай Михайлович и его «Дипломатические сношения России и Франции»: депешы и письма князя А.Б. Куракина (1809-1812 гг.) // Великий князь Николай Михайлович. Дипломатические сношения между Россией и Францией по донесениям послов Императоров Александра I и Наполеона. 1809-1812 гг. Дешпи и письма князя А.Б. Куракина. Т. 1. М. Изд-во «Индрик», 2020.
12. Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.: Наука, 1966. С. 29.
13. Рэй М.-П. Александр I. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 495 с.
14. Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I. Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801-1812 гг. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003. 415 с.
15. Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. Т. III. М.: издательство Академии наук СССР, 1958. С. 44.
16. Тюлар Ж. Наполеон, или миф о спасителе. М.: Молодая гвардия, 2017. 362 с.
17. Aaslestad K., Joor J. Revisiting Napoleon's Continental System: Local, Regional and European Experiences. Palgrave Macmillan UK, 2015. 290 p.
18. Anderson M.S. The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic Wars // Studies in International History / Ed. by K. Bourne, D.C. Watt. L., 1967. P. 72.
19. Dunan M. Napoléon et le Système continental en 1810 // Revue d'histoire diplomatique / publiée par les soins de la société d'histoire diplomatique. Paris, 1946. P. 71-98.
20. Correspondence de Napoléon I-er: publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Т. 13, p. 555-557.
21. Crouzet F. L'économie britannique et le Blocus continental (1806-1813), Paris, P.U.F., 1958. 949 p.
22. Heckscher, Eli F. The Continental system: an economic interpretation. Oxford, 1922. 420 p.

RUSSIA AND THE CONTINENTAL SYSTEM IN THE END OF 1810 – EARLY 1811. THROUGH THE PRISM OF A.B. KURAKIN'S ACTIVITIES

This article highlights the political position in Paris of the Russian Ambassador, Prince A.B. Kurakin, regarding the Continental System of Napoleon Bonaparte in 1810-1811. The activity of the prince was out of sight of historians for a long period because of their biased attitude towards his figure. This article includes the analysis of highlights of Prince Kurakin's activities according to the Continental System declared by Napoleon (negotiations on new tariffs between Russia and France, regulation of neutral trade, actions of French corsairs etc.). This analysis is based on published sources on the history of diplomacy: the fundamental publication «Foreign Policy of Russia in the XIX-early XX centuries», the collection of A.B. Kurakin's dispatches and first-introduced documents of the Russian Empire's Foreign Policy Archive. The conclusion of this article is that A.B. Kurakin was worthy to defend the interests of Russia in France at the rejection of the Trianon tariff and at the introduction of new conditions of the Russian-French trade. A.B. Kurakin became active as ambassador: he systematically contacted the French Foreign Minister J.-B. Champagny, filed notes, collected information, etc. However, Alexander I was not pleased with his actions, considering them insufficiently effective.

Keywords: Napoleonic Wars, A.B. Kurakin, Continental System, J.-B. Champagny, N.P. Rumyantsev, Alexander I, A. de. Caulaincourt, Napoleon Bonaparte, Trianon tariff, corsairs.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (dalee – AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (hereinafter referred to as AVPRI)]. (1810) F. 133. Op. 468. D. 9024.
2. AVPRI (1810-1811) F. 133. Op. 468. D. 9037.
3. AVPRI (1811) F. 133. Op. 468. D. 9038.
4. Biograficheskie svedeniya o A.B. Kurakine (1903) [Biographical information about A.B. Kurakin]// Russkii biograficheskii slovar'. SPb. T. 9. S. 521-529.
5. Velikii knyaz' Nikolai Mikhailovich (1905-1906) Diplomaticheskie snosheniya Rossii i Frantsii po doneseniyam poslov Imperatorov Aleksandra i Napoleona 1808-1812 [Diplomatic relations between Russia and France according to reports of ambassadors of Emperors Alexander and Napoleon 1808-1812]. T. III, s. 51-52; t. IV, s. 140, 306; t. V, s. 134-135, 203-204, 290.
6. Velikii knyaz' Nikolai Mikhailovich (2020) Diplomaticheskie snosheniya mezhdru Rossiei i Frantsiei po doneseniyam poslov Imperatorov Aleksandra I i Napoleona. 1809 - 1812 gg. Depeshi i pis'ma knyazyu A.B. Kurakina [Diplomatic relations between Russia and France according to the reports of the ambassadors of the Emperors Alexander I and Napoleon. 1809 - 1812. Dispatches and letters of Prince A.B. Kurakin]. T. I / Podgot. S. N. Iskyul'. Otv. redaktor akademik RAN A.V. Torkunov. M.: Izd-vo «IndriK». 848 s.
7. Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka (dalee – VPR) [Foreign policy of Russia in the 19th and early 20th centuries (hereinafter referred to as FPR)] (1963) Seriya 1: 1801-1815 gg., Tom 3: Yanvar' 1806 g. – iyul' 1807 g. M.: Politizdat. 840 s.
8. VPR [FPR]. (1967) Seriya 1: 1801-1815 gg., Tom 5: Aprel' 1809 g. – yanvar' 1811 g. M.: Politizdat. 784 s.
9. Druzhinin P. A. (2002) Knyaz' A. B. Kurakin. Opyt biografii [Prince A. B. Kurakin. An Experiment in Biography] // Druzhinin P.A. Neizvestnye pis'ma russkikh pisatelei knyazyu Aleksandru Borisovichu Kurakinu (1752-1818). M.: Truten', 2002. S. 7-75.
10. Zemtsov V.N. (2019) Russkii posol v Parizhe knyaz' A.B. Kurakin: khronika rokovyx let. [Russian Ambassador to Paris Prince A.B. Kurakin: Chronicle of the Fateful Years]. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya. 267 s.
11. Iskyul' S. N. (2020) Velikii knyaz' Nikolai Mikhailovich i ego «Diplomaticheskie snosheniya Rossii i Frantsii»: depeshi i pis'ma knyazyu A.B. Kurakina (1809-1812 gg.) [Grand Duke Nikolai Mikhailovich and his "Diplomatic Relations between Russia and France": dispatches and letters of Prince A.B. Kurakin (1809-1812)] // Velikii knyaz' Nikolai Mikhailovich. Diplomaticheskie snosheniya mezhdru Rossiei i Frantsiei po doneseniyam poslov Imperatorov Aleksandra I i Napoleona. 1809-1812 gg. Depeshi i pis'ma knyazyu A.B. Kurakina. T. 1. M. Izd-vo «IndriK», 2020.
12. Zlotnikov M.F. (1966) Kontinental'naya blokada i Rossiya [The Continental Blockade and Russia]. M.: Nauka. 359 s.
13. Rej M.-P. (2013) Aleksandr I. [Alexander I]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. 495 s.
14. Sirotkin V.G. Napoleon i Aleksandr I. Diplomatiya i razvedka Napoleona i Aleksandra I v 1801-1812 gg. [Napoleon and Alexander I. Diplomacy and intelligence of Napoleon and Alexander I in 1801-1812.]. M.: Eksmo; Algoritm. 415 s.
15. Tarle E.V. (1958) Sochineniya v dvenadtsati tomakh [Works in twelve volumes]. T. III. M.: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. S. 44.
16. Tyular Zh. (2017) Napoleon, ili mif o spasitele [Napoleon, or the myth of the savior] M.: Molodaya gvardiya. 362 s.
17. Aaslestad K., Joor J. Revisiting Napoleon's Continental System: Local, Regional and European Experiences. Palgrave Macmillan UK, 2015. 290 p.
18. Anderson M.S. The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic Wars // Studies in International History / Ed. by K. Bourne, D.C. Watt. L., 1967. P. 72.
19. Dunan M. Napoléon et le Système continental en 1810 // Revue d'histoire diplomatique / publiée par les soins de la société d'histoire diplomatique. Paris, 1946. P. 71-98.
20. Correspondence de Napoléon I-er: publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 13, p. 555-557.

21. Crouzet F. L'économie britannique et le Blocus continental (1806-1813), Paris, P.U.F., 1958. 949 p.
22. Heckscher, Eli F. The Continental system: an economic interpretation. Oxford, 1922. 420 p.

Об авторе

Макаров Никита Александрович – ассистент преподавателя кафедры социологии, психологии управления и истории института государственного управления и права Государственного университета управления (Россия), E-mail: mackarov.nik2013@yandex.ru

Makarov Nikita Aleksandrovich – Assistant Lecturer at the Department of Sociology, Management Psychology and History of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management (Russia), E-mail: mackarov.nik2013@yandex.ru

УДК 94(73)"1844/1856"

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ДЖЕЙМС СТРЭНГ (1813–1856) И «МОРМОНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО» НА ВЕЛИКИХ ОЗЕРАХ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается деятельность Джеймса Джесси Стрэнга (1813–1856), самопровозглашенного пророка «святых последних дней», лидера одного из крупных течений в раннем мормонизме, и его последователей – странгитов. Уникальный религиозный и социально-политический феномен: провозглашение монархии на территории США остается практически неисследованным в отечественной историографии. Данная статья позволяет заполнить пробел. Проведен анализ сведений о религиозном движении странгитов, его возникновении, особенностях, главных идеях, основных вехах истории, содержащихся в документах мормонов, материалах американской периодической печати и иных источниках середины XIX в. Стрэнгу удалось после смерти основателя религии мормонов Джозефа Смита (1805–1844) объединить вокруг себя на непродолжительное время внутрицерковную оппозицию. Его поддерживали почти все недовольные новым руководителем Церкви Иисуса Христа Святых последних дней Бригамом Янгом (1801–1877) и Кворумом Двенадцати Апостолов (включая многих членов семьи первого мормонского пророка). Они сумели создать отдельную религиозную организацию. Показано, что идеалом Стрэнга являлась не просто теократия, но теократическая монархия, напоминавшая теократическое правление у древних евреев в период Ветхого Завета. Это радикально отличало его учение от представлений о государственном устройстве остальных мормонов, являвшихся сторонниками теодемократии – идеального правительства, основанного на вере в Бога и построенного на принципах республиканизма. Отделившиеся мормоны стремились воплотить на практике в колонизируемом регионе Великих озер свой утопический религиозно-политический и социальный проект. Но конфликты с местными жителями создавали большие трудности для странгитов, приобретая в 1850–1856 гг. все более острый характер. Они завершились гибелью пророка Стрэнга, изгнанием его последователей из островного поселения, что привело к быстрому распаду общины. Утопия странгитов оказалась нереализованной.

Ключевые слова: новые религиозные движения в XIX в., мормоны в США в 1840–1850-е гг., история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (странгиты), Джеймс Джесси Стрэнг, Джозеф Смит-младший, Бригам Янг.
DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-84-90

Введение. Первый пророк мормонов Джозеф Смит стремился основать идеальное теократическое общество или даже относительно независимое государственное образование внутри американского государства – «Дезерет», «Сион» или «Новый Иерусалим». Предполагалось учредить замкнутую религиозную общину, автономное образование, опиравшееся на строгие нравственные нормы, на основе «Объединенного ордена Еноха» [1, р. 8–15]. Мормоны формировали в местах проживания самостоятельные органы власти, организовывали собственные силовые структуры (территориальное ополчение), учреждали свои средства массовой информации. Новый «божий народ», особый американский субэтнос, создавался из иммигрантов из Западной Европы (преимущественно – из Англии и стран Скандинавии), Канады и переселенцев на Горный Запад из разных регионов США. «Объединенный орден» предполагал обобществление имущества, земли, создание

специального фонда для равного распределения прибыли, совместный труд прихожан, взаимопомощь и равенство во всех «мирских вещах» [2]. В священной книге мормонов «Учение и Заветы» содержалось следующее требование к верующим, полученное от Бога Джозефом Смитом в откровении: «...Все деньги, которые вы получаете в ваших управлениях, мудрее используя имущество, которое Я вам назначил, – дома, земли, скот и все иное, за исключением святых и священных писаний... – должны вкладываться в сокровищницу, как только вы будете получать деньги... И пусть никто среди вас не говорит, что это его собственность; ибо ни она, ни часть ее не будут называться его собственностью... И (ею можно распоряжаться) ... только голосом и по общему согласию Ордена» [2: 104:68–71].

Продолжателем идей и практик Смита стал Стрэнг, обосновавшийся со своими сторонниками в регионе Великих озер (на части территории современных штатов Висконсин

и Мичиган). Первоначальным местом концентрации странгитов был поселок Вори. Впоследствии их убежищем и «бастионом» стал остров Бивер (Бивер-Айленд, англ. «Бобровый»), расположенный в отдаленной северной части озера Мичиган. Новая мормонская церковь, обосновавшаяся на современном Среднем Западе США, насчитывала в своих рядах на подъеме до четверти всех мормонов (около 12 тыс. чел. против 50 тыс. бригамитов). В рассматриваемый период истории странгиты предпочитали именовать себя «мормонами», «мормонами Вори», «святыми», а иноверцев – «язычниками». Большое значение в становлении новой деноминации имела личность Стрэнга, мечтавшего еще в детстве стать великим человеком или монархом.

В отечественной историографии тема данной статьи является практически неисследованной. Зарубежная (американская) историческая наука представлена несколькими научными и научно-популярными трудами, посвященными пророку Стрэнгу и странгитам [3; 4; 5; 8; 11]. Но ряд проблем, связанных с данным религиозным движением, остаются малоисследованными (социально-экономические причины образования подобных общин, психологические особенности Стрэнга и его последователей, их роль в политической жизни региона и др.).

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является деятельность мормонского пророка Стрэнга и его сторонников в США в 1840–1850-е гг., пытавшихся создать на острове Бивер в 1850–1856 гг. утопическое квазигосударственное образование – «мормонское королевство». Одним из главных источников по истории движения странгитов является написанная Стрэнгом «Книга закона Господа» (1851 г., 2-е расширенное и дополненное издание – 1856 г.). Книга стала своеобразной конституцией общины. Она содержала перевод «медных листов Лавана», упоминавшихся в «Книге Мормона», а также комментарии к данному тексту и откровения Бога Стрэнгу.

«Книга закона Господа» подробно описывает сложную церковную иерархию странгитов. Священнослужители в ней делились на высших («Священство Мелхиседеково») и младших («Священство Аароново»). Высшие

церковнослужители состояли из двух классов: «апостолов» и «священников». «Апостолами» считались: «король» (пророк-президент Церкви), его советники – «вице-короли», которые также иногда назывались в тексте «королями», «принцы» (двенадцать «апостолов»), а также евангелисты. Непосредственно «священники» включали два чина: первосвященники и старейшины. В низшем «Священстве Аароново» выделялись три ступени (священники, учителя, дьяконы), которые делились еще на десять иерархических степеней. В отличие от остальных деноминаций мормонов середины XIX в., женщины у странгитов получили право быть церковнослужителями: «учителями» и «священниками-певцами». Согласно «Книге закона Господа», на территории, населенной и контролируемой сторонниками пророка Стрэнга создавались «Королевский Совет» и «Королевский Суд», институты местного самоуправления в населенных пунктах, муниципалитеты и судебные органы. Старейшины Церкви находились во главе администраций небольших населенных пунктов и городов, епископы и архиепископы назначались для управления «провинциями» [10: 20–34; 36].

В «Книге закона Господа» были представлены основные религиозные верования странгитов и содержались строгие морально-этические нормы, которые отстаивались Стрэнгом. В книгу был включен измененный текст Десяти заповедей, в который был добавлен пункт о необходимости «возлюбить ближнего твоего, как самого себя» [10: 1:4]. Были введены практиковавшиеся у древних иудеев в эпоху Ветхого Завета жертвоприношения на празднествах телят, ягнят, голубей, а также первых плодов урожая. Стрэнг, отличавшийся склонностью к авторитаризму, стремился регулировать личную жизнь и внешний вид прихожан. В «Книге закона Господа» содержалось требование к верующим носить скромную, комфортную, практичную одежду и избегать излишних украшений. «Книга закона Господа» обосновывала необходимость полигамии. В качестве рекомендации многоженцам предлагалось руководствоваться следующим правилом: «Нельзя брать себе несколько жен, если нет возможности их обеспечить, исходя из твоего имущества». Нельзя также вступать в множественный брак, «чтобы досаждать тем, кто у тебя есть».

«Нельзя отвергать одну жену, вступая в брак с другой». При этом рекомендовалось не жениться на женщинах, имеющих физические дефекты, страдающих психическими расстройствами или «одержимых злыми духами» [10: 44:4–5].

Утопический проект переустройства общества, отстаиваемый Стрэнгом, включал значимый экологический компонент: заботу о благоприятной окружающей среде и сохранении природных ресурсов при условии развития инфраструктуры. Благоустройству населенных пунктов и экологическим проблемам были посвящены два раздела в «Книге закона Господа». Данное обстоятельство отличало проект Стрэнга от похожих планов реформирования социума, предлагавшихся философами-утопистами первой половины XIX в. Экология как наука находилась в то время на стадии зарождения. Стрэнг выступал за отказ от хищнической вырубке деревьев в лесах, настаивал на проведении работ по лесовосстановлению, на сохранении рощ и лесопосадок на фермах, в деревнях и городах. Предлагалось сажать деревья возле прудов, озер, рек и вдоль дорог. В городах особое внимание уделялось созданию парков. Большое значение придавалось развитию путей сообщения. Часть церковной десятины направлялась «королем» на строительство странгитами «дорог общего пользования» (одна из них, известная как «дорога Стрэнга», вела вглубь острова Бивер) [10: 38; 45].

Для данного исследования интерес представляет работа Стрэнга по истории и географии Мичилимакинака – северной части Мичигана [9]. Статья основана также на изучении материалов газет «Voree Herald» (1846 г.) и «Northern Islander» (1850–1856 гг.), издававшихся Стрэнгом. Для анализа источников применялась герменевтика.

Результаты и их обсуждение. Джеймс Стрэнг – духовный лидер, весьма деятельный, хорошо образованный для XIX в. и интеллектуально развитый человек (несмотря на отсутствие систематического образования). Он был священником, адвокатом, журналистом, издателем, школьным учителем, политиком. Получил известность как ученый-любитель (географ и историк), опубликовавший обстоятельное описание островов в северной части озера Мичиган, не

потерявшее научной ценности и в наши дни. Стрэнг выделялся неприхотливостью в быту, поскольку прожил большую часть жизни в бедности. По свидетельству современников, отличался чрезмерным стремлением трудиться, упорством, сосредоточенностью на определенной цели и, как ни странно, был мало религиозным человеком.

Стрэнг родился в г. Скипио (Сципион) в центральной части штата Нью-Йорк (округ Каюга) 21 марта 1813 г. в семье фермера, где было еще двое детей. Семья имела хорошую репутацию. Стрэнг находился под постоянной опекой матери, поскольку был болезненным ребенком [11, р. 12]. Когда будущему пророку исполнилось 3 года, родители решили мигрировать на Запад. Они обосновались в г. Ганновер в Шатокуа – крайнем западном округе штата Нью-Йорк, т.е. на фронтире, «границе» между миром «цивилизации» и осваиваемыми территориями. В Ганновере Стрэнг и его семья прожили следующие 20 лет (1816–1836 гг.). В 12 лет был крещен в баптистской церкви. В школу ходил до возраста 12 лет, но учился плохо, часто по болезни пропускал занятия. Некоторые считали его слабоумным. Сидя дома, тем не менее, занимался интенсивным самообразованием, представлял себя «вольнодумцем», увлекался изучением трудов философов-просветителей (Томас Пейн, Вольней и др.). Вел дневник, часть которого была написана разработанным им же шифром. В детстве и юности часто предавался фантазиям и размышлениям на отвлеченные темы, характерные для взрослых людей. Мечтал стать великим человеком, подобным Юлию Цезарю и Наполеону, или сделать головокружительную карьеру военачальника или политика в США [11, р. 15]. Стрэнг надеялся помогать людям, занимая высокие должности, но не представлял себе, как сделать карьеру, поскольку был бедным человеком. В дальнейшем ему все же удалось реализовать на практике часть своих детских и юношеских мечтаний.

Стрэнг самостоятельно изучил право (как и его современник Авраам Линкольн). В возрасте 23-х лет его приняли в нью-йоркскую коллегию адвокатов [11, р. 26]. Джеймс работал окружным почтмейстером, юристом, редактором и издателем местной газеты, а также священником баптистской церкви. В

ноябре 1836 г. женился на дочери баптистского пастора Мэри Перс. У пары было четверо детей. В 1843 г. семья Стрэнгов переехала в г. Берлингтон в восточной части территории Висконсин [11, р. 31–32]. Берлингтон был основан в 1835–1836 гг. пионерами-выходцами из Новой Англии, принадлежавшими преимущественно к конгрегационалистской церкви. В середине XIX в. эта территория являлась «диким краем девственных лесов и нетронутых прерий». Жизнь пионеров (первопоселенцев) на границе проходила в бедности, лишениях и постоянном преодолении трудностей. Нередко они вынуждены были ютиться в полуземлянках.

Жизнь Стрэнга, ранее не выделявшегося из массы обычных людей, резко изменилась после того, как его шурин в начале 1844 г. присоединился к мормонам. В это же время один из авторитетных деятелей мормонской церкви Мозес Смит с миссионерским визитом посетил Берлингтон. В феврале 1844 г. Стрэнг порвал с баптизмом и вместе с другим мормоном преодолел около 400 миль (644 км.). Он посетил главное место концентрации сторонников религиозного движения – г. Наву (штат Иллинойс), где встретился с церковными руководителями. 25 февраля 1844 г. Стрэнг был крещен лично пророком-президентом мормонов Джозефом Смитом. 3 марта 1844 г. – рукоположен в священники братом пророка патриархом Хайрамом Смитом. По заданию мормонского пророка Стрэнг сделал отчет о состоянии ресурсов района возле г. Берлингтон и охарактеризовал его потенциал для организации нового «кола», т.е. церковного округа. Отчет он отправил в Наву 24 мая 1844 г. В ответном письме Джозефа Смита, датированном 18 июня 1844 г., содержалась информация о его назначении своим преемником – следующим пророком и главой «божьего народа» [6]. Письмо от Смита пришло в Берлингтон 9 июля 1844 г. Исследователи разделились в оценке подлинности письма Смита к Стрэнгу. Часть из них считают его искусной подделкой. Другие признают документ настоящим, на что указывает сохранившийся штемпель почты Наву, откуда письмо было отправлено.

18 июня 1844 г. Джозеф Смит и его брат Хайрам были убиты толпой ополченцев-

антимормонов в тюрьме г. Картидж (Карфаген). В тот же день Стрэнгу якобы явились ангелы и рукоположили его в качестве «апостола, пророка, законодателя, провидца, носителя откровений и переводчика» мормонской церкви, подобного ветхозаветному Моисею. В июне 1844 г. Стрэнг начал проповедовать, объявив себя единственным законным преемником Смита. В течение 1844–1850 гг. собирал сторонников в основанное им на западе Берлингтона поселение Вори (Voree), означающее «Сад мира». Святые из разных территорий и штатов США собирались в Вори, не встречая сопротивления со стороны местных жителей и немормонов. Но странгитам мешали разногласия и частые расколы в собственных рядах в 1846–1849 гг., а также противодействие сторонников Бригама Янга, обосновавшихся в 1847 г. в Юте. Весной 1847 г. Стрэнг с тремя «святыми» исследовал остров Бивер [9, р. 23]. Остров имеет длину 21 км. и ширину до 10 км. По площади (около 145 км.²) почти сопоставим с известным тихоокеанским островом Пасхи (163,6 км.²). В 1847–1848 гг. на острове было основано поселение странгитов Сент-Джеймс (названное в честь пророка Джеймса Стрэнга), ставшее в 1850 г. штаб-квартирой нового религиозного движения [7]. Одной из причин переселения на остров являлась дороговизна земли в районе Вори.

8 июля 1850 г. в ходе торжественной церемонии Стрэнг был провозглашен «королем» Странгитской церкви, правителем «мира» и «царства божьего». Власть нового короля должна была постепенно распространяться на разные территории США в результате миссионерских усилий странгитов. Странгитская церковь взяла под контроль органы местного самоуправления не только на архипелаге Бивер-Айленд, но и на соседних островах [9, р. 20–21]. Первоначально мормоны контролировали округ Эммет штата Мичиган, впоследствии – выделившийся из него, специально созданный для них, округ Маниту (существовал в 1855–1895 гг.). Стрэнг основал первую газету в северной части Мичигана «Northern Islander», с помощью которой пытался влиять на общественное мнение. Он дважды (в 1853 г. и 1855 г.) избирался в палату представителей законодательного собрания штата Мичиган от Демократической партии [9, р. 38–39]. Стрэнг

стал региональным политическим боссом. Он обладал де-факто не только духовной, но и огромной светской властью, юридически не оформленной, над четвертью территории штата Мичиган. Но политические амбиции общины странгитов погубили ее.

Обосновавшиеся на острове Бивер странгиты стремились установить свои порядки и пытались насильственно обратить в мормонство местных жителей. Они требовали у немормонов уплаты десятины в пользу Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Вполне обоснованными являются подозрения странгитов в пиратстве, захвате чужой частной собственности и бандитизме, но масштаб преступлений остается неясен. Выступавший активно против полигамии бригамитов, Стрэнг в 1849 г. стал ее сторонником, что оттолкнуло от него значительную часть последователей. Всего у Стрэнга было 5 жен и 14 детей. Странгиты вступили в конфликт с местными индейцами из племен оджибве и оава (оттава) и поселенцами – рыбаками, являвшимися католиками – выходцами из Северной Ирландии. Ирландцы вынуждены были под давлением мормонов переселиться на южную оконечность острова Бивер или бежать на соседний остров Макино (Макинак). Индейцы мигрировали на близлежащий остров Гарден-Айленд и также стали злейшими врагами странгитов. Произошло множество стычек между странгитами и местными жителями – немормонами. Перечислим значимые столкновения. 4 июля 1850 г. толпа разгоряченных алкоголем рыбаков-ирландцев, праздновавших День независимости США, напала на мормонов. Стрэнг разогнал нападавших, выстрелив из нелегально приобретенной пушки. 24 мая 1851 г. власти осуществили аресты нескольких десятков мормонов, включая лидера общины. Им инкриминировали совершение множества преступлений (измена, грабежи, фальшивомонетничество и др.). Но судебный процесс, начавшийся в конце мая и продолжавшийся до конца июля 1851 г., закончился оправданием присяжными всех обвиняемых [9, р. 14–16, 25–27, 4041]. 13 июля 1853 г. произошли новые серьезные столкновения между рыбаками-странгитами и местными рыбаками. В июне – июле 1856 г. Стрэнг был убит, а мормоны – изгнаны с острова Бивер.

Некоторые мормоны были недовольны авторитарным стилем правления Стрэнга и его требованием выполнения строгих моральных норм. Часть странгитов хотела выйти из общины, но не могла решиться на этот шаг в силу сложившихся обстоятельств. Созрел заговор, в который были вовлечены отлученные от церкви странгиты и местные жители – антимормоны. 16 июня 1856 г. Стрэнг был смертельно ранен выстрелами из пистолета двумя бывшими мормонами. Он скончался в поселке Вори 9 июля. 5 июля 1856 г. антимормоны насильно выселили странгитов (2,6–3 тыс. чел.) с острова Бивер. Часть последователей Стрэнга обосновались в Вори, но многие разъехались по стране. Большинство из них впоследствии присоединились к «Реорганизованной церкви».

Заключение (выводы). Стрэнг являлся неординарной, талантливой личностью. Он обладал авторитарными чертами характера и, судя по сохранившейся фотографии, был харизматичным лидером. В значительной степени именно благодаря его усилиям возникла и существовала община странгитов. Смерть лидера, отказавшегося назначать преемника, спровоцировала стремительную гибель созданного им «мормонского королевства». Становление Странгитской церкви происходило в условиях конфликта с Бригамом Янгом и бригамитами, обосновавшимися в Юте. Выявились противоречия между теоретическими постулатами и практикой Стрэнга, выступавшего против «деспотизма» сторонников Янга, но одновременно установившего диктатуру внутри своей церкви.

Разные течения в раннем мормонизме представили свои собственные утопические концепции реформирования общества, основанные на установлении теократической монархии и введении «Объединенного ордена». Утопия странгитов отчасти отражала идеи ветхозаветных пророков (Иеремии, Иезекииля, Исаяи и других), которые выстраивали модели идеального государства и совершенного общества на основе религиозных ценностей и нравственных принципов. Однако данный вариант религиозной утопии отличался монархическим характером, отсутствием явно выраженной идеи равноправия. Движение странгитов было тесно связано с миграционными и колонизационными процессами

на малонаселенных западных территориях Северной Америки. Таким образом, справедливо утверждать, что фронтир существенно повлиял на мормонского пророка Стрэнга, его религиозное учение и разработанный им утопический проект. Стрэнг и странгиты (также как Янг и бригамиты) в значительной степени являлись продуктом фронта, общественных отношений и коллективно-общинного образа жизни поселенцев на западной границе.

Движение странгитов и их недолговечное «королевство» – яркая страница в истории «святых последних дней». Стрэнг играл важную роль в борьбе между разными группами мормонов в середине 1840-х гг., но его

религиозные новации не оказали существенного влияния на мормонизм в долгосрочной перспективе. Тем не менее, деятельность странгитов послужила мощным толчком к формированию в 1852-1860 гг. Реорганизованной церкви (джозефитов). В последующие полтора столетия Реорганизованная церковь стала главным соперником бригамитов (Церкви Иисуса Христа Святых последних дней) внутри движения мормонов. В современных США сохранились в разных штатах несколько небольших групп последователей Стрэнга, общая численность которых по разным оценкам варьируется от 50 до 300 чел.

Список литературы

1. Baer H.A. *Recreating Utopia in the Desert: A Sectarian Challenge to Modern Mormonism*. Albany: State University of New York Press, 1988. 225 p.
2. Doctrine and Covenants 51:3–14; 70:14; 78:1–15; 82:17–20; 104:1–86.
3. Faber D. *James Jesse Strang: The Rise and Fall of Michigan's Mormon King*. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 2016. 248 p.
4. Fitzpatrick D.C. *The King Strang Story: A Vindication of James J. Strang, the Beaver Island Mormon King*. Lansing, Mich.: National Heritage, 1970. 289 p.
5. Harvey M. *The King of Confidence: A Tale of Utopian Dreamers, Frontier Schemers, True Believers, False Prophets, and the Murder of an American Monarch*. N.Y.: Little, Brown and Co., 2020. 401 p.
6. Letter from Joseph Smith to James J. Strang // *Voree Herald*. 1846. January. Vol. 1. No 1. P. 1.
7. *Northern Islander*. 1850. December 12. Vol. I. No 1. P. 4.
8. Speek V.C. «God Has Made Us a Kingdom»: James Strang and the Midwest Mormons. Salt Lake City, UT: Signature Books Publishing, 2006. 376 p.
9. Strang J.J. *Ancient and modern Michilimackinac, including an account of the controversy between Mackinac and the Mormons*. N.p., 1854. 50 p.
10. *The Book of the Law of the Lord* 1; 20–34; 36; 38; 44–45.
11. Van Noord R. *King of Beaver Island: The Life and Assassination of James Jesse Strang*. Urbana – Chicago: University of Illinois Press, 1988. 335 p.

JAMES STRANG (1813–1856) AND THE «MORMON KINGDOM» ON THE GREAT LAKES IN THE MIDDLE OF THE XIX-TH CENTURY

The article examines the activities of James Jesse Strang (1813-1856), the self-proclaimed prophet of the «Latter-day Saints», the leader of one of the major movements in early Mormonism, and his followers – the Strangites. A unique religious and socio-political phenomenon: the proclamation of the monarchy in the United States remains practically unexplored in Russian historiography. This article helps fill the gap. The analysis of information about the religious movement of the Strangites, its origin, features, main ideas, major milestones of history contained in Mormon documents, materials of the American periodical press and other sources of the middle of the XIX-th century is carried out. After the death of the founder of the Mormon religion, Joseph Smith (1805-1844), Strang managed to unite the intra-church opposition around him for a short time. He was supported by almost all dissatisfied with the new leader of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints Brigham Young (1801-1877) and the Quorum of the Twelve Apostles (including many family members of the first Mormon prophet). They managed to create a separate religious organization. It is shown that Strang's ideal was not just a theocracy, but a theocratic monarchy, reminiscent of the theocratic rule of the ancient Jews during the Old Testament period. This radically distinguished his teaching from the ideas about the state structure of other Mormons, who were supporters of theodemocracy – an ideal government based on faith in God and built on the principles of republicanism. The separated Mormons sought to implement their utopian religious-political and social project in practice in the colonized region of the Great

Lakes. But conflicts with local residents created great difficulties for the Strangites, acquiring an increasingly acute character in 1850–1856. The conflicts ended with the death of the prophet Strang, the expulsion of his followers from the island settlement, which led to the rapid disintegration of the community. The utopia of the Strangites turned out to be unrealized.
Keywords: new religious movements in the XIXth century, Mormons in the USA in the 1840s–1850s, the history of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Strangite), James Jesse Strang, Joseph Smith Jr., Brigham Young.

References

1. Baer H.A. (1988). *Recreating Utopia in the Desert: A Sectarian Challenge to Modern Mormonism*. Albany: State University of New York Press. 225 p.
2. Doctrine and Covenants 51:3–14; 70:14; 78:1–15; 82:17–20; 104:1–86.
3. Faber D. (2016). *James Jesse Strang: The Rise and Fall of Michigan's Mormon King*. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press. 248 p.
4. Fitzpatrick D.C. (1970). *The King Strang Story: A Vindication of James J. Strang, the Beaver Island Mormon King*. Lansing, Mich.: National Heritage. 289 p.
5. Harvey M. (2020). *The King of Confidence: A Tale of Utopian Dreamers, Frontier Schemers, True Believers, False Prophets, and the Murder of an American Monarch*. N.Y.: Little, Brown and Co. 401 p.
6. Letter from Joseph Smith to James J. Strang // *Voree Herald*. (1846). January. Vol. 1. No 1. P. 1.
7. *Northern Islander*. (1850). December 12. Vol. I. No 1. P. 4.
8. Speek V.C. (2006). «God Has Made Us a Kingdom»: James Strang and the Midwest Mormons. Salt Lake City, UT: Signature Books Publishing. 376 p.
9. Strang J.J. (1854). *Ancient and modern Michilimackinac, including an account of the controversy between Mackinac and the Mormons*. N.p. 50 p.
10. *The Book of the Law of the Lord* 1; 20–34; 36; 38; 44–45.
11. Van Noord R. (1988). *King of Beaver Island: The Life and Assassination of James Jesse Strang*. Urbana – Chicago: University of Illinois Press. 335 p.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliyr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: vitaliyr@yandex.ru

УДК 944.04.1

Самсаров А.И., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

Ш. М. ТАЛЕЙРАН И МОДЕРНИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦИИ В 1789 - 1791ГГ.

В статье рассматриваются финансовые проблемы Франции периода 1789-1791гг. В конце Старого порядка государство столкнулось с очень серьезными проблемами в финансовой сфере: огромный государственный долг и неэффективная фискальная система. Эти проблемы, накапливавшиеся в течение многих лет абсолютизма, стали одной из причин революции. Неудивительно, что Учредительное собрание пыталось разрешить эти вопросы в первоочередном порядке. Среди предпринимаемых законодателями мер стоит отметить введение бумажных денег – ассигнат для обеспечения продажи национальных имуществ и разработку новых прогрессивных налогов. Шарль Морис Талейран был одним из представителей тех реформаторов, которые внесли значительный вклад в создание новой финансовой системы королевства. Занимая ранее пост генерального агента духовенства, епископ Отенский был хорошо знаком с проблемами в текущей сфере, что позволило ему сделать правильный вывод о текущем состоянии экономики государства. В исследовании показана роль Талейрана в ликвидации налогового бремени Старого режима и точка зрения реформатора на введение ассигнат.

Ключевые слова: Французская революция, государственный долг, Талейран, Мирабо, ассигнат, эмиссия, Учредительное собрание, налоги.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-91-99

Введение. Финансовые проблемы всегда были постоянным спутником французской монархии. Основные проблемы возникновения огромного государственного долга сводились к следующему. Первое, при абсолютизме став ведущей страной континента, Франция вела войны за расширение территорий и поддержание престижа. А это в свою очередь требовало огромных средств на содержание армии и госаппарата. Второе, невероятное, эгоистическое сопротивление привилегированных, прежде всего, духовенства любой попытке налогообложения. Именно они и их орудия- ассамблеи духовенства, парламенты, Провинциальные штаты подрывали все фискальные реформы государственных деятелей. Следует так же отметить расточительный образ жизни двора [6, с. 3-4] [16, р. 213-217]. В результате к началу революции государственный долг достиг 3,119 млрд. ливров. Учредительное собрание добавило к этой сумме еще более миллиарда, потраченного на проведение реформ: 149 млн. на выкуп долгов духовенства, 450 млн. на выкуп судебных должностей, 203 млн. на выплату залогов, 100 млн. на выкуп феодальных десятин, 120 млн. на поддержание расходов духовенства и тд. Всего 4 млрд. 262 млн. ливров [5, с. 125].

Объект и методы исследования.

Объектом исследования является финансовая политика Учредительного собрания Франции в 1789- 1791 г. Используются ретроспективный и историко-сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. Решение проблемы требовало безотлагательных действий от Учредительного собрания. Выход пытались найти различными способами, реформированием налоговой системы и введением новых финансовых поступлений. Министр Неккер обратился к старым проверенным методам – займам. При Людовике XVI уже было взято займы 1,7 млрд. ливров. Сейчас вопрос о суммах был, конечно, скромнее. 9 августа 1789г. Конституанта по настоянию министра одобрила первый займ у населения на 30 млн. под 4,5% [20, р. 1]. Но затея провалилась, набрав всего лишь 2,6 млн. ливров. 27 августа одобрили еще один займ на 80 млн. уже под 5% [20, р. 2].

Этот заем оказался более успешным (44 млн.), но уже было очевидно, что недоверие общества поставило крест на подобного рода операциях. В тот же день Талейран в своем выступлении поддержал Неккера в этом вопросе заявив, что «нынешнее положение вещей таково, что Конституция не только не подвергается никакой опасности из-за этого кредита, но и может существовать

только благодаря ему» [7, р. 498]. Не имея возможности осуществлять публичные займы, государство было вынуждено пойти на тайные. Собственно именно они с самого начала революции как-то поддерживали систему на плаву. Речь об Амортизационном фонде или Учетной кассе, основанной Паншо в 1776г. С 1789г. абсолютизм все чаще прибегал к этим кредитам. Так в январе их размер составлял 25 млн., в апреле-сентябре по 10-12 млн., а затем по 6 млн. ежемесячно [6, с. 14-20]. Но резервы Учетной кассы были не безграничны. Вновь критически встал вопрос о нехватке наличности для покрытия билетов. Так по отчету Лавуазье, выступившего 23 ноября 1789г. в Учредительном собрании от имени правления организации, заявил, что из 114 млн. выпущенных в обращение билетов, только 86,8 млн. имеют реальное подкрепление металлом [23, р. 4]. Таким образом, платежеспособность кассы зависела от платежеспособности государства.

Для разрешения этих проблем в Собрании стали высказываться идеи о применении бумажных денег. Например 19 сентября маркиз д'Арси предложил выпустить «национальных мандатов» на 400 млн. ливров, которые должны были обеспечиваться специальной кассой патриотического взноса [3, с. 59-60]. Это была одна из первых попыток введения новых бумажных ассигнатов, прообраз которых представляли билеты Учетной кассы. Подобного мнения придерживались многие, например барон Кюстин. Но большинство депутатов ждало официального декрета Собрания. 14 ноября Неккер решил взять инициативу в свои руки, представив Конституанте очередной план [17, р. 480]. Проект предусматривал преобразование Учетной кассы в Национальный банк. Предусматривалась принудительная эмиссия билетов этого учреждения на 240 млн. под гарантией государства, о чем свидетельствовала бы надпись «Национальная гарантия» [22, р. 3]. Это предложение вызвало обширную дискуссию. Тот же д'Арси предлагал ранее использовать для погашения долгов собственность духовенства. Тем более, что декрет об этом уже был принят 10 октября 1789г., где Талейран даже предлагал свой финансовый план по реализации имущества.

27 ноября барон де Сернон предложил

окончательно связать с Конституцией ее противников и сторонников при помощи распродажи национальных имуществ. Докладчик выступал за широкое применение ассигнатов как денег для погашения всего государственного долга. «Ассигнаты будут нерушимым цементом, который свяжет воедино все части построенного вами прекрасного здания...» - утверждал автор [8, р. 281-287.]. Талейран принял участие в этой дискуссии 4 декабря. Оратор категорически выступил против плана Неккера, аргументировав: «Как, в самом деле, можем мы доверить себя нации, которая была бы настолько неосторожна, чтобы передать небольшому числу людей управление банком, операции которого должны быть неограниченными и в котором все национальное имущество оказалось бы заложенным? В первом случае было бы слишком опасно, что банком не управляли с необходимой тщательностью; во втором случае можно было бы также опасаться, что администраторы будут заниматься погоней за чрезмерными прибылями под предлогом интересов нации, с которой они будут связаны... Следовательно, нет необходимости ни в том, чтобы нация стала гарантом банка, ни в том, чтобы банк создавался от имени нации...» [8, р. 380-386]. Этот пункт четко показал намерения Талейрана не использовать старые методы для решения проблемы государственного долга.

Вторым главным пунктом речи был отказ от бумажных денег: «не существует, по крайней мере, на мой взгляд, двух идей, которые отталкивались бы друг от друга дальше, чем идея бумажной валюты и банковской, так как одна носит характер силы и отпечаток абсолютной власти, а другая, наоборот, может жить только посредством доверия, самого свободного и неограниченного... Поэтому я не буду предлагать вам делать бумажные деньги для других кредиторов... Вы знаете, неизбежный эффект всех бумажных денег. Эта фиктивная валюта вытесняет реальную валюту и пугает производителей» [8]. Таким образом, Шарль Морис фактически предсказывал будущую инфляцию и дефицит монет в государстве. Мирабо так же высказывал беспокойство по поводу того, что управление финансами выйдет из-под контроля Учредительного собрания, хотя был не против идеи ассигнатов [17, р. 476]. В результате прений план Неккера

в первоначальном виде был отвергнут, но Собрание постановило создать комиссию из десяти человек для совместного обсуждения этого проекта. Компромиссный доклад был представлен 17 декабря. Он фактически лег в основу декрета 19-21 декабря 1789г.

Что же предлагал новый документ? Была учреждена чрезвычайная касса для сбора средств от продажи национальных имуществ и для сбора патриотического взноса (ст.9). Планировалось продать собственности духовенства на 400 млн. ливров (ст.10). И самое главное для этой операции выпускались ассигнаты в вышеуказанном количестве (ст.12)[3, с. 63]. Эти первые ассигнаты еще не были деньгами в прямом смысле слова. Они представляли пятипроцентные доходные бумаги номиналом в 1 тыс. ливров, погашаемые с 1791 по 1795 гг. Часть этих билетов (170 млн.) была направлена на погашение долгов Учетной кассы. Билеты последней также продолжали выпускаться с принудительным курсом и номиналом в 1000, 600, 300 и 200 ливров. Это наделяло их функцией денег, поэтому государство могло их использовать не только для оплаты срочных долгов, но и для обеспечения текущих нужд казначейства. С другой стороны, ассигнаты становились деньгами, поскольку при посредстве билета они обретали принудительный курс и повсеместное хождение [4, с. 58]. Несмотря на принятые меры, эффект оказался ниже ожидаемого. В начале 1790г. депутаты шести парижских округов направили адрес Собранию, в котором высказали опасения по поводу нехватки наличных. В документе высказывались пожелания распространить принудительный курс бумажных билетов на всю страну. В противном случае Париж мог столкнуться с дефицитом продовольствия[18, р. 427].

6 марта 1790г. Неккер сообщил Собранию о дефиците бюджета 294 млн. на текущий год и срыве плана по сбору налогов. Министр ратовал за расширение функции ассигнатов. 10 марта его поддержал Байи: «ассигнаты не имели того успеха, какой был желателен, и того курса какой был необходим, так как доверие может покоиться только на устойчивом и видимом основании» [21, р. 3]. В ходе конкретного обсуждения проблемы депутат из Шартра Петион выступил с

заявлением о том, чтобы государство начало самостоятельно выпускать ассигнаты. «Но разве мы не можем сами печатать эти фиктивные деньги, необходимость которых признана? Разве мы не можем сами обеспечить им то доверие, в котором они нуждаются, чтобы иметь хождение во всех частях государства? Выпустим же облигации, будем платить по ним процент, обеспечим уплату по ним...» - говорил оратор [8, р. 675]. Намного позднее этот довод поддержал депутат от Парижа Ансон: «воспользуемся новыми средствами обращения вместо этих припрятанных металлических денег, которые отказываются притекать в государственную казну, и вскоре вся огромная государственная машина, застой которой вас так пугает, заработает со всей энергией» [9, р. 602-611]. Наконец, 16 апреля с трибуны вновь выступил Петион, предложивший Собранию две важные составляющие, которые повысили бы доходность ассигнатов. Первая, состояла в том, чтобы отказаться от процентов: «как только вы превращаете ассигнат в монету, как только его начинают в качестве таковой принимать в уплату при сделках, он должен приобрести и все присущие деньгам черты» [10, р. 79-84.]. И вторая, заключалась в реализации выпуска более мелких номиналов ассигнатов: «облигации представляют собой слишком крупные купюры и потому их нелегко реализовать. Они непригодны для повседневных нужд и при покупке мелких предметов; они непригодны при всех торговых операциях».

Таким образом, практически все составляющие новой системы были предложены. Прения завершились 17 апреля 1790г. принятием итогового декрета. Согласно последнему, новый выпуск ассигнатов не планировался. Но были приняты меры, превращающие их из ценных бумаг в постоянно находящиеся в обороте деньги. Процент доходности снижен с 5 до 3, начисления производилось не по годам, а по дням. Прежний пятилетний срок размена ассигнатов откладывался, и параллельно государство вводило принудительный курс и для частных платежей. С целью облегчения сделок расширился номинал купюр с 200 до 1000 ливров [10, р. 87]. Эти действия должны были заставить собственников не держать долго ассигнаты, повысив тем самым их оборот. Дополнительно, 12 сентября

специальным декретом вводилось монетное обращение ассигнатов, то есть они приравнивались к металлическим деньгам. Введением новых ценных бумаг Учредительное собрание не только монополизировало их выпуск, но и сделало еще один шаг к созданию бумажных денег. Пока это были еще облигации с расширенным товарным движением.

Эти действия должны были заставить собственников не держать долго ассигнаты, повысив тем самым их оборот. Дополнительно, 12 сентября специальным декретом вводилось монетное обращение ассигнатов, то есть они приравнивались к металлическим деньгам. Введением новых ценных бумаг Учредительное собрание не только монополизировало их выпуск, но и сделало еще один шаг к созданию бумажных денег. Пока это были еще облигации с расширенным товарным движением. Появление ассигнатов в новом качестве заметно активизировало продажу национальных имуществ. Но это не могло решить все проблемы экономики. Церковной собственности было гораздо больше, чем на 400 млн., к тому же в августе сумма срочных долгов достигла около двух миллиардов ливров. В Конституанте стали возникать идеи увеличить эмиссию бумажных денег и погасить, таким образом, все долги королевства. Маркиз Монтескью обратился к депутатам от имени Финансового комитета 27 августа 1790г. с просьбой как-то разрешить сложившуюся ситуацию. В одном из своих предложений оратор настаивал на изменении функции ассигнатов, наделив их такими способностями настоящих денег, и резко увеличить выпуск последних [11, р. 350]. Это выступление вызвало в Собрании оживленную дискуссию. Вновь депутаты разделились на сторонников и противников бумажных денег. Одни хотели при помощи новых денег окончательно связать граждан с революцией, а другие доказывали негативные последствия реформ.

Одним из главных проводников новых идей был Мирабо. Великий трибун доказывал необходимость массовой эмиссии ассигнатов. Первый опыт по выпуску 400 млн. отчетливо показал оживление торговли. Необходимо так же отказаться от кредитной функции ассигнатов. Они, по его мнению, должны выполнять только роль денег: «ассигнаты

должны стать деньгами для всех, как и Революция должна быть для всех» [11, р. 359-364.]. Для усиления своего влияния граф активно использовал в качестве общественной трибуны газету «Курьер Прованса». Практически в каждом номере приводились аргументы в пользу ассигнатов [19, р. 61-65. р. 377.]. На страницах издания подвергалась критическим оценкам позиция Талейрана по государственному долгу. С финансовой и политической точки зрения Мирабо поддерживали Барнав и Ле Шапелье [11, р. 398].

Их главными оппонентами были Талейран, Лавуазье, Кондорсе и Дюпон де Немур. 18 сентября епископ Отенский вновь обратился к своим коллегам с доводами против ассигнатов. В этом большом выступлении можно выделить две основные группы противоречий: экономические и социальные. Талейран заявил о проблеме соотношения ассигнатов и металлических денег. Бумажные деньги будут всегда цениться меньше серебра: «мы почти не беспокоимся о соотношении, которое оно будет иметь со старыми деньгами, и о последствиях, которые могут возникнуть из-за этого... деньги, будучи поставлены в конкуренцию с бумагой, становятся товаром, и чем больше товара, тем больше он должен терять свою цену; дело в том, что с деньгами мы всегда сможем обойтись без ассигнаций, а с ассигнациями обойтись без денег будет невозможно...» [12, р. 49]. Талейран обратил внимание присутствующих на то, что эта разница в соотношении денег и ассигнатов отрицательно скажется на внутреннем и внешнем торговом балансе: «Все кредиторы, которым платят бумажными деньгами, теряют разницу, все должники, которым одолжили деньги звонкой монетой, выгадывают эту разницу... Следовательно, ассигнации нарушат всякое равновесие в торговле; поэтому все иностранные державы будут изучать положение государственного кредита, чтобы воспользоваться им; поэтому они купят дешево, а мы продадим дорого; поэтому они будут изымать реальными деньгами, в золоте и серебре, всю прибыль от своих спекуляций». Это было важное экономическое замечание. Социальные противоречия были следствием предыдущих и заключались в том, что «цена труда и заработной платы лишь медленно приходит в точное

соотношение с продуктами питания...это важно для класса людей, который питается одним своим трудом, будучи самым многочисленным, и его труд обычно обеспечивает только его ежедневное существование, его собственную конкуренцию и ежедневное возобновление его потребностей... Отсюда и самые шокирующие диспропорции: бедность наряду с изобилием» [12, р. 51]. «Обилие ассигнатов должно привести к обеднению всех рабочих физического труда и, следовательно, нанести ущерб успеху фабрик и процветанию деревни. Я настаиваю на этом соображении, потому что опасность, о которой я говорю, угрожает бедному и грозит ему каждый день»- подытоживал автор. Общий вывод докладчика только подтверждал ранее высказанные аргументы: «полный отказ от принудительного курса ассигнатов для уплаты государственного долга».

Лавуазье и Кондорсе так же доказывали возрастание цен на товары. Дюпон де Немур придерживался схожих взглядов, выступив в Собрании еще 15 апреля 1790г. В той речи депутат предрекая высокую инфляцию в экономике, предлагал коллегам максимально ограничить оборот бумажных денег. Для этого, по мнению автора необходимо было ограничить номинал ассигнатов 100 ливрами и поднять процент годовых до 30 [10, р. 54-55]. Второе выступление Дюпона состоялось 10 сентября. Оратор незадолго до этого выпустил анонимную брошюру, раскрывающую в общих чертах суть реформы. Собственно выступление было еще одной попыткой донести свою точку зрения членам Собрания. Де Немур признался в авторстве брошюры и еще раз подтвердил все финансовые риски бумажного денежного обращения [11, р.684-685.]. Несмотря на все доводы, большинство Собрания последовало за Мирабо и его сторонниками. В результате 29 сентября 1790г. принимается декрет, санкционирующий эмиссию 800 млн. новых уже беспроцентных ассигнатов [3, с. 64].

Таким образом, история бумажных билетов как накопительного средства закончилась. Ассигнат фактически превратился в бумажные деньги. Их оказалось так много, что население было просто не в состоянии обеспечить их капитализацию. Новый декрет только юридически закрепил этот факт,

констатируемый еще в августе. Для удобства в обращении выпускались новые купюры в 2000, 500, 100, 90, 80, 70, 60 и 50 ливров. Очень скоро в стране возник дефицит серебряных монет. Во многих городах перешли к обмену, заработную плату пробовали выдавать продуктами и товаром. Народ негодовал и часто устраивал беспорядки. Более того некоторые крупные торговцы даже стали чеканить собственные монеты (например парижские Моннероны). В 1791г. во Франции помимо ассигнатов в обороте находилось еще 63 вида кредитных билетов других банков[5, с. 135]. В общем, экономику охватил настоящий хаос, как и предсказывал Талейран. 12 декабря 1790г. Шарль Морис выступил по этому поводу в Учредительном собрании. Оратор предложил составить четкую десятичную весовую классификацию при изготовлении серебряных монет. Это позволило бы регламентировать расход драгоценного металла. Дефицит монет в 3 и 6 ливров предполагалось компенсировать большим количеством мелких в 24, 12, 6 су. Важным средством, по мнению аббата Перигора, являлись медные деньги. Для эмиссии, которых предлагалось переплавлять колокола [14, р.402-403.].

Но дефицит разменной монеты все нарастал. Собрание продолжало идти прежним курсом, расширяя сферу применения бумажных денег. 6 мая 1791г. был декретирован выпуск купюр в 5 ливров. Ранее этого не делали, боясь обесценивания заработных плат рабочих. 17 мая был разрешен свободный обмен ассигнатов на металлические деньги [3, с. 64-65.]. 20 июня Талейран в последний раз поднял вопрос о судьбе бумажных денег. На этот раз в контексте внешней торговли. Проанализировав состояние рынка за последние два года, автор констатировал потерю стоимости ассигнатов в 25%. Такое положение выгодно только для торговых партнеров Франции. Они могут приобретать товары дешевле. В тоже время отечественные производители теряют на этом существенную прибыль. Шарль Морис предложил два пути решения проблемы. Первый это «установление порядка в королевстве, это действие правительства, это подчинение установленным властям...Соблюдение принципов свободной торговли»[15, р. 351-355]. Второй способ это «необходимо заставить ассигнат приблизиться к стоимости денег». Но

поскольку в реальности это практически невозможно, Талейран предлагает производить обмен бумажных денег на товары, цены на которые еще не изменились. А именно предлагалась схема покупки колониальных товаров на ассигнаты с последующей продажей товаров за рубежом за золото и серебро. Разница, таким образом, возвращалась казначейству.

Последствия после полномасштабного введения бумажных денег в оборот не заставили себя долго ждать. По сообщению папского нунция 30 января 1792г. ассигнаты потеряли 44% своей номинальной стоимости. За золотой ливидор давали только 36 бумажных ливров. По официальным же данным весной 1792г. в Париже 100 ливров ассигнатами стоили 63 ливра 5 су. В департаменте Дуб обесценивание достигало 21%, в департаменте Мерты-28%, в Жиронде-33%, в Северном-29% и т.п.[5, с. 137]. Как следствие резко возросли цены. Если в 1790г. четверть муки стоила 2 ливра, то в 1795г. уже 225. Пара чулок за соответствующий период подорожала с 3 до 100 ливров. То есть рост цен произошел в 112 и 33 раза соответственно. Качественно изменилось соотношение размера заработной платы и стоимости продуктов. В 1790г. средняя заработная плата парижского рабочего составляла 26-30 су в день. К 1795г. она уже возросла до 120-350 ливров. При этом стоимость фунта хлеба увеличилась с 3 су до 50 ливров, фунта мяса с 9 су до 120 ливров [6, с. 197-198]. В Женеве, Гамбурге, Амстердаме и Лондоне обесценивание ассигнатов достигало от 50% до 60%. Все это в итоге заставило революционные власти постепенно вернуться к металлическому обращению. Что и было сделано к 1798г [3, с. 156-160].

Параллельно с принятием мер по ликвидации долгов государства, законодатели сосредоточились на совершенствовании налоговой системы. Наибольшую нагрузку ранее несли треть сословие и крестьянство, а дворянство и духовенство платили значительно меньше положенного. К началу революции сумма прямых налогов (капитация, двадцатина, талья) достигала порядка 200 млн., а косвенных (габель, эд, октруа и др.) 243,5 млн. ливров[2, с.100]. Первые попытки реформирования в этом плане проводились еще при абсолютизме. Так генеральные контролеры

финансов Тюрго в 1776г. и Калонн в 1787г. предлагали ввести единый всесословный земельный налог[1, с. 37-59]. Но это дополнение наткнулось на сильную дворянскую оппозицию, и было отклонено вместе со своими авторами. Собрание взялось более решительно. Предстояло кардинально перестроить систему, а не просто ее дополнить. От сословной фискальной системы революция перешла к равноправной в зависимости от доходов. В начале сохранялась прежняя система, предусматривающая взимание всех прямых и косвенных налогов до конца 1790г., правда с послаблением. Одновременно старые ненавистные обществу налоги отменялись и вводились новые. В 1790г. был отменен габель, а в 1791 эд, октруа и табачная монополия. В основу новой системы становился принцип равенства между всеми гражданами, пропорциональность доходам и регламентация срока внесения. Об этом было объявлено еще 7 октября 1789г [3, с. 51].

От имени Налогового комитета Ларошфуко 18 августа 1790г. обещал депутатам подробное изложение всех проектов налогообложения [11, р. 143]. Докладчик подтвердил приверженность ранее выбранному курсу либерализации налогообложения. Также предлагалось отменить внутренние таможи и установить единые пошлины. 23 ноября Собрание декретировало первый прямой налог – поземельный. С 1 января следующего года им облагались все собственники земли. Денежная сумма зависела от среднего размера дохода хозяина, взятого за последние 15 лет [3, с. 56]. В январе - марте 1791г. принимаются еще два прямых налога: налог с движимого имущества и торгово-промышленный. Первый предусматривал комплексное пятиуровневое налогообложение владельцев недвижимости, а второй затрагивал только предпринимателей.

Талейран выступил с обширным докладом о совершенствовании налоговой системы 22 ноября 1790г. Его позиция не противоречила принимаемым проектам. Выступление должно было привлечь внимание законодателей на ключевые моменты, которые, по мнению автора, дополнили бы некоторые пробелы. Оратор разделил все налоги на четыре группы: касающиеся человека, недвижимости, товаров и общества. «Между этими четырьмя частями

общественного дохода не должно быть ничего противоречащего, хотя вклад в одних частях прямой, а в других косвенный» - отмечал Шарль Морис [13, р. 638]. Отмечая вклад Собрания в налоговую систему, депутат просил разработчиков при составлении размеров отчислений учитывать реальное состояние дел в обществе. Например, размер дохода земледельцев очень зависим от времен года. Отметил Талейран и роль косвенных налогов, вопрос о которых тогда еще рассматривался. По его мнению: «Большие города, где связи более многочисленны, а богатство более распространено, будут платить наибольшую часть этого налога и что аналогичными средствами они могут способствовать облегчению положения в сельской местности... Бедный человек видит, в потребление богатых, дополнительный личный вклад; и это моральное соображение, возможно, небезразлично и сегодня» [13, р. 640-650]. Докладчик выступил так же инициатором учреждения одного из таких налогов – регистрационного сбора, распространяющегося на юридические и нотариальные акты. Талейран в своем проекте даже составил размер пошлин для каждой операции. Как мы уже знаем эти предложения не остались без внимания при последующем рассмотрении законопроектов. Регистрационный сбор был декретирован уже 5 декабря 1790г. практически в тех же тарифах. Впоследствии к нему прибавятся и другие виды косвенных налогов (ипотечный, гербовый).

Епископ Отенский соединял социальные проблемы с экономическими. Характерным примером может служить отмена королевской лотереи, инициированная им еще 12 декабря 1789г. Талейран, как известно, еще, будучи Генеральным агентом духовенства, ратовал за ее отмену. Теперь же с падением абсолютизма у Шарля Мориса как депутата Учредительного собрания Франции появилась реальная возможность упразднить лотерею. Оратор с высокой трибуны говорил: «Я

докажу, что такая игра одновременно и в высшей степени несправедлива и аморальна и что никакой предлог не спасет ее от полного запрета... эта лотерея, которая под прикрытием своего августейшего названия, кажется, бросает вызов общественной цензуре» [8, р. 548-554.]. И Талейран действительно доказал это, приведя семь различных способов игры этой лотереи. В каждом из них государство оставалось в выигрыше, получая от 9 до 12 млн. ливров ежегодно. Вывод автора однозначен: «Управлять людьми - значит знать их истинные потребности, а не подчиняться их бессмысленным прихотям...это новый источник нищеты и коррупции; и государство освободится от него только тогда, когда королевская лотерея Франции, которая по незнанию защищает все эти беспорядки, будет уничтожена».

Заключение. Новые реформы, конечно, способствовала общему укреплению финансовой системы революционной власти. Но в условиях социальной напряженности и недоверия никто в обществе особенно не торопился вносить налоги. И эти небольшие средства в целом не могли решить проблему долгов. Население стремилось придерживать металлические деньги в закромах, с подозрением относясь к ассигнатам. Обширные экономические проекты Талейрана в первый период революции продемонстрировали его превосходное владение экономической теорией и практический опыт, приобретенный в дореволюционный период. Бывший епископ Отенский сумел правильно расставить акценты в случае усиления бумажного денежного обращения. Фактически негативные последствия этих реформ были предсказаны им в точности. Его выступления о совершенствовании налоговой системы и ликвидации королевской лотереи демонстрируют нам заботу о бедных, стремление частично переложить тяготы последних на плечи богатых. Он выступал здесь с либерально- демократических позиций.

Список литературы

1. Берго И. Б. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 годах // Сб. Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М.: Наука. 1988. 270 с. С. 37-59.
2. Блуменау С. Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789-1791 годах. Брянск. Курсив. 2011. 216 с.
3. Документы истории Великой французской революции. Т. 2. М.: Издательство МГУ. 1992. 350 с.

4. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 1. Кн. 2. М.: Прогресс. 1977. 407 с.
5. Матъез А. Великая Французская революция. Ростов-на-Дону. Феникс. 1995. 576 с.
6. Фалькнер С.А. Бумажные деньги Французской революции (1789-1797). М.: Редакционно-издательский отдел ВСНХ. 1919. 328 с.
7. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 8. 1875. 731 p.
8. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 10. 1878. 812 p.
9. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 12. 1881. 787 p.
10. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 13. 1882. 791 p.
11. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 18. 1884. 808 p.
12. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 19. 1884. 800 p.
13. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 20. 1885. 784 p.
14. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 21. 1885. 795 p.
15. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 27. 1887. 802 p.
16. Buchez Ph. et Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées Nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. T. 1. P.: Hetzel éditeur. 1846. 500 p.
17. Buchez Ph. et Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées Nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. T. 2. P.: Hetzel éditeur. 1846. 520 p.
18. Buchez Ph. et Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées Nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. T. 8. P.: Hetzel éditeur. 1834. 479 p.
19. Le Courier de Provence. 1790. T. 8. № 138. № 150.
20. Gazette Nationale ou le Moniteur Universel. № 39. 9-10. 8. 1789г.
21. Gazette Nationale ou le Moniteur Universel. № 70. 11.3. 1790г.
22. Gazette Nationale ou le Moniteur Universel. № 90. 13-17. 11. 1789г.
23. Gazette Nationale ou le Moniteur Universel. № 94. 24. 11. 1789г.

C. M. TALLEYRAND AND THE MODERNIZATION OF THE FRENCH FINANCIAL SYSTEM IN 1789 - 1791.

The article examines the financial problems of France in the period 1789-1791. At the end of the Ancien Regime, the state faced very serious problems in the financial sector: a huge public debt and an ineffective fiscal system. These problems, which accumulated over many years of absolutism, became one of the causes of the revolution. It is not surprising that the Constituent Assembly tried to resolve these issues as a matter of priority. Among the measures taken by legislators, it is worth noting the introduction of paper money - an assignat to ensure the sale of national property and the development of new progressive taxes. Charles Maurice Talleyrand was one of the representatives of those reformers who made a significant contribution to the creation of the new financial system of the kingdom. Having previously held the post of general agent of the clergy, the Bishop of Autun was well acquainted with the problems in the current sphere, which allowed him to draw the correct conclusion about the current state of the state's economy. The study shows Talleyrand's role in eliminating the tax burden of the Old Regime and the reformer's point of view on the introduction of assignats.

Keywords: French Revolution, national debt, Talleyrand, Mirabeau, assignat, issue, Constituent Assembly, taxes.

References

1. Bergo I. B. (1988). *Parlamentskaya oppozitsiya absolutizmu I popitki reform v 1749-1776. Francuzskaya revoliutsiya XVIII v. Akonomika, politika, ideologiya* [Parliamentary opposition to absolutism and attempts at reform in 1749-1776. French Revolution of the 18th century. Economics,

politics, ideology]. Moskva: Nauka.

2. Blumenau S. F. (2011). *Revolucionnie preobrazovaniya Uchreditelnogo sobraniya vo Francii v 1789-1791* [Revolutionary transformations of the Constituent Assembly in France in 1789-1791]. Bryansk: Kursiv.

3. *Dokumenti istorii Velikoj Francuzskoj revolucii. T 2* (1992). [Documents of the history of the Great French Revolution T. 2.]. Moskva: MGU.

4. Zhores Zh. (1977). *Socyalisticheskaya istoriya Francuzskoj revolucii. T 1. Kn. 2* [Socialist history of the French Revolution]. Moskva: Progress.

5. Matez A. (1995). *Velikaya Francuzskaya revoliuciya* [The French Revolution]. Rostov-na-Donu: Feniks.

6. Falkner S. A. (1919). *Bumazhnie dengi Francuzskoj revolucii (1789-1799)* [Paper money of the French Revolution (1789-1797)]. Moskva: Redakcionno – izdatelskij otdel VSNH.

7. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 8. 1875. 731 p.*

8. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 10. 1878. 812 p.*

9. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 12. 1881. 787 p.*

10. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 13. 1882. 791 p.*

11. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T 18. 1884. 808 p.*

12. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 19. 1884. 800 p.*

13. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 20. 1885. 784 p.*

14. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 21. 1885. 795 p.*

15. *Archives parlementaires dé 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. T. 27. 1887. 802 p.*

16. *Buchez Ph. et Roux P. Histoire parlementair de la Révolution francaise, ou journal des Assemblées Nationales depuis 1789 jusqu`en 1815. T. 1. P.: Hetzel éditeur.1846. 500 p.*

17. *Buchez Ph. et Roux P. Histoire parlementair de la Révolution francaise, ou journal des Assemblées Nationales depuis 1789 jusqu`en 1815. T. 2. P.: Hetzel éditeur.1846. 520 p.*

18. *Buchez Ph. et Roux P. Histoire parlementair de la Révolution francaise, ou journal des Assemblées Nationales depuis 1789 jusqu`en 1815. T. 8. P.: Hetzel éditeur.1834. 479 p.*

19. *Le Courier de Provence. 1790. T. 8. № 138. № 150.*

20. *Gazette Nationale ou le Moniteur Universsel. № 39. 9-10. 8. 1789г.*

21. *Gazette Nationale ou le Moniteur Universsel. № 70. 11.3. 1790г.*

22. *Gazette Nationale ou le Moniteur Universsel. № 90. 13-17. 11. 1789г.*

23. *Gazette Nationale ou le Moniteur Universsel. № 94. 24. 11. 1789г.*

Об авторе

Самсаров Александр Ивайлович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

Samsarov Aleksandr Ivajlovich – graduate student of the Department of World History, international Relations and International Law Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

УДК 94(470)''17/18''

Хроленок Е.В., кандидат исторических наук, соискатель (докторант) Белорусского государственного университета (Беларусь)

СТАРОДУБСКИЕ КАЗАКИ В ИРРЕГУЛЯРНЫХ ЧАСТЯХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XVIII – XIX В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

В статье на основе широкого круга архивных источников подробно рассмотрена, через самоидентификацию представителей сословия, история участия стародубских казаков в иррегулярных частях российской армии в конце XVIII – XIX в. Исследование проведено с использованием методологических практик новой локальной истории. Автор характеризует исследуемый период в истории Стародубского края как постпограничный. Но приходит к выводу о необходимости рассмотрения истории региона в конце XVIII – XIX в. с учетом существования не только административной, но и фантомной границы между Стародубщиной и землями бывшей Речи Посполитой. Именно наличие подобной границы во многом и определяло поведение представителей казачьего сословия. Несмотря на ликвидацию Стародубского полка – военно-административной единицы Малороссийского генерал-губернаторства в конце XVIII в., казаки еще в 1860-е гг. продолжали отождествлять себя с военным сословием и готовы были встать на охрану границы по примеру своих предков. В то же время подчеркивается, что отсутствие собственного войска послужило одной из главных причин активного переселения стародубских казаков на Кавказ и в Причерноморье. При этом российское правительство было в полной мере осведомлено о подобной местной специфике и принимало меры к ее направлению на благо государства в сложные для него периоды.

Ключевые слова: Стародуб, казаки, малороссийские полки, пограничный регион, локальная история, войны XIX века, переселение на Кавказ, исторические трансформации.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-100-109

Введение. В современной историографии все чаще объектом исследований становятся пограничные регионы. Возможность работать с архивами различных государств вывела данные работы на новый уровень. Одним из таких пограничных пространств является территория Стародубщины – исторического региона с центром в г. Стародуб большей частью сегодня входящая в состав Брянской области Российской Федерации. Стародубщина приобрела статус пограничного региона еще в 1503 г., когда была включена в состав Российского государства, и сохраняла его до конца XVIII в.

Неотъемлемым элементом пограничья является проживание на его территории военного населения. Не стала исключением и Стародубщина. Ко второй половине XVIII в. казаки здесь являлись наиболее активным и влиятельным сословием. При этом с потерей статуса порубежного региона у российского правительства появилась необходимость и в реформировании военной службы стародубских казаков.

История малороссийских войск конца XVIII – XIX в. начала привлекать внимание ученых еще в дореволюционный период, а после распада СССР данная тема вновь

приобрела популярность. Так, существуют труды российских и украинских историков посвященные как в целом малороссийскому так и непосредственно стародубскому казачеству. Однако на сегодняшний день отсутствует комплексное исследование описывающее историю стародубских казаков после упразднения полкового деления и обобщающее опыт использования данного сословия российским правительством в военных конфликтах XIX в. При этом необходимость подобного исследования продиктована в первую очередь возвращением в конце XX в. Стародубщины к статусу пограничного региона. Попыткой восполнить этот пробел является и настоящая работа.

Таким образом, цель настоящего исследования – установить особенности несения военной службы стародубскими казаками в составе иррегулярных частей российской армии сформированных по сословному признаку в конце XVIII – XIX в., через раскрытие проблем самоидентификации казачества пограничного региона находящегося в процессе глубокой трансформации.

Объект и методы исследования. Объектом представляемого исследования является

сама территория исторической Стародубщины, состоящая из четырех северных уездов Черниговской губернии: Новозыбковского, Суражского, Мглинского и Стародубского. При этом в рассматриваемый период регион уже утратил статус порубежья, начался этап в его истории, который можно охарактеризовать как постпограничный. При этом говорить об утрате краем в полном объеме своей пограничной специфики преждевременно. Между Стародубщиной и новоприсоединенными землями бывшей Речи Посполитой проходила не только административная, но и так называемая фантомная граница, разделявшая разное в ментальном аспекте население. Таким образом, для понимания происходивших в регионе процессов необходимо применить социально-психологический подход, учитывающий самоидентификацию жителей края, осознание ими государственной принадлежности, отождествление «своей – чужой» земли.

Установление в качестве объекта исследования территории Стародубщины подразумевает и определение ее места в системе государства. Такие взаимоотношения между локальным пространством и центром притяжения наиболее органично рассматриваются путем встраивания их в систему «центр-периферийных» отношений. Данная практика является актуальной и для современных локальных исследований. При этом Стародуб хоть и являлся периферией по отношению к столице, но в то же время и сам оставался центром локального пространства. Несмотря на то, что региональные исследования обозначают в качестве своего объекта определенную территорию, социум которой обладает только ему присущими специфическими чертами, ее история не может противопоставляться национальной, а должна развиваться и дополнять ее.

Результаты и их обсуждение. Пограничный статус Стародубщины в XVI–XVIII вв. позволил оформиться, а в дальнейшем и закрепиться в регионе казачьему сословию. Казаки в своей эволюции проделали путь от небольшой группы служилых людей до титульного сословия края. Наибольшего влияния казачество Стародубщины достигло к середине XVII в. когда жители поддержали национально-освободительное восстание под руководством Богдана Хмельницкого.

Образовавшееся сословие поглотило массу крестьян, мещан и даже шляхты. В регионе был образован Стародубский полк, ставший военно-административной единицей Войска Запорожского, а затем с 1764 г. Малороссийского генерал-губернаторства. Однако с расширением Российской империи Стародубщина утратила положение пограничного региона, что ставило под вопрос целесообразность сохранения казачьего войска в крае. С 1780-х гг. российское правительство начало реформы, направленные на приведение населения региона к общероссийским нормам. Данные реформы, проведенные в конце XVIII – XIX в. направленные на преобразование военного сословия столкнулись с инерцией в среде казачества. Однако подобная консервативная позиция не всегда носила отрицательный характер. Российское правительство смогло использовать стремление казачества нести военную службу в интересах государства.

Так, с 1782 г. в Малороссийском генерал-губернаторстве было отменено полковое деление, вводился институт наместничества. Стародуб стал центром одноименного уезда в составе Новгород-Северского наместничества (с 1796 г. Малороссийской, а с 1802 г. Черниговской губернии). Затем последовала и военная реформа. В 1783 г. Стародубский полк укомплектованный выборными казаками был распущен. Вместо него был учрежден Стародубовский конный полк (с 1784 г. карабинерный). За исключением принятых в него карабинеров, стародубские казаки были оформлены в «невоенное казачье сословие». Как видим, ликвидация территориального войска ставила их в положение казенных крестьян.

Зачисленные же в Стародубовский карабинерный полк казаки, проявили себя в военных кампаниях конца XVIII в. Так, за проявленную храбрость в боях во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. многие казаки удостоились наград. Во время Войны второй коалиции 1798–1802 гг. Стародубовский полк участвовал в Швейцарском походе, где отличился в «деле» под Диссенгофеном [13, с. 8, 10, 19].

Однако Стародубовский полк являлся частью регулярной армии, и после 1784 г. уже никогда не комплектовался по сословно-территориальному принципу. В результате ротации личного состава большинство из

стародубских карабинеров закончили службу в других воинских частях.

Однако Стародубовский полк являлся не единственным, куда были призваны стародубские казаки во время русско-турецкой война 1787–1791 гг. Так, они были набраны в состав Малороссийского конного казачьего полка. Тот по завершении боевых действий был переименован в 3-й Чугуевский и в 1796 г. распущен. Кроме того, стародубские казаки еще в 1786 г. поступили в Малороссийский гренадерский полк. Кроме того, в 1790 г. был создан, как временная воинская часть Малороссийский корпус пеших стрелков, укомплектованный, в том числе и стародубскими казаками-подпомощниками [18].

Несмотря на активное участие стародубцев в кампаниях конца XVIII в., на восстановление территориального войска российское правительство не пошло, а наоборот распространило на казаков Малороссийского генерал-губернаторства в 1797 г. рекрутскую повинность. В то же время на протяжении XIX в. правительство неоднократно прибегало к помощи стародубских казаков в чрезвычайных обстоятельствах, как для охраны территории самого региона, так и для укомплектования новых формируемых казачьих войск на Кавказе и в Причерноморье.

Первая попытка использовать ветеранов кампаний 1780–1790 гг. была предпринята уже в 1807 г. Тогда в ожидании войны с Францией началось формирование Земского войска. Проходившие службу в воинских частях казаки и крестьяне зачислялись в ландмилицию. Всего таких ветеранов в Стародубском повете оказалось 214 человек, а в Суражском 95, которые были распределены по четырем уездным отделениям [18, л. 37–54; 19, л. 47–66]. Кроме того, из местного населения всех сословий был произведен набор в ратники ополчения. Так, например, в Земское войско поступило 18 казаков из Суражского повета и 109 из Стародубского. Ратники собирались обществами по правилам очередного рекрутского набора. При этом не подлежали призыву казаки-почтальоны определенные «для возки письменной почты», которые были освобождены от повинностей еще по указу 1765 г. [3, л. 137–155].

Само же Земское войско имело крайне упрощенную структуру и состояло из тысяч,

пятисотен и сотен. Для руководства ополчением в апреле 1807 г. были составлены списки дворян в возрасте от 20 до 50 лет годных к несению воинской службы. Так, по Стародубскому повету в список было включено 80 человек, а по Мглинскому 70 [8, л. 46–69]. Кроме того из числа местных дворян пятисотенным был назначен штаб-ротмистр Федор Немирович-Данченко, а стародубскими сотниками: 1-ой сотни подпоручик Яков Плешко, 3-ей – Иван Силевич [7, л. 16]. Одна из Стародубских сотен в марте 1807 г. была направлена в поветовый город для обучения стрельбе [20, л. 19–22]. В дальнейшем часть этих ополченцев была включена в состав стрелкового батальона, который в апреле 1807 г. получил приказ выступить в Вильно [9, л. 5–41]. Остальные ратники в сентябре 1807 г. в связи с заключением Тильзитского мира были распущены по домам.

В то же время население Черниговской губернии, в том числе и Стародубщины, столкнулось с проблемой малоземелья. В целом она была характерна для всех регионов Малороссийского генерал-губернаторства, но в отношении северных уездов являлась наиболее актуальной. Так как территория Стародубщины ввиду географических особенностей не располагала таким количеством пахотных земель, как южные регионы Левобережья, а рост населения к началу XIX в. вывел эту проблему на первый план.

Российское правительство пытаясь решить одновременно и проблему малоземелья и организацию военной службы казаков предоставило им право переселиться на земли Черноморского войска. Такое решение нашло понимание у жителей Стародубщины и многие казаки воспользовались предоставленной им возможностью. Полагаем, что при этом вопрос о земле не всегда являлся главенствующим. Показательным выглядит пример переселившегося вместе с семьей в 1809 г. на Кубань казака с. Душкино Стародубского повета – Андрея Монаки [1, л. 23]. Тот еще в 1783 г. назывался куренным атаманом в своем селе, а, следовательно, вероятнее всего являлся зажиточным казаком [23, л. 11об.]. Значит, первопричиной его переселения являлась все же не нехватки земли, а стремление нести военную службу по примеру своих предков.

Вторжение армии императора французов Наполеона Бонапарта в Россию началось 11 июня 1812 г., а высочайший рескрипт об организации Малороссийских казачьих полков был издан уже 25 июня 1812 г. Правительство предлагало казакам образовать свои полки, которые по окончанию войны хоть и будут распущены, но «навсегда останутся принадлежащими к украинскому войску» [16, с. 47]. Идея формирования собственного войска нашла отклик у стародубцев. Они полагали, что теперь также как и их предки будут являться на службу по призыву государства, а после окончания боевых действий расходиться по домам. Таким образом, можно утверждать, что стародубские казаки в это время продолжали отождествлять себя с военным сословием и были готовы к несению службы. В результате такого народного подъема уже к 31 июля был сформирован 6-ой Черниговский казачий конный полк. В него поступило из Стародубского повета 262 города Стародуба и Мглинского повета 374 казака. Среди них были и 24 дворянина из числа положенных в оклад, которых произвели в унтер-офицеры. Вахмистрами были назначены 6 казаков – ветеранов военных кампаний конца XVIII в. В сентябре 1812 г. полк поступил под командование ротмистра Барсукова [15, л. 548–563]. Малороссийские полки организовывались, как легкая кавалерия и имели наибольшее сходство с уланскими. На вооружении каждого казака были сабля, уланская пика и два пистолета [12, с. 3].

Наличие в числе вахмистров 6-го Черниговского полка отставных стародубских казаков, вновь говорит о стремлении их к несению воинской службы. Так, один из них – житель с. Горчаки Стародубского повета Михаил Леоненко поступил на службу еще в 1789 г., а был отставлен из Лейб-кирасирского полка в 1805 г. Уже в 1807 г. его зачислили в ландмилицию Земского войска [18, л. 38об.]. В составе же 6-го Черниговского полка Михаил Леоненко пробудет вплоть до его расформирования в 1816 г. [15, л. 549об.].

Еще 29 июля 1812 г. французские войска заняли Чечерск, а 30 июля Речицу. Таким образом, Стародубщина вновь оказалась пограничьем. Чтобы не допустить вторжения неприятеля на территорию Малороссийского генерал-губернаторства, еще не до конца

сформированные казачьи полки выступили на административную границу Черниговской губернии, где смогли остановить наступление противника. 14 сентября 300 казаков 6-го Черниговского полка вступили в бой с переправившимися через р. Днепр союзными Наполеону польско-немецкими войсками и отбросили их за пределы Черниговской губернии. 12 октября французы вновь заняли Чечерск и продолжили наступление на Стародубщину, однако были остановлены казаками. Одновременно с этим польские союзники форсировали р. Сож, но были разбиты в столкновениях с 6-м Черниговским казачьим полком. 2 ноября полк в составе корпуса генерал-лейтенанта Н.В. Гудовича выступил на Могилев для освобождения города. Во время наступления казаки неоднократно вступали в бои с противником, чем внесли свой вклад в освобождение территории современной Беларуси от неприятеля. Однако Могилев был занят русскими войсками еще до подхода черниговцев [14, с. 130–135].

С ноября по февраль 1813 г. полк был расквартирован на Правобережной Украине, а затем получил приказ следовать на территорию Герцогства Варшавского. В 1812 г. погиб или пропал без вести 31 стародубский казак 6-го Черниговского полка, еще 29 умерли от ран или болезней, что составляло более 20% от общего числа казаков призванных из Стародубского повета [15, л. 548–563].

Как видим, стародубцы в этот раз, как и их предки, несли службу, связанную с охраной границы, что вероятно только подкрепляло в их уверенности о принадлежности к военному сословию и идентификации «своей – чужой» земли. Фантомная граница на короткий период оказалась вновь полноценной.

Во время Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. 6-ой Черниговский конный казачий полк находился на территории Герцогства Варшавского, где принимал участие в осаде крепостей Замостье (в составе корпуса генерал-лейтенанта С. Ратта) и Модлин (в корпусе генерал-лейтенанта А. Клейн-михеля). Кроме того в этот период, стародубцы несли караульную службу, конвоировали пленных, выполняли курьерские обязанности [14, с. 139–140]. В Заграничном походе 1813–1814 гг. умерли или погибли еще 4 стародубских казака, и столько же находилось в

лазаретах к осени 1814 г. [15, л. 548–563].

30 сентября 1814 г. Малороссийские полки получили приказ возвращаться в места формирования. Казаки хоть и были распущены по домам, но оставались в положении запасных. В 1816 г. полки были окончательно расформированы.

Казаки для участия в этом военном конфликте выставили одного человека с 25 ревизских душ. Казачьи общества самостоятельно оплачивали его обмундирование, восполняли убыль в людях и лошадях, снабжали провиантом на протяжении 4-х лет, что нанесло им значительный экономический урон. После роспуска полков и до 1819 г. правительство еще подтверждало свое намерение о восстановлении малороссийского войска, но затем от этой идеи окончательно отказалось. Казаки получили лишь краткосрочное освобождение от уплаты налогов и несения рекрутской повинности [16, с. 52].

Затраты понесенные за время существования малороссийских полков казаки пытались компенсировать различными (не всегда этичными) способами. Интересным здесь представляется пример казака с. Запольские Халеевичи Стародубского повета Ивана Игнатова Беляева поступившего в 6-ой Черниговский полк. Согласно послужному списку, составленному в августе 1814 г. он числился среди пропавших без вести еще «за командованием ротмистра Барсукова» – т.е. с 1812 г. [15, л. 560]. В это же время в с. Запольских Халеевичах скончался бездетный брат Беляева, что в совокупности дало повод его родственникам занять принадлежавший братьям земельный надел. Однако, не позднее 1816 г. Иван Игнатов Беляев возвратился в родное село, где нашел свой двор занятым. Отказываясь возвратить ему имущество, родственники ссылались, в том числе на то, что со своего надела несли обязанности по содержанию полков за себя и за его покойного брата. Не найдя возможности возвратить имущество Иван Беляев «пустился в пьянство», а затем в 1820 г. уступил право требования своего земельного надела стародубскому мещанину Михаилу Лобачевскому в обмен на содержание своего сына. Тот же в свою очередь обратился в поветовый суд и смог не только возвратить имение, но и получить компенсацию за все время неправомерного его удержания [2].

Подобные случаи показывают сложную экономическую ситуацию, сложившуюся на Стародубщине к 20-м гг. XIX в. С целью ее урегулирования накопившихся в регионе проблем российское правительство вновь прибегло к хорошо зарекомендовавшему себя способу, предоставив в 1820 г. казакам право переселения на земли Причерноморья. Полагая, что и в этот раз решение правительства встретило одобрение у жителей Стародубщины. Уже в 1822 г. только из Суражского уезда выбыло на переселение не менее 77 казачьих семей [5]. Такие высокие темпы миграции позволили выполнить план по заселению новообразованного казачьего войска уже к 1825 г., что не только «разряжало» ситуацию на Стародубщине, но и способствовало укреплению Черноморского войска.

Однако, в ноябре 1830 г. в Варшаве началось восстание, целью которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. К весне 1831 г. оно охватило всю территорию Царства Польского и перекинулось на белорусские и украинские губернии. Неудачи регулярной армии заставили императора Николая I вспомнить положительный опыт использования черниговских и полтавских казаков в 1812–1814 гг. На его запрос о возможности формирования новых полков малороссийский генерал-губернатор Н.Г. Репнин докладывал, что казаки готовы встать на защиту Отечества. 6 мая 1831 г. последовал рескрипт о создании восьми полков легкой кавалерии из казаков. Еще в своем сообщении императору Н.Г. Репнин писал, что «народ сей, сохранивши доселе воинственный дух предков своих, сохранил и древнюю ненависть к ляхам, под игом коих стонал край сей более трех веков» [16, с. 58–59]. Это и стало главным доводом при призыве казаков на службу. Желание многих из них добровольно поступить в создаваемые полки можно объяснить как раз вопросами их самоидентификации. Община также, отдавая своих членов в формируемые полки, характеризовала это как выполнение древней «казацкой повинности». Всего же в 8-ой Малороссийский казачий полк поступило 94 казака из Стародубского уезда в возрасте от 20 до 39 лет [17, л. 27–41].

Казачьи полки организовывались по примеру уланских. При этом на дворянство

была возложена обязанность обеспечения казаков лошадьми и фуражем, а община должна была предоставить обмундирование и провиант. Из казны предоставлялось лишь вооружение – сабли, пики и пистолеты.

14 августа полки выступили в поход и в начале сентября прибыли в Минск, где должны были войти в состав Резервной армии графа П. Толстого. Однако к моменту их прибытия эта армия уже была расформирована, и казаки поступили в распоряжение генерал-лейтенанта Савина командовавшего 4-м корпусом 1-ой армии. К тому времени восстание уже фактически было подавлено. В задачи казаков входила обязанность по борьбе с отдельными отрядами повстанцев, действия которых уже носили партизанский характер, конвоирование пленных, выполнение полицейских функций [14, с. 144, 147].

В октябре 1831 г. был издан манифест об окончании польской кампании, а в ноябре 8-ой Малороссийский казачий полк получил приказ возвращаться в места формирования. По прибытии на родину стародубцы были распущены по домам, но в 1832 г. собраны вновь. Полк был расформирован, а его казаки были раскассированы между различными кавалерийскими частями и продолжили службу на общих основаниях.

За участие в подавлении Польского восстания в 1831 г. стародубцы вновь получили льготы от правительства. Им был уменьшен срок военной службы до 15 лет, причем теперь казаков отправляли только в кавалерийские части. Также был уменьшен размер подушной подати до двух рублей, включая 55 коп. за продажу вина. Помимо того в разное время им предоставлялись и другие налоговые послабления [16, с. 72–73]. Однако маловероятно, что это оправдало надежды населения. Восстановления собственного войска, как того желал и Н.Г. Репин, не случилось. В то же время казакам из отставных солдат было предоставлено право переселения в Кавказскую область, чем и воспользовались некоторые стародубцы в начале 40-х гг. XIX в. [6, л. 129об., 420об., 544об.].

Стимулируя переселение на земли Линейного войска отставных солдат из казаков, российское правительство вновь решало несколько задач одновременно: удаление беспокойных элементов с территории Малороссии

и усиление казачьего войска в борьбе с горцами. В то же время факты такого переселения позволяют увидеть ошибочность тезиса встречающегося в историографии о том, что на Кавказ переселялись не казаки, а только фактически казенные крестьяне, не имеющие представления о воинской службе.

Здесь мы можем вновь обратиться к фактам из биографии жителей региона. Так, казак с. Запольские Халеевичи Стародубского повета Конон Пика в 1812–1814 гг. проходил действительную службу в 6-ом Черниговском казачьем полку [15, л. 557об.]. В 1831 г. при формировании новых полков он вновь вступает в армию в состав 8-го Малороссийского полка [17, л. 35]. В дальнейшем сведений о нем и членах его семьи обнаружить не удалось. Можно предположить, что это объясняется тем, что Конон Пика и был среди тех отставных солдат, кто воспользовался правом переселения на земли Кавказского казачьего линейного войска.

В дальнейшем жизненный уклад стародубских казаков претерпел значительные изменения. Так, в 1835 г. была принята окончательная редакция устава об управлении малороссийскими казаками, которая фактически поставила их в один ряд с казенными крестьянами. Как следствие этого в конце 1840-х гг. началась новая кампания по переселению жителей Малороссии на земли Линейного войска. Так, в 1847 г. только из Поповогорской волости Суражского уезда выехало 75 семей, а в 1848 г. не менее 31 семейства казаков Стародубского уезда покинуло родные края [10, л. 36–56; 6].

Однако вскоре тяжелое положение во время Крымской войны 1853–1856 гг. вновь послужило поводом для очередного формирования казачьих полков в регионе. 7 мая 1855 г. по указу императора Александра II малороссийские казаки были призваны в Государственное подвижное ополчение на временную службу. В Черниговской губернии организовывались два Малороссийских конно-казачьих полка – 5-й и 6-й. Каждый из них состоял из 7-ми сотен – 6 действительных и 7-я резервная. В этот раз обязанность по покупке снаряжения частично легла на казачьи общества, а часть обеспечивалась земским сбором. В качестве вооружения из арсеналов казакам выдавался пистолет, сабля и пика [14, с. 161].

Стародубские казаки вошли в состав 6-й сотни 6-го Малороссийского конно-казацкого полка [22, л. 63–70]. Несмотря на то, что его формирование было незакончено казаки 1 декабря 1855 г. выступили в Финляндию и прибыли в Гельсингфорс 14 марта 1856 г. Однако уже 18 марта был подписан Парижский мирный договор. На следующий день император Александр II лично провел смотр черниговских конно-казацких полков, после чего они получили приказ возвращаться в места формирования. Стародубцам хоть и не довелось принять участие в боевых действиях, но во время финского похода полки потеряли до 10% своей численности в результате болезней и несчастных случаев [14, с. 163–165].

17 февраля 1856 г. была упразднена должность малороссийского генерал-губернатора. Начавшиеся реформы императора Александра II в конечном счете привели к размыванию казачьего сословия на Стародубщине. Казалось, что уже ничто не связывало жителей края с прежним воинственным населением пограничного региона. Однако в январе 1863 г. на территории бывшей Речи Посполитой вновь началось восстание. В отличие от событий тридцатилетней давности повстанцы избрали иную тактику. Понимая бесперспективность прямых столкновений с регулярной русской армией, они вели партизанские действия. Российское правительство, опасаясь распространения волнений на территорию Черниговской губернии, в апреле 1863 г. приняло решение о необходимости формирования на ее границе вооруженных караулов из местных крестьян. А уже в мае с целью их усиления начинается процесс формирования казацких полков: двух в Полтавской и одного в Черниговской губернии.

Задачи по их комплектованию были возложены на Министерство государственных имуществ, которое обязывалось обеспечить их всем необходимым. На вооружение казаки получили сабли, пики и винтовки. Отдельной формы для них введено не было, но чтобы обозначить отличие от сельской стражи, казаки Черниговского полка получили погоны с номером полка, черные смушковые шапки со светло-зеленым шлыком и такого же цвета пояс [14, с. 176].

В этот раз при комплектовании полков правительство делало ставку на добровольцев.

Несмотря на то, что с момента упразднения Войска Запорожского прошло уже 100 лет, казаки охотно становились под знамена казацких полков. Они вновь ассоциировали себя с защитниками Отечества, а польских повстанцев воспринимали, как своих традиционных врагов. Таким образом, можно говорить о том, что определенные черты в самоидентификации населения, как пограничного региона продолжали существовать в сознании стародубских казаков еще в 1863 г.

Удивительной выглядит мысль М.А. Максимовича высказанная им Н.И. Гилярову-Платонову о том, что последнее ополчение «просто из крестьян брали» [11, с. 46]. Возможно, это и было характерно для полтавских полков, но говоря о территории Стародубщины, то в ополчение по этому региону поступили исключительно представители древних казацких родов. При этом, конечно, продолжал существовать институт наемничества, когда за одних казаков выступали в поход другие [21]. Однако эта традиция была известна на Стародубщине еще с XVII в. и не изменяла казачий характер повинности. Также отмечены случаи поступления на службу казаков уже имевших военную подготовку. Так, в полк был зачислен житель д. Долматово Сидор Степанов Клищенко ранее уже проходивший службу в 6-м Малороссийском конно-казацком полку времен Крымской войны 1853–1856 гг. [22, л. 63об.].

В 1863 г. полки имели традиционное деление на сотни в соответствии с территориальным принципом. Так в 4-ю Стародубскую сотню 1-го Черниговского конно-казацкого полка были зачислены 150 казаков: 10 из Суражского, 20 из Новозыбковского, 58 из Мглинского и 62 из Стародубского уездов. Из их числа были определены 8 урядников [21].

Первоначально предполагалось использовать их только на территории своих губерний в качестве пограничной стражи. Однако уже к осени стало понятно, то восстание не затронет левобережные губернии и 8 октября 1863 г. Черниговский полк выступил в поход в Киев. По прибытии на место казаки, вероятно, выполняли в городе и на прилегающих территориях преимущественно полицейские обязанности. А 13 апреля 1864 г. полк был командирован в местечко Тально Уманьского повета, где пробыл до 30 июля

того же года [14, с. 178]. Неизвестными остаются подробности службы стародубцев в этом походе. Установленным является факт, что потерь они не понесли за исключением одного утонувшего в Тально казака [21, л. 15об.]. Однако факт последующего награждения их за участие в непосредственных столкновениях с неприятелем, говорит о том, что в Уманском повете стародубцам приходилось вступать в бои с противником. Летом 1864 г. восстание было окончательно подавлено и казаки получили приказ возвращаться в места формирования, куда и прибыли в августе 1864 г.

В начале сентября 1864 г. стародубцы были распущены по домам. Службу им считали за рекрутскую повинность и освободили от уплаты налогов. Кроме того трое полчан были командированы в Черниговский повет, где вероятно поступили в регулярную армию. В конце 1864 г. император Александр II утвердил медаль «За усмирение польского мятежа», разными исполнениями которой в зависимости от вклада в победу награждались участники польской кампании 1863–1864 гг. Из малороссийского ополчения только казаки Черниговского полка, как принимавшие участие непосредственно в боевых действиях, были отмечены медалями из светлой бронзы. В 1867 г. награды поступили

в губернский город, а оттуда в количестве 146 штук в Стародубское полицейское уездное управление, которое и вручило их в 1868 г. казакам [4, л. 6–7об., 18].

Заключение (выводы). Проведенное исследование позволяет иначе взглянуть на историю стародубского казачества в конце XVIII – XIX в. Вклад автора заключается не только в том, что впервые была восстановлена в деталях военная служба стародубских казаков в иррегулярных воинских частях на протяжении XIX в., но и на конкретных примерах охарактеризовано их психологическое отношение к происходившим в государстве событиям через оценку их действий. Установлено что, несмотря на утрату регионом пограничного положения, Стародубщину на протяжении всего исследуемого периода отделяла от новоприсоединенных земель бывшей Речи Посполитой не только административная, но и фантомная граница, разделявшая население Российской империи. Вводя понятие «постпограничный период» в истории Стародубщины, автор приходит к выводу о его неразрывной связи с предшествовавшими ему событиями. Таким образом, для исследования истории стародубского казачества XIX в. представляется необходимым использование методологических практик характерных для изучения истории пограничных регионов.

Список литературы

1. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 41.
2. ГАБО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 259.
3. Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАЧО. Ф. 127. Оп. 22. Д. 768.
5. ГАЧО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 843.
6. ГАЧО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 991.
7. ГАЧО. Ф. 132. Оп. 2. Д. 354.
8. ГАЧО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 150.
9. ГАЧО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 161.
10. ГАЧО. Ф. 679. Оп. 2. Д. 4805.
11. Гиляров-Платонов Н.П. Мысли М.А. Максимовича о Н.Г. Репнине и об ополчении 1835 г. // Киевская старина. 1898. Т. LXI. С. 45–46.
12. Калинин С.Е. Малороссийские казачьи полки в 1812–1814 гг. М., 2011. 11 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_08.pdf/ (дата обращения: 21.06.2024).
13. Мартынов А.Г. История 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб.: Бережливость, 1908. X, 244, 75 с.
14. Оліяничук А.М. Козацтво Лівобережжя України: соціальний статус і військові повинності (початок – 60-ті рр. XIX ст.): дис. ... канд. іст. наук. Київ, КНУ.2016. 247 л.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 395. Оп. 311. Д. 28.

16. Стороженко Н.В. Очерк из истории малороссийских козаков в конце XVII и в начале XIX века. Киев: Ун-т Св. Владимира, 1898. 104 с.
17. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев (ЦГИАК). ОАФ. 1284. Оп. 1. Д. 255.
18. ЦГИАК. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 27.
19. ЦГИАК. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 34.
20. ЦГИАК. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 6.
21. ЦГИАК. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 189.
22. ЦГИАК. Ф. 1379. Оп. 1. Д. 358.
23. ЦГИАК. Ф. 206. Оп. 1. Д. 867.

STARODUB COSSACKS IN IRREGULAR UNITS OF THE RUSSIAN ARMY AT THE END OF THE 18th – 19th CENTURIES. TRANSFORMATION OF THE BORDER REGION

The article, based on a wide range of archival sources, examines in detail the history of the participation of Starodub Cossacks in irregular units of the Russian army at the end of the 18th – 19th centuries. through self-identification of representatives of the class. The research was carried out using methodological practices of new local history. As a result, the author characterizes the period under study in the history of the Starodub region as post-border. But he comes to the conclusion that it is necessary to consider the history of the region at the end of the 18th – 19th centuries. taking into account the existence of not only an administrative, but also a phantom border between Starodub region and the lands of the former Polish-Lithuanian Commonwealth. It was the presence of such a border that largely determined the behavior of representatives of the Cossack class. Despite the liquidation of the Starodub regiment – the military-administrative unit of the Malorussian Government General at the end of the 18th century, the Cossacks back in the 1860s. continued to identify themselves with the military class and were ready to guard the border following the example of their ancestors. At the same time, it is emphasized that the lack of their own army was one of the main reasons for the active resettlement of the Starodub Cossacks to the Caucasus and the Black Sea region. At the same time, the Russian government was fully aware of such local specifics and took measures to channel them for the benefit of the state in difficult periods for it.

Keywords: Starodub, Cossacks, Malorussian regiments, border region, local history, wars of the 19th century, resettlement to the Caucasus, historical transformations.

References

1. Gosudarstvennyj arkhiv Bryanskoy oblasti [State Archives of the Bryansk Region] (GABO). F. 134. Op. 1. D. 41.
2. GABO. F. 254. Op. 1. D. 259.
3. Gosudarstvennyj arkhiv Chernigovskoy oblasti [State Archive of Chernihov Region] (GACO). Ф. 127. Оп. 1. Д. 5.
4. GACO. F. 127. Op. 22. D. 768.
5. GACO. F. 132. Op. 1. D. 843.
6. GACO. F. 132. Op. 1. D. 991.
7. GACO. F. 132. Op. 2. D. 354.
8. GACO. F. 133. Op. 1. D. 150.
9. GACO. F. 133. Op. 1. D. 161.
10. GACO. F. 679. Op. 2. D. 4805.
11. Gilyarov-Platonov N.P. (1898) Mysli M.A. Maksimovicha o N.G. Repnine i ob opolchenii 1835 g. [Thoughts M.A. Maksimovich about N.G. Repnin and about the militia of 1835]. Kiyevskaya starina [Kyiv antiquity], LXI, 45–46.
12. Kalinin S.Ye. (2011) Malorossiyskiye kazach'i polki v 1812–1814 [Malorussian Cossack regiments in 1812–1814]. Moskva. Retrieved 21 June 2024 from <https://www.reenactor.ru>. 11 s.
13. Martynov A.G. (1908) Istoriya 12-go dragunskogo Starodubovskogo polka [History of the 12th Dragoon Starodubovsky Regiment]. Saint Petersburg: Berezhlyvost'. X, 244, 75 s.
14. Olyanchuk A.M. (2016) Cossacks of the Left Bank of Ukraine: social status and military duties (beginning – 60s of the 19th century): dis. ...cand. ist. nayk. Kyiv, KNY. 247 s.
15. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. F. 395. Op. 311. D. 28.
16. Storozhenko N.V. (1898) Ocherk iz istorii malorossiyskikh kozakov v kontse XVII i v

nachale XIX veka [Essay on the history of Little Russian Cossacks at the end of the 17th and beginning of the 19th centuries]. Kiyev: Universitet Sv. Vladimira. 104 s.

17. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev [Central State Historical Archive of Ukraine in Kyiv] (TGIAK). OAF. 1284. Op. 1. D. 255.

18. TGIAK. F. 1333. Op. 1. D. 27.

19. TGIAK. F. 1333. Op. 1. D. 34.

20. TGIAK. F. 1333. Op. 1. D. 6.

21. TGIAK. F. 1346. Op. 1. D. 189.

22. TGIAK. F. 1379. Op. 1. D. 358.

23. TGIAK. F. 206. Op. 1. D. 867.

Об авторе

Хроленок Евгений Валерьевич – кандидат исторических наук, соискатель (докторант) Белорусского государственного университета (Беларусь); E-mail: evgeny00@mail.ru

Khrolenok Evgeny Valer'evich - Candidate of Historical Sciences, candidate (doctoral student) of the Belarusian State University (Belarus); E-mail: evgeny00@mail.ru

УДК 94(47+485).084.3+084.5+084.6

Черноперов В.Л., доктор исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет (Россия)

Решетов Е.А., аспирант, Ивановский государственный университет (Россия)

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ШВЕДСКИХ ВОЕННЫХ СВЯЗЕЙ В 1920-М – 1930-Е ГГ.

Статья посвящена советско-шведским военным связям в 1920-м – 1930-е гг. В ее основании положены источники из Российского государственного архива экономики и Архива внешней политики. Большая их часть вводится в научный оборот впервые. Значение статьи обусловлена малой изученностью проблемы. В результате исследования было установлено, что советско-шведские военные связи включали сделки по приобретению оружия, двигателей для военных кораблей, обмундирования для военнослужащих и иных товаров для Красной армии. Особенно впечатляющим было взаимодействие с компанией «Бофорс», где советские представители заказывали легкое и тяжелое вооружение. Причем в транспортировке грузов этой фирмы в СССР содействовала Турция. Часть сделок со шведскими компаниями («Гускварна» и АО «Атлас-Дизель») продолжала контакты, установленные до революции. В статье показана также динамика взаимодействия. В 1920 г. интерес в Москве и Стокгольме к военным связям был обоюдным – большевики нуждались в товарах для Красной армии, а шведы хотели заработать на их продаже за золото. В последующие годы инициативу в военном взаимодействии более проявлял СССР. Особенно в 1923 г. и 1927 гг., что было обусловлено в первом случае подготовкой к германской и, следовательно, мировой революции, во втором – ожиданием военного столкновения с Великобританией и, возможно, с союзом стран Запада. С 1929 г. СССР и Швеция были заинтересованы в сотрудничестве примерно в равной степени. Москву интересовали новейшие образцы вооружений, а шведы хотели минимизировать потери из-за мирового экономического кризиса.

Ключевые слова: Советская Россия, РСФСР, СССР, Швеция, военные связи, «Хускварна», «Бофорс», «Атлас-дизель».

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-110-124

Введение. Вопросы военного взаимодействия в международной историографии советско-шведских отношений 1920-х – 1930-х гг. остается «белым пятном». Частично заполнить лакуну призвана настоящая статья. В ее основание положены материалы Российского государственного архива экономики и Архива внешней политики РФ. Это письменные документы разных видов – дипломатическая переписка, протоколы, статистические материалы и т.д. Большая часть источников вводится в научный оборот впервые.

Объект и методы исследования. *Объектом* настоящего исследования выступают советско-шведские отношения в межвоенный период. *Предметом* – взаимодействие Москвы и Стокгольма в военной сфере в 1920-м – 1930-е гг. Методологической основой работы стал системный подход, что предполагает ориентацию исследователя «на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину» [32, с. 612-613]. Данный подход позволяет рассматривать историю советско-шведских отношений в тесной связи собственно с

историей, дипломатией, экономикой, политологией и т.д.

Результаты и их обсуждение.

Военные связи Москвы и Стокгольма в начале 1920-х гг.

Первый контакт Советской России и Швеции военной области, выявленный нами, датирован февралем 1920 г. К этому времени в международном положении большевиков произошли существенные изменения. Выделим два из них. Во-первых, Шестнадцатого января 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение о торговле с Советской Россией через кооперативные организации [39, с. 125], что, по сути, означало снятие военно-экономической блокады РСФСР, о которой официально было объявлено 10 октября 1919 г., но которую страны Согласия проводили с конца 1917 г., постепенно ее ужесточая [39, с. 54-110]. Блокада в сочетании с Гражданской войной, захлестнувшей территорию бывшей Российской империи, оказалась эффективна. Как признавали позже советские чиновники: «Внешняя торговля [РСФСР] в полном смысле слова свелась на нет» [18, л. 34]. Вторым событием, существенно менявшим положение большевиков

стало подписание 2 февраля 1920 г. Тартуского (Юрьевского) советско-эстонского мирного договора, дополненного 31 марта торговым соглашением [8, с. 430-432]. Москва и Ревель (Таллинн) де-юре устанавливали дипломатические и экономические отношения. Лидер большевиков В. И. Ленин назвал его «окном» или «окошечком» в Европу [14, с. 109, 178]. Действительно, договоры открывали (точнее приоткрывали) для Советской России пути на внешние рынки.

Для минимизации сохранявшихся рисков можно было использовать суда под флагами стран, которые придерживались нейтралитета в годы Первой мировой войны. Швеция была в ряду первых. Тем более, что ее представителями пытались развивать торговые связи с большевиками еще в 1918 г. [39, с. 48-51] В 1919 г. это королевство для прорыва антантовской блокады использовал «полулегальный полномочный представитель» Советской России в Германии В. Л. Копп [35, с. 102].

В первом выявленном нами контакте советско-шведского взаимодействия в военной сфере речь шла о договоре, заключенном в Стокгольме, по которому большевики должны были получить из Швеции 150 000 винтовок системы «Мосина-Нагана» американского производства и 1800 патронов к каждому [22, л. 59]. Стоимость одного комплекта оценивалась в 200 шведских крон. Доставка груза в РСФСР предполагалось провести через Равель. Правда, в случае проблем мог быть использован и другой портовый город [22, л. 60].

Росту интереса к России существенно поспособствовало турне по странам Европы делегации Центросоюза (Центрального союза потребительских обществ Российской Федерации) во главе с наркомом торговли и промышленности Л. Б. Красиным весной – летом 1920 г. Одна из остановок была в Швеции. По итогам переговоров в Стокгольме эмиссары Москвы 15 мая 1920 г. заключили соглашения с концерном из 14 крупнейших шведских фирм, с паровозостроительной компанией «А. Б. Нюдквист и Хольм» и с правительством [8, с. 516-530]. Эти договора предусматривали следующие положения: 1) большевики в ответ на размещение в шведских банках 25 млн. крон золотом получали права в течение 14 месяцев закупать в

королевстве любые товары на сумму в 100 млн. крон, 2) долгосрочный заказ на поставку в РСФСР 1000 паровозов и 3) обмен торговыми делегациями: в Стокгольме открывалось представительство Центросоюза, а в Москве – шведского Всеобщего экспортного объединения.

Шведов к подписанию соглашений подталкивали, во-первых, тяжелое положение в промышленности. В 1920 г. в королевстве только 23,6 % всех предприятий работали в полную силу, а загруженность четверти заводов основных отраслей промышленности не превышала 25 % [15, с. 159]. Второй причиной, подталкивавший Стокгольм к развитию торговых отношений с Москвой стало усиление конкурентной борьбы за раскрывающийся перспективный российский рынок. Кроме того, шведские фирмы получали дополнительную прибыль от низкого курса при обмене большевистского золота на твердую валюту [39, с. 159], а также от коррупционных схем с покупкой паровозов, в которые были вовлечены советские эмиссары [9, с. 30-32]. Еще одним важным последствием заключенных договоров стал прорыв т. н. «золотой блокады» – отказа ведущих банков США и Европы публично принимать золото из Советской России, которое можно было использовать в виде платежа или залога. М. М. Литвинов, входивший в делегацию Центросоюза, в отчете от 20 сентября 1920 г. сообщал, что вступил с контакт с директором банка «Свенска эконо Акценбологед» У. Ашбергом и «по соглашению» с Л. Б. Красиным «поручил» этому банкиру «на комисионных началах» «перевести из Ревеля для реализации в Америке ... через американский монетный двор полмиллиона рублей» [21, л. 9-10]. М. М. Литвинов надеялся, что при положительном результате этой операции станет возможным «перевести в Америку большее количество [золота] и избавиться от валютных затруднений», которые испытывала страна [21, л. 10].

После соглашений, подписанных в мае 1920 г., потоки российского золота в Швецию и транзитом через нее в другие страны нарастал. В конце этого года только в «Нордиска Хандельсбанкен» большевики разместили 20 тонн драгоценного металла и еще 10 тонн подготовили для этого [9, с. 35].

Операции с золотом, хотя и проводились скрытно, становились известны в деловом и политическом мире Европы и США, что повышало интерес к связям с Советской Россией. Еще БОльший резонанс в бизнес-сообществе вызвали переговоры делегации Центросоюза в Великобритании, по результатам которых в Лондоне 11 июня 1920 г. по английским законам и в английском министерстве торговли была зарегистрирована частная компания с ограниченной ответственностью «АРКОС» [1]. Компания представляла интересы внешнеторговых советских организаций и начала быстро распространять свою деятельность за пределы Англии, открывая представительства в других странах Европы, Северной Америки и Азии.

Расширение связей с большевиками немцев, шведов, англичан и т. д. заставило обратить внимание на рынок РСФСР предпринимателей Франции, которая считалась наиболее последовательным противником Советской России и сторонником Белого движения. Французские капиталисты, хотя и не принимали большевизм, явно не хотели проиграть в разворачивавшейся конкурентной борьбе. Поскольку прямые контакты с Москвой могли вызвать негативную реакцию правительства и многих партий Третьей республики, деловые люди решили воспользоваться «услугами» нейтральной Швеции. Пикантность ситуации заключалась не только в самом факте намечавшегося контакта, но и в том, что предложили французы советским представителям в Стокгольме. Речь шла об автомобильных покрышках и камерах фирмы «Мишлен», т. е. товарах «двойного назначения», которые могли применяться как в гражданской, так и военной областях. По итогам переговоров представители «Мишлен» и российской торговой миссии в Стокгольме в декабре 1920 г. заключили договор на сумму в 500 тыс. шведских крон. По нему французы обязывались поставить 480 гладких и 350 универсальных покрышек, а также 1210 камер. Причем в случае задержки с получением груза более чем на 14 дней, «Мишлен» возмещал временные потери дополнительными шинами и камерами самых ходовых размеров [23, л. 45].

В следующем 1921 г. Советская Россия попыталась активизировать контакты со шведами в военной области. Этому

способствовало окончательное снятие военно-морской блокады англичанами на Балтике [39, с. 143], но главное – осознание большевиками отставания Рабоче-крестьянской Красной армии в вооружениях от передовых стран, что наглядно показало поражение под Варшавой в августе 1920 г. Ведущую роль в решении этой задачи отводилась Специальному отделу экстренных заказов (Спотэкзаку) [35, с. 285-286]. Этот институт, созданный высшим большевистским руководством, имел двойное подчинение – организационно входил в Наркомат внешней торговли, но в оперативном отношении контролировался Народным комиссариатом по военным делами. Встречающиеся даты образования Спотэказа – 1922 г. [31, с. 134] и 1924 г. [10] – ошибочны. Отдел возник осенью 1920 г. Правда, неясно, когда точно. По одним источникам – 23 сентября [19, л. 3], по другим – 1 ноября 1920 г. [25, л. 16].

Москва надеялась, что деятельности Спотэказа в Швеции будут способствовать заключенные майские соглашения 1920 г. и прорыв «золотой блокады», о чем говорилось выше. Тем более, что в большевики в 1921 г. нанесли по «золотой блокаде» новый удар. В скандинавском королевстве началась переплавка золота, поставляемого из Советской России, в бруски, на которые ставился штамп Шведского монетного двора [9, с. 36; 28]. Такое золото становилось полностью легальным для проведения разного рода операций. Использовали большевики, возможно, и другие способы легализации и пополнения своих золотовалютных резервов. В руки советских агентов в апреле 1921 г. попало письмо чиновника германского МИДа своему министру, в котором приводились серьезные аргументы в пользу предположения, что Советская Россия для торговых операций печатает фальшивые фунты стерлингов и немецкие марки [17, л. 1-2].

Для Москвы драгоценные металлы, драгоценные камни и твердая валюта оставались основным источником оплаты при операциях за рубежом. Сделок, связанных с армией, это касалось в первую очередь. Например, шведы в 1921 г. на переговорах с советскими представителями о продаже 7 650 военных компасов разных моделей, стоимость которых без упаковки и доставки оценили в

30 625 крон, требовали «исключительно наличный расчет» [20, л. 193].

Помимо формы оплаты еще одной проблемой, замедлявшей торговые операции, был вопрос качества товаров. В частности, военного обмундирования и тканей для его пошива. После войны в условиях тотального дефицита продукции легкой промышленности появилось много дельцов, желавших подзаработать на обмундировании, обуви, постельных принадлежностях и т. д., которые либо остались с военных лет, но хранились в ненадлежащих условиях, либо были пошиты на «скорую руку» из заведомо плохого материала. Такие «коммерсанты» регулярно обращались «с выгодными предложениями» в советские зарубежные миссии и иногда им удавалось проворачивать свои операции. Например, в сентябре 1921 г. стало известно о покупке представителями РСФСР некачественного обмундирования и обуви для интернированных в Германии красноармейцев, которые укрылись здесь от польского удара в конце августа 1920 г. [13, с. 658].

Приведенная выше история заставила Москву проявлять особую осторожность при сделках с одеждой для военных, поэтому, когда в начале 1921 г. шведы предложили советским представителям крупную партию шинелей, Центросоюз затребовал образцы тканей для оценки их качества. Кроме того, были высказаны сомнения в цене товара [22, л. 26]. Переговоры завершились соглашением о закупке пробной партии из 200 000 шинелей и такого же количества блуз. Груз доставили в Советскую Россию в декабре 1921 г. Качество полученного товара (тканей и пошива) было оценено как «отменное». Приемлемой оказалась и цена. В итоге Советская Россия заключила со шведами еще один договор. Теперь уже на 600 000 экземпляров костюмов русской модели (блузы) [22, л. 26]. Операция стимулировала интерес скандинавов к сотрудничеству в данной области. На его волне в марте 1922 г. шведская фирма «Маттсон и Видштейн» начала переговоры с большевистскими представителями о поставке в Советскую Россию примерно миллиона шинелей и серой материи для военных костюмов [22, л. 26].

Вернемся к Спотэкзаку. К сентябрю 1921 г. этой организацией с момента образования было закуплено товаров для Красной

армии на 1 528 795 зол. руб. [24, л. 4]. Иногда закупки были продолжением дореволюционных сделок. Дело в том, что в ведении Спотэкзака оказались документы о военных закупках царского и временного правительств. Ранее данные материалы находились в РККА в ведении Главного управления пограничному снабжению старой армии и сменившего его Особого отдела пограничных военных заготовлений [31, с. 133-134]. Среди бумаг, как сообщал начальник Главного артиллерийского управления А. Вальтер, сотрудники Спотэказа нашли договор от 21 мая 1915 г., заключенный Российской империей с фирмой «Гускварна» (Husqvarna), производившей оружие с 1689 г. По нему шведы должны были поставить России черновых винтовочных стволов на 2 550 000 крон [20, л. 82]. В счет сделки царское правительство в виде аванса предоставило шведам пеньку на 1 746 325 крон. До прихода большевиков к власти в Россию ввезли 30 000 стволов. Однако это было лишь частью заключенного соглашения. Советская Россия хотела его полного выполнения. Более того, готова была расширить контракт. До шведов было доведено, что Спотэкзак для операции с «Гускварной» получил транш в 5 млн. шведских крон, и что эта сумма может выступить банковской гарантией за своевременное и правильное выполнение заказа [20, л. 83]. Представители РСФСР указывали также на то, что интересующий ее товар в Швеции давно и по всем нормам тщательно упакован, и что на пути его доставки на двух кораблях до Кронштадта и Петрограда больших проблем не ожидается. Даже при аккредитации груза в ближайшем иностранном порту [20, л. 83].

Получив заманчивое предложение, «Гускварна» с выполнением сделки, однако, спешить не стала. Поставки начали осуществляться только к концу 1923 г. Согласно телеграмме временно исполняющего должность начальника главвоентрома Виткера от 5 ноября 1923 г, мы узнаем что 2 и 5 ноября 1923 г. в СССР на двух пароходах из Швеции были доставлены 50 000 и 70 000 ружейных стволов [22, л. 82]. Причем представителю Главвоенсовета груз передавался без обычного в этих случаях досмотра. На наш взгляд, на спешность передачи военного груза повлияло не столько желание сохранить

операцию в тайне, сколько международная ситуация. В большевистском руководстве осенью 1923 г. многие готовились в мировой революции, в которой Красная армия должна была сыграть свою роль [см., напр.: 34, с. 266-273; 36], а для этого ее следовало быстро довооружить.

Кстати, глава фирмы «Гускварна» на момент осуществления следки по винтовочным стволам предложил советским представителям закупить еще 104 тонн стали, которые находились в столице Финляндии Гельсингфорсе. Груз двумя партиями можно было отправить на оружейный завод в Туле и на патронный завод в Луганске [27, л. 56]. У нас нет данных о том, состоялась ли эта операция, однако вскоре после предложения руководителя «Гускварны» выяснилось следующее: заявленная сталь по факту была уже российской, т. к. ее закупили еще до революции; кроме того, металл после длительного хранения мог придти в негодность, поэтому нуждался в предварительной экспертизе [27, л. 73].

При стремлении Москвы быстро довооружить Красную армию накануне ожидавшихся битв осенью 1923 г. скандинавское королевство приобретало особое значение. Большевики еще в апреле этого года через стокгольмские торгпредство и полпредство вступили со шведами в переговоры о поставках через германский Гамбург большой партии пулемётов калибра 7,68 мм разных систем – 367 «Максимов», 307 «Хоутов» и 100 «Гочкисов» по цене 2635, 2735 и 2835 шведских крон соответственно [26, л. 37]. Кроме того, советские представители через шведов пытались закупить в Голландии 1000 пулемётов «Гочкис» калибром 7,0 мм по цене 2800 крон [26, л. 37].

Но не только Москва проявляла активность в закупке вооружений у шведов. Консул Шведского королевства в Риге О. Валлен будучи не только дипломатом, но и коммерсантом, предложил советской стороне приобрести через него по 16 долларов США за штуку 200 000 винтовок калибром 7,9 мм немецкого образца 1898 г. с 1000 патронов к каждой. Груз можно было доставить в течение месяца со дня заказа, а оплату произвести через северные торговые банки Стокгольма после получения товара в Петрограде. При желании Москвы, согласно О. Валлену, количество

винтовок можно было увеличить и добавить к ним автоматическое оружие [26, л. 217].

Сотрудничество с фирмой «Бофорс»

В феврале 1923 г. советские представители в Стокгольме получили предложения от фирмы «Бофорс» (Bofors) – крупнейшего производителя вооружений в Швеции. Эта компания, располагавшая собственными рудниками, лесными и земельными угодьями, являлась крупнейшим производителем вооружений в Швеции, выпускала станки, порохов, химикалии, снаряды, зенитные и противотанковые орудия, танки и самолеты. В 1923 г. представители «Бофорса» предложили наладить в Советском Союзе производство крупновкалиберных 48-мм гаубиц образца 1909 и 1910 гг., а так же пулеметов системы «Мадсен». Документы о ходе и результатах переговоров по этим предложениям пока не обнаружены, но даже первые контакты не остались без результата. СССР закупил у «Бофорса» 500 пистолетов системы «Парабеллум» с кожаной кобурой и с 50 000 патронов к ним. Каждый комплект обошелся в 800 германских марок [26, л. 37].

Среди типов вооружений, в которых фирма «Бофорс» добилась всемирного признания, – зенитное вооружение. Особенно известной стала 40-мм автоматическая пушка Bofors L60 разработки 1929-1932 гг. Со временем она будет принята на вооружение в 75 странах мира и используется по настоящее время.

С 1927 г. одну из ключевых ролей в переговорах о приобретении вооружений у «Бофорса» стал играть упоминавшийся В. Л. Копп, которого перевели в Швецию с поста полпреда СССР в Японии [36]. Год появления нового полпреда в Стокгольме – это год знаменитой «военной тревогой» [под. см.: 30, с. 123-188] и ожидавшейся частью населения Советского Союза большой войны с Великобританией или даже союзом западных стран [7, с. 93-94, 96-97, 103-104, 106, 109, 119-127 и др.]. В этих условиях закупки качественного вооружения у «Бофорса» приобретали для Москвы важнейшее значение. И они начались. Летом 1928 г. через торгпредство СССР в Стокгольме с «Бофросом» было заключено соглашение на «поставку новейших пушек и снаряжения» на сумму в 2 млн. крон [2, л. 8]. Причем, как сообщал

В. Л. Копп заместителю наркома по иностранным делам М. М. Литвинову в донесении от 16 февраля 1929 г., с соблюдением законов Швеции. Согласно им, «Бофорс» для проведения экспортных операций с военными заказами должен был получить две лицензии – генеральную и специальную. Генеральная лицензия включала две части: 1) «общий список предметов военного снаряжения, допустимых к вывозу» из Швеции, и 2) «общий список тех стран, в которые эти предметы могут ввозиться» [2, л. 2]. Специальная лицензия разрешала экспорт «конкретных предметов военного снаряжения в данную конкретную страну». Генеральная лицензия предоставлялась «фирмой заказчику при выдаче им заказа» и рассматривалась сторонами как юридическое основание сделки. Она выдавалась «по выполнению заказа обычно в автоматическом порядке», в ней могло быть отказано лишь при появлении «новых серьезных обстоятельств внешнеполитического порядка» [2, л. 2].

СССР на начало переговоров о закупке оружия в «Бофорса» официально был включен в генеральную лицензию этой фирмы [2, л. 2]. Это правовое основание позволило советскому торгпредству подписать с фирмой отмеченный выше договор на 2 млн. крон. Причем во 2-м пункте соглашения фирма «Бофорс» заявляла, что «в ее распоряжении находится разрешение шведского правительства на вывоз заказанных предметов снаряжения». Данный пункт соглашения предусматривал также за «Бофорсом» ряд обязательств в случае аннулирования договора. Дирекция фирмы должна была, «во-первых, добиваться отмены подобного распоряжения, во-вторых, в случае неудачи, принять все возможные меры к тому, чтобы заказчик получил соответствующее возмещение своих убытков» [2, л. 2]. Кроме того, «Бофорс» каждый раз при получении авансового платежа от торгового представительства СССР обязывался представлять в торгпредство «правительственное удостоверение», что генеральная лицензия у этой фирмы остается в силе. 14 ноября 1928 г. компания получила этот необходимый документ, однако затем ее представители заявили сотрудникам торгпредства, что подготовленная «для отправки первая партия снаряжения, вероятно, не сможет быть вывезена», так как

из-за прихода к власти в Швеции консерваторов и возникших международных осложнений (имелся ввиду советско-китайский конфликт вокруг КВЖД) не удастся получить специальную лицензию [2, л. 2].

Представители СССР восприняли новость как нарушение договора. В НКВД стали сомневаться в лояльности «Бофорса» и обратились к начальнику IV (разведывательного) Управления штаба РККА Я. К. Берзину сообщить, не поставляет ли фирма свои вооружения в Польшу [6, л. 1], которая рассматривалась главным противником Советского Союза на западных границах. Копп, в свою очередь, предложил торгпреду связаться с Москвой для подготовки ноты протеста МИД Швеции. Сам же он 12 февраля 1929 г. встретился по вопросу «Бофорса» с министром иностранных дел королевства Э. Трюгером. Глава внешнеполитического ведомства Швеции, заняв в возникшем деле «весьма осторожную позицию», сначала указал на то, что МИД недостаточно информирован об истории с «Бофорсом», к тому же вопросы выдачи лицензии находятся в ведении министерства торговли. Правда, будучи юристом, Э. Трюгер хорошо понимал уязвимость положения своего правительства, поэтому «с большим вниманием» отнесся к следующим словам В. Л. Коппа: «...аннулирование лицензии в настоящий момент, когда заказ уже частично выполнен и нами уплачено около миллиона крон, было бы не только недружественным актом, но и представляло бы действие явно не правомочное, поскольку оно свидетельствовало бы о наличии предумышленного вовлечения нас в невыгодную сделку не только со стороны фирмы, но и со стороны правительства, подтвердившего еще три месяца тому назад генеральную лицензию», «для отказа в выдаче специальной лицензии в данный момент нет решительно никаких оснований» [2, л. 2]. Это были сильные аргументы, ведь, действительно, генеральная лицензия была выдана уже при правительстве консерваторов, которое было сформировано в октябре 1928 г. Трюгер, как отмечал в донесении Копп, «не мог не согласиться» с приведенными доводами, но в ответ привел свои. И, прежде всего, тезис о влиянии на решения правящего кабинета «общественного мнения, которое в лице советского

правительства видит правительство особого рода, “правительство пропаганды”, и которое никак не может взять в толк, что такому правительству разрешено покупать в Швеции предметы военного оборудования» [2, л. 2].

Трюгер явно указывал на дебаты, инициированные Социал-демократической рабочей партией Швеции в риксдаге прежнего союзя. Тогда представители СДРПШ поставили вопрос о поставках оружия в Китай, где развернулась Гражданская война, в которую втягивались иностранные игроки, а затем призвали к прекращению поставок военного снаряжения в страны «антидемократичного толка», к коим были отнесены Советский Союз, Италия, Китай и ряд балканских государств [2, л. 2об.]. Одновременно социал-демократы предложили отказаться от «практики генеральной лицензии и перейти к системе разрешения военных заказов от случая к случаю». Большинство риксдага социал-демократов не поддержало, но новый состав парламента в отношении СССР был настроен более негативно, и это, по признанию Коппа в письме Литвинову, создавало большие трудности для Трюгера в получении лицензии [2, л. 2об.]. Сам полпред в разговоре с министром 12 февраля 1929 г. «категорически» настаивал на применении к СССР «тех же правил, которые применяются к любому другому закупщику» [2, л. 2]. По итогам встречи глава МИД Швеции заверил полпреда в том, что переговорит по вопросу о поставках «Бофорса» с министром торговли.

Весной 1929 г. пришла обнадеживающая информация. Копп в донесении заместителю наркома по иностранным делам Л. М. Карахану от 22 апреля 1929 г. писал: «Мои переговоры с Трюгером возымели свое действие, ... [шведское правительство] «очевидно дало распоряжение не препятствовать [поставкам «Бофорса»] [2, л. 4]. Однако быстро выяснилось, что это не так. Трюгер, как узнали в полпредстве, «вызывал недовольство в консервативных кругах» [4, л. 33]. В итоге правительство королевства все-таки настояло на том, чтобы «предприятие формально заказ аннулировало» [2, л. 4]. Правда, директор «Бофорса» Хольм сохранил готовность к его исполнению и предложил советской стороне поставить груз через Норвегию. 2 августа 1929 г. это предложение было

рассмотрено на коллегии НКВД. Советские дипломаты согласились с инициативой директора «Бофорса», но «при условии, что Хольм даст письменную гарантию за доставку на нашу территорию этого заказа» [2, л. 5].

Реализуя намеченный план руководство шведской фирмы «с ведома» своего правительства «заключило соглашение с норвежским интендантством об отправке готовой части заказа транзитом» через Осло. Согласно плану, оборудование «Бофорса» должно было отправиться на адрес интендантства, «там упаковано для морской отправки и погружено в Ленинград» [2, л. 6]. Все детали операции дирекция «Бофорса» обговорила с советским торгпредом и, согласно донесению Коппа Карахану от 10 августа 1929 г., ее осуществление могло начаться «примерно в 20-х числах сего месяца [и] не должно встретить затруднений» [2, л. 6]. Правда, сохранялся высокий уровень опасности, что операция будет раскрыта. Прежде всего, со стороны СДРПШ и профсоюзов, у которых, по словам Коппа, «очень много шансов расшифровать любую из наших комбинаций», и которые «прилагают и будут прилагать все усилия к тому, чтобы поймать нас с поличным», «и поднять по этому поводу адский шум» [2, л. 7].

«Так как всякую мысль о воздействии на [социал-демократов], – писал Копп Карахану в заключении донесения от 10 августа 1929 г., – приходится отвергать априори, то пока что приходится положиться на ловкость дирекции фирмы, материально заинтересованной в успехе предприятия. Что касается перспектив помещения в Швеции дальнейших военных заказов, то здесь приходится быть полным пессимистом. Вряд ли Бофорс решится еще раз взять заказ для выполнения которого ему приходится прибегать к таким головоломным выкрутасам» [2, л. 6].

В деле с заказом вооружений у шведов Копп в донесении в Москву от 31 августа 1929 г. предлагал «выдержать паузу» «до той поры, пока события на Дальнем Востоке не примут более спокойный оборот» [2, л. 7]. Полпреда явно беспокоило то, что вопрос экспорта оружия в СССР обсуждался не только в риксдаге, но и прессе. В частности, на страницах «Свенке Моргенблатт», которая сообщала читателям, что СДРПШ в вопросе

полного прекращения экспорта шведского оружия нашла поддержку либералов (свободомыслящих), консерваторы же, не отказываясь от экспорта вооружений вообще, склонялись к запрету его вывоза в СССР [4, л. 33]. Причем, как отмечал советник полпредства С. В. Дмитриевский, особо враждебную позицию в отношении Советского Союза заняли левые социал-демократы, возложившие всю вину за события вокруг КВЖД на Москву [4, лл. 35, 35об.]. Литвинов в ответном послании Коппу от 10 сентября 1929 г., отметив, что продукция «Бофорс» очень нужна, подчеркнул: «заинтересованное ведомство ждать не согласится», к тому же «нет уверенности в том, что дальневосточный конфликт разрешится скоро» [6, л. 4].

Под «заинтересованным ведомством» понималась армия. А там искали свои варианты поставки груза «Бофрос». Еще 5 февраля 1929 г. М. М. Литвинов известил В. Л. Коппа о том, что Реввоенсовет – высший коллегиальный орган управления и политического руководства Вооруженными силами СССР – предлагает провести закупки вооружений у «Бофорса» от имени Германии или Турции [3, л. 5]. После обсуждения в Москве остановились на Анкаре. Был разработан следующий план. «Бофорс» отправляет груз в адрес своего представительства в Осло. Оттуда товар проследует в представительство «Бофорса» в Константинополе (так называли Стамбул до 1930 г.) [6, л. 6]. Здесь, как писал Литвинов Сурицу 9 октября 1929 г., «оружие будет перегружено на один из наших пароходов и переправлено в Одессу» [2, л. 8].

Комбинация по вовлечению к операции Турции с целью сохранения тайны выглядела логично. Здесь заказ Москвы было проще «растворить» среди других военных закупок Анкары, в том числе у того же «Бофорса». А закупки вооружений Турцией были значительными. Так, полпреду СССР в Анкаре Я. З. Сурицу посол Германии Р. Надольный на встрече 22 февраля 1929 г. показал «копию обращения» анкарского правительства «к одной иностранной фирме» о желании приобрести крупную партию вооружений. Речь шла, преимущественно, об артиллерийских орудиях разного калибра – от горных пушек калибром 75 мм и гаубиц калибром 10,5 и 15 мм до железнодорожных орудий калибра 240

мм [2, л. 3]. Причем заказ на 184 горных орудия стоимостью 3 700 000 долларов турки уже разместили на фирме «Бофорс» [2, л. 3].

Для обсуждения вопроса о транзите груза через Константинополь заведующий отделом скандинавских стран НКВД СССР В. Т. Флоринский в конце августа 1929 г. встретился с послом Турции в СССР Феррух-беем. В докладной записке М. М. Литвинову (копии Г. В. Чичерину, В. Л. Коппу, А. И. Микояну и Я. К. Берзину) В. Т. Флоринский сообщил, что, хотя из-за отсутствия в турецком посольстве ясных представлений о деле «Бофорса» в решении вопроса возникли небольшие «задержки», «наши добрые отношения позволяют ... надеяться, что туркпра [турецкое правительство] не задержит своего согласия на оказание этой небольшой дружественной услуги» [6, л. 2]. Для усиления впечатления на турецкого посла Флоринский добавил, что передает «личную просьбу» Карахана. В ответ Феррух-бей заверил советского дипломата, что «отлично понял обстановку» и обещал как можно быстрее отправить телеграмму своему руководству [6, л. 2об.].

Из Анкары был получен положительный ответ. Возможно, турецкое правительство устроило тот факт, что при отправке первой партии, включавшей орудия и снаряды к ним, основная работа выполнялась «Бофорсом» и структурами СССР, а от правительства Турции не требовалось «никаких специальных действий» [2, л. 8, 8об.]. Речь, по сути, шла только о формальной согласии, на что указывал Флоринский Феррух-бею [6, л. 2об.]. По-иному выглядела ситуация со второй партией, включавшей зенитные орудия. Флоринский оповестил Феррух-бея о том, что Москва хотела бы видеть этот заказ как турецкий, причем с привлечением к операции посольства Анкары в Стокгольме [2, л. 8об.]. Такое решение позволяло направить груз напрямую из шведского порта в Константинополь. Против привлечения Турции выступил торгпред СССР в Швеции С. Р. Богатин. Он «считал нежелательным заключение договора от имени туркпра» и выступал за то, чтобы вторая партия изделий «Бофорса» была «отправлена в том же порядке, как и первая, т. е. через Осло» [6, л. 6об.]. Сомнения в привлечении к сделке турецкой миссии в Стокгольме выражал также Копп.

Он еще 23 сентября 1929 г. писал Литвинову о «ненадежности ее руководящего состава» и предупреждал, что вовлечение турок в дело «Бофорса» «чрезвычайно рискованно» [5, л. 16]. Однако, несмотря на прозвучавшие предупреждения, руководство Наркомвнешторга склонилось «к договору с турками» [6, л. боб.]. Отправка первой партии вооружений «Бофорса» была намечена на 5 октября 1929 г., но из-за небрежности в торгпредстве была перенесена на 11 ноября [6, л. 6].

В настоящий момент у нас нет информации и завершения операций с «Бофорсом». Здесь требуются дополнительные архивные изыскания. Однако обе стороны, несомненно, сохраняли интерес к взаимодействию в военной сфере. Шведов к этому подталкивал нараставший мировой экономический кризис, который сильно затронул страну. За 1929-1932 гг. объем промышленного производства в королевстве упал на 21 %, а безработица среди только организованных в профсоюзы промышленных рабочих зимой 1932/33 г. выросла до 20 % [11]. СССР же к развитию сотрудничества со Швецией в военной сфере подвигала необходимость усиления Красной армии перед новыми вызовами, о которых говорил И. В. Сталин в политическом отчете Центрального Комитета ВКП(б) XVI съезду 27 июня 1930 г.: дальнейшим возрастанием угрозы межимпериалистических военных столкновений, нападения на СССР и возрождающимися надеждами на мировой революционный взрыв, вызванный мировым социально-экономическим кризисом [31, сс. 236, 242, 245, 247-2616]

Взаимодействие в военно-морской сфере

Еще одной областью военного советско-шведского взаимодействия стал военно-морской флот. И здесь, как и в случае с «Гускварной», первое время основой для переговоров стали договора, заключенные до революции.

В начале 1915 г. по инициативе начальника Морского генерального штаба адмирал А. И. Русина и командующего Балтийским флотом адмиралом Н. О. фон Эссена было решено использовать в качестве минных заградителей и тральщиков речные суда [см.: 12]. Мелкая осадка позволяла им ходить над минными полями, не задевая взрывателей. Кроме того, их можно было применять для

боевых действий на мелководных участках Финского залива и у побережья Балтийского моря. Образцом такого судна стал «Демосфен», изготовленный на заводе «Нижегородский теплоход» и после вооружения и переоборудования переименованный в «Припять». Для императорского флота было решено заказать 4 подобных сетевых тральщика: два – на верфи «Нижегородский теплоход», и столько же на Судостроительной верфи И. А. Шорина в г. Гороховец. Хотя корабль «Демосфен»/«Припять» был оснащен двигателем собственной разработки, для новых судов решили обратиться в шведскую фирму «Дизель-Мотор» (Diesels Motore). В 1917 г. эта фирма объединилась с компанией «Ня Актиеболагет Атлас» (Nya Aktiebolaget Atlas). В результате слияния появилась АО «Атлас-Дизель» (Atlas Diesel) [39] с конторой в Москве. В «Дизель-Мотор»/«Атлас-Дизель» Россия заказала 4 судовых двигателя «Дизель-Полар» типа П.4.Л. в 250 л. с. на сумму 404 000 шведских крон [27, л. 1]. Цена была исчислена из паритета одна шведская крона равна одному рублю и трем копейкам. При заключении договора необходимо было сразу внести предоплату в 50 % от общей суммы. Оставшуюся половину заказчик выплачивал после получения груза. Причем мог использовать два способа перечисления средств на счет шведской фирмы, либо через любой стокгольмский банк, либо через контору в Москве.

Ко времени завершения выполнения заказа к власти в России пришли большевики. Они июле 1918 г. за двигатели выплатили шведам полную стоимость [27, л. 1]. Их к такому решению подталкивало не только стремление завоевать в зарубежных деловых кругах репутацию надежного торгового партнера и заинтересованность в укреплении своего морского флота, но также понимание значения речных боевых кораблей в разрастающейся Гражданской войне [см.: 38]. Поэтому в Москве очень ждали двигатели для дооснащения уже готовых кораблей. Шведы, однако, поставлять груз не спешили. Для ускорения сделки заказчики в РСФСР взяли кредит в 25 000 зол. руб. Сумму предполагалось выплатить шведам за хранение двигателей. [27, л. 59]. Но даже эта дополнительная возможность заработать не подтолкнула руководителей АО «Атлас-

Дизель» к выполнению договора. Груз в Советскую Россию не пришел.

К истории с не поставленными судовыми двигателями Москва и Стокгольм вернулись в 1923 г. В ноябре этого года, согласно письму торгпреда СССР в Швеции С. Ф. Гарденина от 4 января, при участии Спотэкзака начались переговоры с АО «Дизель-Мотор» о заказе у шведов 12 судовых моторов того же типа «Дизель-Поляр» в 250 л. с. Интересно, что в донесении фигурирует фирма «Дизель-Мотор», а не АО «Атлас-Дизель» [27, л. 17]. Вероятнее всего, это своеобразное следование традиции – указание на то, что до появления данного акционерного общества в 1917 г. российские заказы на корабельные двигатели размещались на «Дизель-Мотор». Двигатели для большевиков имели огромное значение. К 1921 г. их морской флот ввиду прямых потерь (потопления, захвата Антантой, интернирования) и прихода судов в негодность потерял большинство кораблей бывшего Российского императорского флота. Общее водоизмещение оставшихся боевых судов составило лишь 16,2 % от суммарного водоизмещения флота царского времени [16, с. 34]. Можно утверждать, что морского флота у Советской России не было.

С советской стороны в переговорах с АО «Атлас-Дизель» участвовал упоминавшийся торгпред С. Ф. Гарденин. Именно он предложил вернуться к истории с ранее заказанными 4-мя судовыми двигателями, выделив этот вопрос в отдельное дело при заказе уже 12 двигателей, но шведы на это предложение не согласились. Они, не отказываясь от сделки 1915 г., стали ссылаться на то, что появление двух заказов вызовет дополнительную бюрократическую волокиту. В итоге предложили провести объединенную закупку 16-ти судовых двигателей. При этом запросили сумму в 904 420 шведских крон. В процессе переговоров представителям Спотэкзака удалось добиться 10 % скидки и снизить цену до 862 420 крон [27, л. 1]. Первая половина суммы подлежала уплате наличными, вторая – банковским векселем под кредит взятый на 6 месяцев [27, л. 4].

На отмеченной договоренности история

с двигателями не закончилась. Шведы, по-видимому, не удовлетворенные финансовыми уступками, стали настаивать на приобретении у них еще 8 вспомогательных машин. Стоимость всех закупаемых моторов скандинавы предлагали исчислять из их мощности, общий объем которой составил 5000 л. с. Желая заинтересовать советскую сторону, представители АО «Атлас-Дизель» высказывали готовность при заключении сделки на 24 мотора предоставить скидку в 23-25 рублей за л. с. [27, л. 5].

Перипетии с заказом на шведские судовые двигатели дошла до Совета труда и обороны СССР, где вокруг шведских двигателей развернулась бурная дискуссия. Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции во главе с В. В. Куйбышевым выступил против договора, считая его невыгодным. По мнению Рабкринина, шведы пытались продать СССР ненужные двигатели, причем по завышенной цене в 1 млн. крон. Позиции РКИ оппонировали Наркомат внешней торговли и Наркомат по военным и морским делам. Каждый исходил из своих соображений. В НКВТ на закупке рассчитывали подзаработать, а военным требовались двигатели, так как началось возрождение морского флота, первым шагом к чему стало образование 28 марта 1924 г. Управления Военно-морских сил (УВМС) РККА. Представители Наркомвнешторга и военного наркомата во время споров указывали на то, что при производстве схожих моторов в СССР их цена будет на 130 % выше. Причем представители Наркомвоенмора, лоббируя интересы своего морского ведомства, не настаивал на покупке у шведов всех двигателей. Им критично нужны были только 4 мотора, заказанные еще в 1915 г., цена за которые за эти годы выросла в связи с изменениями курса и новыми требованиями шведов [27, л. 5].

В СТО СССР, выслушав все заинтересованные стороны, на заседании в апреле 1924 г. приняли постановление [28, л. 27], удовлетворяющее в первую очередь Наркомат внешней торговли во главе с авторитетным и неуступчивым Л. Б. Красиным:

1. разрешили Наркомвнешторгу беспосшлинный ввоз для Госторга¹ 24 двигателей «Дизель-Поляр»;

¹ Государственная экспортно-импортная контора – важнейшего подразделения НКВТ на правах акционерного общества при осуществлении монополии внешней торговли.

2. обязали Госторг отпустить для нужд Морведа¹ 4 двигателя в 250 л. с. при условии внесения последним в кассу Госторга суммы в 25 000 зол. руб.;

3. предоставил Госторгу право распоряжаться остальными двигателями по своему усмотрению.

Однако и после принятого решения СТО быстрой доставки грузов не произошло. Лишь в марте 1926 г. долгожданные 4 судовых двигателя были отправлены из Швеции в СССР. Правда, на этом «приключении» с данным заказом не закончились. На ленинградской таможне не были предупреждены о том, что данный груз является беспошлинным, и потребовали уплаты таможенного сбора на более чем 20 000 руб. [27, л. 135]. Но это было последнее злостное нарушение с заказом. Более того, полученные моторы подтолкнули советских инженеров к их усовершенствованию. Возник проект по замене цепи от генератора к двигателю более простым и дешёвым ремнем. Правда, переделка требовала дополнительных затрат в 12 000 крон [28, л. 4].

Заключение (результаты). Проведенное исследование показывает, что в период 1920-х - 1930-х гг. между советским государством и Шведским королевством помимо дипломатических, экономических и культурных связей весьма интенсивно развивались военные. Они включали сделки по приобретению оружия, двигателей для военных кораблей, обмундирования для военнослужащих. На этом фоне по объемам приобретаемых вооружений и затраченным суммам выделился договор с компанией «Бофорс», где советские представители заказывали богатый арсенал легкого и тяжелого вооружения.

Часть сделок со шведами, осуществленных советскими представителями, продолжала контакты, установленные до революции. Речь, в первую очередь, шла о компании «Гускварна», у которой были заказаны оружейные стволы, и АО «Атлас-Дизель», где был размещен заказ на судовые двигатели. Изученная нами история советско-шведских военных связей высвечивает еще ряд любопытных вопросов международного взаимодействия в 1920-е гг. Во-первых, это

использование Швеции для проведения торговых операций с Советской Россией фирмой «Мишлен» из Франции – страны, открыто выступавшей против большевиков. Причем мишленовские шины могли использоваться Красной армией в борьбе с Белым движением и помогавшими им силами Антанты. Второй сюжет, на который история советско-шведских военных связей проливает дополнительный свет, – взаимосвязь отношений Москвы и Стокгольма от событий международной жизни. В 1920 г. шведов к активизации отношений с большевиками подвигли снятие военно-экономической блокады и турне делегации Центросоюза по странам Европы во главе с Л. Б. Красиным. Скандинавы, не желавшие терять перспективный российский рынок, вступили с советскими представителями в торговые контакты. В том числе, в военной сфере. В последующие годы инициативу в развитии военно-технического взаимодействия проявляла советская сторона. Особенно, в 1923 и 1927 гг., что, по нашему мнению, было обусловлено в первом случае подготовкой к германской и, следовательно, мировой революции, во втором – ожиданием военного столкновения с Великобританией и возможно, даже, с союзом стран Запада. Касаемо военно-морских связей, то Москва интенсифицировала усилия на этом направлении в связи с критическим состоянием советского флота в начале 1920-х гг. В конце 1920-х - начале 1930-х гг. выделить страну-инициатора развития военно-технических связей сложно. Здесь, пожалуй, сложился паритет. СССР, исходя из его оборонной политики, интересовали все новейшие образцы вооружений. Шведские фирмы к взаимодействию с Советским Союзом подталкивал разраставшийся мировой экономический кризис. На этом этапе основной проблемой стало сохранение в тайне взаимовыгодных контактов. В результате для судов с военными материалами, закупленными в Швеции, разрабатывались маршруты поставок не напрямую из Стокгольма в Ленинград, а из норвежского Осло через турецкий Константинополь в советскую Одессу.

¹ Морское ведомство – название для структур РККА и Народного комиссариата по военным и морским делам, связанных с флотом.

Список литературы

1. Аркос // Большая советская энциклопедия. М. Сов. энциклопедия, 1926. Т. 3. С. 354.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 46. П. 286. Д. 54156.
3. АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 53. Д. 139.
4. АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 53. Д. 141.
5. АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 53. Д. 142.
6. АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 53. Д. 143.
7. Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008. 384 с.
8. Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2. 803 с.
9. Иголкин А. А. Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. 2004. № 10. С. 18-54.
10. История ВТС России. Рособоронэкспорт. URL: <https://roe.ru/rosoboronexport/vts-rosii-i-istoriya-ee-razvitiya/> (дата обращения: 15.02.2024).
11. Кан А. С. История скандинавских стран. Ч. III: Новейшее время. URL: <https://norway-live.ru/library/istoriya-skandinavskih-stran16.html> (дата обращения: 11.03.2022).
12. Климовский С. Д. Мелкосидящие сетевые заградители // Судостроение. 1988. № 10. С. 48-53.
13. Красноармейцы в польском плену в 1919-1922 гг.: сб. док-ов и мат-ов. М.; СПб.: Летний сад, 2004. 912 с.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1977. Т. 40. 508 с.
15. Ловцов Л. В. Политика военного коммунизма и железнодорожный транспорт (1918-1920 гг.). М., 1990. Рукопись, депонированная в ИНИОН. № 43633 от 08.01.91. 380 с.
16. Монаков М. С. Главком (Жизнь и деятельность Адмирала флота Советского Союза С. Г. Горшкова). М.: Кучково поле, 2008. 704 с.
17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18495.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 786.
19. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 2.
20. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 10.
21. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 15.
22. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 22.
23. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 25.
24. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 34.
25. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 35.
26. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 118.
27. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 123.
28. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 124.
29. Руль 1921. 23 марта; 19 июля
30. Сергеев Е. Ю. Обманчивый рассвет. Советский Союз и Великобритания в 1925-1932 гг. М.: Товарищество науч. изд-ний КМК, 2024. 397 с.
31. Справочник: Центральный государственный архив Советской армии: В 2 т. Т. 1: Путеводитель. Миннеаполис: East View Publications, США, 1991. 431 с.
32. Сталин И. В. Соч. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 12. 398 с.
33. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
34. Фирсов Ф. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М.: АИРО-XXI, 2019. 672 с.
35. Черноперов В. Л. Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918-1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 436 с.
36. Черноперов В. Л. Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа и подготовка большевиками «германского Октября» в 1923 г.: монография. Иваново, Н. Новгород: Иван гос. ун-т,

Ин-т стратегич. исслед-ий ННГУ, 2006. 168 с.

37. Черноперов В. Л. История перемещения полпреда СССР В.Л. Коппа из Японии в Швецию в контексте борьбы И. В. Сталина с объединенной оппозицией в 1926-1927 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: материалы XXI Междун. науч. конф., Иваново, 30-31 марта 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 553-558.

38. Широкопад А. Б. Великая речная война. 1918-1920 годы. М.: Вече, 2006. 295 с.

39. Шишкин В. А. Антисоветская блокада и ее крушение. Л.: Наука., 1989. 206 с.

40. Atlas Copco AB. URL: https://cdminfo.ru/?Itemid=184&id=510&option=com_content&task=view (дата обращения: 09.01.2024).

FROM THE HISTORY OF SOVIET-SWEDISH MILITARY RELATIONS IN THE 1920S - 1930S

The article is devoted to Soviet-Swedish military relations in the 1920s - 1930s. It is based on sources from the Russian State Archive of Economics and the Archive of Foreign Policy. Most of them are being introduced into scientific circulation for the first time. The relevance of the article is due to its low level of study. As a result of the study, it was found that Soviet-Swedish military ties included transactions for the purchase of weapons, engines for warships, uniforms for military personnel and other goods for the Red Army. Especially impressive was the interaction with the Bofors company, where Soviet representatives ordered light and heavy weapons. Moreover, Turkey assisted in the transportation of goods from this company to the USSR. Some of the transactions with Swedish companies ("Husqvarna" and JSC "Atlas-Diesel") continued the contacts established before the revolution. The article also shows the dynamics of interaction. In 1920, the interest in Moscow and Stockholm in military relations was mutual – the Bolsheviks needed goods for the Red Army, and the Swedes wanted to make money selling them for gold. In subsequent years, the USSR took more initiative in military cooperation. Especially in 1923 and 1927, which was caused in the first case by preparations for the German and, consequently, the world revolution, in the second by the expectation of a military clash with Great Britain and, possibly, with the union of Western countries. Since 1929, the USSR and Sweden have been interested in cooperation to about the same extent. Moscow was interested in the latest weapons, and the Swedes wanted to minimize losses due to the global economic crisis.

Keywords: Soviet Russia, RSFSR, USSR, Sweden, military communications, "Husqvarna", "Bofors", "Atlas-diesel"

References

1. Arkos [Arkos] (1926) // Bol'shaya sovetskaya e'nciklopediya. M.: Sov. e'nciklopediya, 1926. T. 3. P. 354.
2. Arxiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVP RF) [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]. F. 04. Op. 46. P. 286. D. 54156.
3. AVP RF. F. 05. Op. 9. P. 53. D. 139.
4. AVP RF. F. 05. Op. 9. P. 53. D. 141.
5. AVP RF. 05. Op. 9. P. 53. D. 142.
6. AVP RF. F. 05. Op. 9. P. 53. D. 143.
7. Golubev A. V. (2008) «Esli mir obrushit'sya na nashu respubliku...»: sovetskoe obshhestvo i vneshnyaya ugroza v 1920-1940-e gg. ["If the world falls upon our republic...": Soviet society and external threat in the 1920-1940s]. M.: Kuchkovo pole, 2008. 384 s.
8. Dokumenty vneshnej politiki SSSR (1958) [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. M.: Gospolitizdat, 1958. T. 2. 803 s.
9. Igolkin A. A. (2004) Leninskij narkom: u istokov sovetskoj korrupcii [Lenin's People's Commissar: at the Origins of Soviet Corruption] // Novyj istoricheskij vestnik. 2004. № 10. Pp. 18-54.
10. Istoriya VTS Rossii. Rosoborone'kспорт [History of Russian Military-Technical Cooperation. Rosoboronexport]. URL: <https://roe.ru/rosoboronexport/vts-rossii-i-istoriya-ee-razvitiya/> (Accessed 15 February 2024).
11. Kan A. S. Istoriya skandinavskij stran. Ch. III: Novejshee vremya [History of the Scandinavian countries. Part. III: Modern times]. URL: <https://norway-live.ru/library/istoriya-skandinavskih-stran16.html> (Accessed 11 March 2022).
12. Klimovskij S. D. (1988) Melkosidyashhie setevye zagrabiteli [Shallow-draft net layers] // Sudostroenie. 1988. № 10. Pp. 48-53.

13. Krasnoarmejsy v pol'skom plenu v 1919-1922 gg.: sbornik dokumentov i materialov (2004) [Red Army soldiers in Polish captivity in 1919-1922: a collection of documents and materials]. M.; SPb.: Letnij sad, 2004. 912 s.
14. Lenin V. L. (1977) Polnoe sobranie sochinenij. 5-t izd. [Complete Works. 5th ed.]. M.: Politizdat, 1977. T. 40. 508 s.
15. Lovcov L. V. (1990) Politika voennogo kommunizma i zheleznodorozhnyj transport (1918-1920 gg.) [The Policy of War Communism and Railroad Transport (1918-1920)]. M., 1990. Rukopis', deponirovannaya v INION. № 43633 ot 08.01.91 [Manuscript deposited in INION. No. 43633 dated 08.01.91.]. 380 s.
16. Monakov M. S. (2008) Glavkom (Zhizn' i deyatel'nost' Admirala flota Sovetskogo Soyuza S. G. Gorshkova) [Commander-in-Chief (Life and work of Admiral of the Fleet of the Soviet Union S. G. Gorshkov)]. M.: Kuchkovo pole, 2008. 704 s.
17. Rossijskij gosudarstvennyj arxiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 2. Op. 1. D. 18495.
18. Rossijskij gosudarstvennyj arxiv e'konomiki (RGAE') [Russian State Archive of Economics]. F. 413. Op. 2. D. 786.
19. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 2.
20. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 10.
21. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 15.
22. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 22.
23. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 25.
24. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 34.
25. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 35.
26. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 118.
27. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 123.
28. RGAE'. F. 413. Op. 6. D. 124.
29. Rul' 1921. 23 March, 19 July.
30. Sergeev E. Yu. (2024) Obmanchivj rassvet. Sovetskij Soyuz i Velikobritaniya v 1925-1932 gg. [Deceptive Dawn. The Soviet Union and Great Britain in 1925-1932]. M.: Tovarishestvo nauch. izd-nij KMK, 2024. 397 s.
31. Spravochnik: Central'nyj gosudarstvennyj arxiv Sovetskoj armii: V 2 t. T. 1: Putevoditel' (1991) [Handbook: Central State Archives of the Soviet Army: In 2 volumes. Vol. 1: Guide]. Minneapolis: East View Publications, SShA, 1991. 431 s.
32. Stalin I. V. Soch. [Works]. M.: Gospolitizdat, 1949. T. 12. 398 s.
33. Filosofskij e'nciklopedicheski slovar' (1983) [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M.: Sov. e'nciklopediya, 1983. 840 s.
34. Firsov F. Komintern: pogonya za prizrakom. Pereosmyslenie [Comintern: Chasing a Ghost]. M.: AIRO-XXI, 2019. 672 s.
35. Chernoperov V. L. (2006) Diplomatskaya deyatel'nost' V. L. Koppa v Germanii v 1918-1921 gg [Diplomatic activities of V. L. Kopp in Germany in 1918-1921]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2006. 436 s.
36. Chernoperov V. L. (2006) Diplomatskaya deyatel'nost' V. L. Koppa i podgotovka bol'shevikami «germanskogo Oktyabrya» v 1923 g.: monografiya [Diplomatic activities of V. L. Kopp and the preparation of the "German October" by the Bolsheviks in 1923: monograph]. Ivanovo, N. Novgorod: Ivan gos. un-t, In-t strategich. issled-ij NNGU, 2006. 168 s.
37. Chernoperov V. L. (2022) Istoriya peremeshheniya polpreda SSSR V.L. Koppa iz Yaponii v Shveciyu v kontekste bor'by I. V. Stalina s ob"edinennoj oppoziciej v 1926-1927 gg. [History of the transfer of the USSR Plenipotentiary Representative V. L. Kopp from Japan to Sweden in the context of I. V. Stalin's struggle with the united opposition in 1926-1927] // Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov: materialy XXI Mezhdun. nauch. konf., Ivanovo, 30-31 marta 2022 g. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2022. S. 553-558.
38. Shirokorad A. B. Velikaya rechnaya vojna. 1918-1920 gody [The Great River War. 1918-

1920]. М.: Veche, 2006. 295 с.

39. Shishkin V. A. Antisovetskaya blokada i ee krushenie [Anti-Soviet Blockade and Its Collapse]. L.: Nauka., 1989. 206 с.

40. Atlas Copco AB. URL: https://cdminfo.ru/?Itemid=184&id=510&option=com_content&task=view (Accessed 9 January 2024).

Об авторах

Черноперов Василий Львович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет (Россия), E-mail: vlchernoperov@rambler.ru.

Решетов Егор Андреевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет (Россия), E-mail: girlanda1999@mail.ru.

Chernoperov Vasily Lvovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University (Russia), E-mail: vlchernoperov@rambler.ru.

Reshetov Egor Andreevich – Postgraduate Student of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University (Russia), E-mail: girlanda1999@mail.ru.

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы).

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы) – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

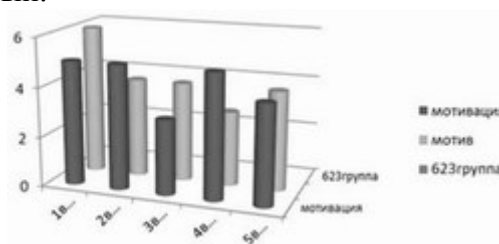

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№3 (61) 2024

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:

РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 28.09.2024.

Дата выхода журнала в свет: 30.09.2024.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 16,0. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**